

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Издается с 1997 года
Том 29, № 1*

Вологда • 2025

Решением Минобрнауки России журнал «Проблемы развития территории» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория (Экономические)
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (Экономические)
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (Экономические)
- 5.2.4. Финансы (Экономические)
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии (Социологические)
- 5.4.2. Экономическая социология (Социологические)
- 5.4.3. Демография (Социологические)
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (Социологические)
- 5.4.5. Политическая социология (Социологические)
- 5.4.6. Социология культуры (Социологические)
- 5.4.7. Социология управления (Социологические)

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий широкий круг вопросов социально-экономического развития территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям научной общественности и практикам работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения экономики территорий, принимать участие в обсуждении этих проблем. В числе основных тем – проблемы развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социально-экономическое развитие территорий, вопросы формирования доходов региональных бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, актуальные вопросы развития АПК.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ускова Т.В., д. э. н., проф. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аритон Д., доктор наук, проф. (Университет Данубиуса Галати, Румынское агентство по обеспечению качества в высшем образовании, Бухарест, Румыния)

Базуева Е.В., д. э. н., проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия)

Бахтизин А.Р., член-корреспондент РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Буккиарелли Э., доктор наук (Университет «Габриэле д'Аннунцио», Пескара, Италия)

Воронов В.В., д. с. н., проф. (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., д. э. н., доцент (ООО «Русинтехком», Вологда, Россия)

Дюран С., кандидат наук, доцент (Университет Париж 13 (Университет Париж-Север), Вильтанез, Франция)

Котилайнен Ю., доктор наук, проф. (Университет Восточной Финляндии, Йюэксуу, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь)

Латов Ю.В., д. с. н., доцент (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лыкова Л.Н., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Скуфьяна Т.П., д. э. н., проф. (Кольский научный центр РАН, Апатиты, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Давыденко В.А., д. с. н., проф. (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

Доброхлеб В.Г., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия)

Жгулев Е.В., д. э. н., доцент (Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Жихаревич Б.С., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Каргаполова Е.В., д. с. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Ковач Т., к. э. н., доцент (Школа бизнеса Будапешта, Колледж международного менеджмента и бизнеса, Будапешт, Венгрия)

Когай Е.А., д. филос. н., проф. (Курский государственный университет, Курск, Россия)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Мазилев Е.А., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Малков Н.Г., к. т. н., доцент (Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, с. Молочное, Россия)

Попов Е.В., член-корреспондент РАН (Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Сакал П., доктор философии, проф. (Словацкий технический университет, Трнава, Словакия)

Селин М.В., д. э. н., проф. (ООО «Марфино», Вологда, Россия)

Суворов А.В., д. э. н., проф. (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Теребова С.В., д. э. н., доцент (Агентство мониторинга и социологических исследований, Вологда, Россия)

Цветков В.А., член-корреспондент РАН (Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Ускова Т.В.

Современные подходы к решению территориальных вопросов 7

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Леонидова Е.Г.

Развитие туристической индустрии в регионах Северо-Запада России в современных условиях 10

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Макарова М.Н.

Исследование систем городского расселения на основе методических положений пространственной демографии 30

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

Леонов С.Н.

Тенденции и факторы формирования доходов бюджетов дальневосточных субъектов Федерации в условиях турбулентности 41

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Пьянкова С.Г., Ерзунова О.Т.

Специфика развития городов под влиянием деятельности крупных промышленных компаний в России 57

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

Шабунова А.А., Соколова Т.И.

Функционирование музеев Вологодской области через призму их финансового обеспечения 73

Манаева И.В.

Здоровье населения и экономика в российских регионах: параметры и зависимости 89

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Мониторинг экономики: ноябрь 2024 года 107

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Новые издания ФГБУН ВолНЦ РАН 122

Правила для авторов 125

Информация о подписке 126

CONTENTS

FROM THE EDITOR

Uskova T.V.

Modern Approaches to Solving Territorial Issues 7

STATE REGULATION OF TERRITORIAL DEVELOPMENT

Leonidova E.G.

Tourism Industry Development in the Regions of North-West Russia
in Modern Conditions 10

TERRITORIAL ORGANIZATION AND MANAGEMENT

Makarova M.N.

Studying Urban Settlement Systems Based on Methodological Provisions of Spatial
Demography 30

TERRITORIAL FINANCE

Leonov S.N.

Trends and Factors concerning Formation of Budget Revenues of the Far Eastern
Constituent Entities of the Federation under Conditions of Turbulence 41

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES, BRANCHES, AND PRODUCTION COMPLEXES

Pyankova S.G., Ergunova O.T.

The Specifics of Urban Development Influenced by the Activities of Large Industrial
Companies in Russia 57

LIFE QUALITY AND HUMAN POTENTIAL OF TERRITORIES

Shabunova A.A., Sokolova T.I.

The Functioning of Museums in the Vologda Region through the Prism of Their Financial
Support 73

Manaeva I.V.

Population Health and the Economy in Russian Regions: Parameters and Relations 89

MONITORING OF CHANGES: MAIN TRENDS

Monitoring of the Economy: November 2024 107

CRONICLE OF SCIENCE LIFE

New VolRC RAS Issues 122

Author Guidelines 125

Subscription Information 126

ОТ РЕДАКЦИИ

DOI: 10.15838/ptd.2025.1.135.1

УДК 332.1 | ББК 65.050.22

© Ускова Т.В.

ТАМАРА ВИТАЛЬЕВНА УСКОВА

главный редактор
доктор экономических наук
профессор
ФГБУН ВолНЦ РАН
Вологда
Российская Федерация
ORCID: [0000-0001-9416-1136](https://orcid.org/0000-0001-9416-1136)
ResearcherID: [O-2232-2017](https://orcid.org/0-2232-2017)

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ

При подготовке первого в этом году выпуска журнала мы обратили внимание на то, что научное сообщество пытается предложить подходы к решению разнообразных проблем территориального развития. На наш взгляд, такой подход позволяет посмотреть на территории с разных сторон. Однако чаще всего автором раскрывается только одна сторона или один аспект исследуемой проблемы, более глубокого погружения в тематику не происходит. Кроме того, читателю бывает крайне сложно выбрать из опубликованных статей те материалы, которые ему необходимы. Избежать этих недостатков позволяет подготовка тематических выпусков, когда наиболее актуальная для региональной экономики проблема рассматривается с разных сторон. В связи с этим полагаем, что в текущем году один из выпусков журнала следует посвятить, например, пространственным аспектам территориального развития, которые весьма интересны многим ведущим отечественным ученым-экономистам. Более того, решение проблем пространственного развития страны находится на контроле федеральных органов исполнительной власти: в конце декабря прошлого года распоряжением Правительства Российской Федерации утверждена Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года, и Минэкономразвития России готовит план мероприятий по ее реализации.

Для цитирования: Ускова Т.В. (2025). Современные подходы к решению территориальных вопросов // Проблемы развития территории. Т. 29. № 1. С. 7–9. DOI: 10.15838/ptd.2025.1.135.1

For citation: Uskova T.V. (2025). Modern approaches to solving territorial issues. *Problems of Territory's Development*, 29 (1), 7–9. DOI: 10.15838/ptd.2025.1.135.1

В текущем выпуске журнала представлены статьи, охватывающие весьма широкий спектр аспектов развития территорий.

Е.Г. Леонидова посвятила исследование оценке развития туристической индустрии в регионах Северо-Запада России в условиях негативных внешних вызовов и роста привлекательности внутренних туристических направлений. Актуальность данного исследования связана прежде всего с реализацией национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства». Автор анализирует востребованность гостиничной инфраструктуры, определяет тенденции и особенности потребления услуг размещения в субъектах округа, оценивает эффекты для региональной экономики от роста туристского потребления и предлагает комплекс мер, направленных на более полную реализацию туристического потенциала и выполнение целей национального проекта.

Проблема расселенческих процессов как одного из способов территориальной организации общества нашла отражение в статье *М.Н. Макаровой*. Исследование систем городского расселения выполнено автором на основе методических положений пространственной демографии. Применение регрессионного моделирования позволило выявить наличие двух типов региональных систем расселения в зависимости от индустриального освоения регионального пространства. Полученные результаты могут быть использованы в рамках реализации политики пространственного развития.

Тенденции и факторы формирования доходов бюджетов дальневосточных субъектов Российской Федерации в условиях турбулентности раскрываются в работе *С.Н. Леонова*. Выявлены высокая степень зависимости бюджетов дальневосточных регионов от федеральных трансфертов, усиление рассинхронизации динамики собственных доходов бюджетов и межбюджетных трансфертов, изменение уровня

прозрачности межбюджетных отношений в кризисный период. Показано, что устойчивость доходной части региональных бюджетов макрорегиона обеспечивали стабильные поступления налогов на прибыль (доходы) и имущественных налогов. Предложены меры по совершенствованию межбюджетных отношений.

Результаты исследования развития российских городов под влиянием деятельности крупных промышленных компаний представлены в статье *С.Г. Пьянковой* и *О.Т. Ергуновой*. Выполнен анализ влияния крупных промышленных компаний на социальное, экономическое и экологическое развитие городов, на основе разработанного методического подхода выявлены ключевые зависимости между факторами развития и сделан прогноз, предложены стратегии поддержки для городов с низким уровнем развития.

А.А. Шабунова и *Т.И. Соколова* рассматривают вопросы функционирования музеев Вологодской области через призму их финансового обеспечения. На основе системного, сравнительного, статистического и социологического анализа авторы делают вывод о недостаточном объеме выделяемых бюджетных средств не только для перспективного развития музеев региона, но и для решения текущих задач. Учитывая значимость музеев в вопросах воспитания молодого поколения для будущего развития страны, авторы подчеркивают важность увеличения государственного финансирования данных учреждений.

Оценка взаимосвязи индикаторов здоровья населения и экономики в регионах РФ выполнена *И.В. Манаевой*. Доказано, что повышение продолжительности жизни оказывает положительное влияние на экономику субъекта федерации, а заболеваемость – отрицательное. Смертность населения в трудоспособном возрасте сказывается на экономике с трехлетним лагом.

Завершает выпуск журнала «Мониторинг экономики», который *М.А. Сидоров* посвятил анализу состояния и тенденций развития экономики России и СЗФО по итогам третьего квартала 2024 года.

Надеемся, что научно обоснованные рекомендации найдут применение в практике регионального управления и будут использованы для решения стратегически важных для страны задач.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тамара Витальевна Ускова – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tamara V. Uskova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy director for science, head of department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/ptd.2025.1.135.2

УДК 338.48 | ББК 65.433

© Леонидова Е.Г.

РАЗВИТИЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ В РЕГИОНАХ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

ЕКАТЕРИНА ГЕОРГИЕВНА ЛЕОНИДОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: eg_leonidova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9206-6810; ResearcherID: I-8400-2016

Северо-Западный федеральный округ является перспективным макрорегионом России для развития туризма. Для обеспечения выполнения стратегических целей, связанных с реализацией национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства», актуализируется оценка развития туристической индустрии в регионах Северо-Запада России, что и стало целью исследования. Для ее реализации проанализирован спрос населения на гостиничную инфраструктуру макрорегиона, определены тенденции и особенности потребления услуг размещения в субъектах Северо-Западного федерального округа, оценены эффекты от роста туристского потребления для региональной экономики, предложены направления, способствующие реализации туристического потенциала субъектов округа и выполнению целей национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства». Выделены типы регионов по уровню развития туризма, обнаружены региональные диспропорции в распределении туристического потока в макрорегионе, выявлена проблема наращивания номерного фонда для большинства субъектов Северо-Запада России, установлено снижение туристической привлекательности отдельных территорий округа. Научная новизна работы состоит в рассмотрении тенденций развития туристической индустрии на Северо-Западе России, функционирующей в условиях негативных внешних вызовов и роста привлекательности внутренних туристических направлений; в совершенствовании инструментария использования межотраслевого баланса в целях анализа и оценки экономических эффектов для региональной экономики, возникших в результате активизации туристической деятельности. Информационную базу исследования образуют сведения статистики, отража-

Для цитирования: Леонидова Е.Г. (2025). Развитие туристической индустрии в регионах Северо-Запада России в современных условиях // Проблемы развития территории. Т. 29. № 1. С. 10–29. DOI: 10.15838/ptd.2025.1.135.2

For citation: Leonidova E.G. (2025). Tourism industry development in the regions of North-West Russia in modern conditions. *Problems of Territory's Development*, 29 (1), 10–29. DOI: 10.15838/ptd.2025.1.135.2

ющие развитие туристической индустрии, результаты социологического опроса, проведенного фондом «Общественное мнение», данные ЕМИСС и таблицы «затраты – выпуск». В ходе исследования применялись методы сравнительного анализа и синтеза, экономического и статистического анализа, межотраслевого баланса. Материалы статьи представляют практический интерес для органов государственной власти при реализации политики по развитию туристической отрасли для более объективного понимания тенденций ее развития и получения большего экономического эффекта.

Туристские услуги, туризм, внутренний туризм, СЗФО, потребление.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья выполнена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2025-0012 «Структурно-технологическая трансформация региональной экономики в условиях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: мониторинг, регулирование и прогноз».

Введение

После пандемии коронавирусной инфекции российский туризм столкнулся с рядом новых значительных вызовов. Его форсированное развитие, отмечаемое с началом реализации в 2021 году профильного национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства», продолжают определять непростые экономические условия, связанные с нестабильной геополитической обстановкой, санкционным давлением недружественных стран, высокой волатильностью цен на мировых сырьевых рынках и прочими угрозами. Эти факторы вызвали значительную трансформацию туризма в России, изменив структуру рынка. Так, объем выездного турпотока по итогам 2023 года оказался в 1,8 раза меньше уровня допандемийного 2019 года (45,3 тыс. поездок). Количество въездных туристских поездок иностранных граждан в Россию за тот же период сократилось втрое, составив в 2023 году 8,2 тыс. поездок. Санкции, введенные Евросоюзом и США, в отношении авиационной отрасли России привели к тому, что количество рейсов между странами Европы и Россией с марта 2022 года по февраль 2023 года снизилось на 99% по сравнению с теми же месяцами до пандемии¹, а также ограничили возможности российских авиакомпаний использовать находящиеся в лизинге

европейские самолеты, осуществлять новые поставки, техобслуживание и страхование бортов. Таким образом, современное развитие российского туризма характеризуется негативным влиянием внешней среды (действие санкций, уход иностранных компаний с российского рынка, рост инфляции), которая формирует определенные ограничения как краткосрочного, так и долгосрочного характера.

Невысокие показатели въездного и выездного турпотока в России предопределили первоочередную роль развития внутреннего туризма. Стоит отметить, что в целом в мире путешествия внутри страны демонстрируют высокую доходность. Согласно данным Всемирного совета по туризму и путешествиям (WTTC), по итогам 2023 года траты внутренних туристов выросли на 18,1%, превзойдя уровень 2019 года, в то время как расходы международных туристов в 2023 году увеличились на 33,1%, но остались на 14,4% ниже значения 2019 года². Значимость потребления туристических товаров и услуг внутри страны для экономики доказана многими зарубежными и отечественными учеными (Thano, Kote, 2015; Леонидова, Сидоров, 2019; Nguyen, Su, 2020 и др.). В их работах констатируется высокий мультипликативный эффект отрасли, воз-

¹ Согласно данным аналитической компании «ForwardKeys».

² WTTC/Oxford Economics 2024 Travel & Tourism Economic Impact Research Methodology. URL: <https://researchhub.wttc.org/product/economic-impact-research-eir-data-sources-and-estimation-techniques>

никающий в результате такого потребления и генерирующий развитие многих смежных с ней отраслей народного хозяйства. В России вклад в экономику от развития туризма пока невысок (в 2023 году – 2,8% ВВП), а доля расходов домохозяйств на туризм и отдых не превысила допандемийный уровень и составила по итогам 2022 года всего 1,6% в общем объеме потребительских расходов (для сравнения: в 2019 году – 3,9%)³. Реализация национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» предполагает достижение к 2035 году количества путешествий граждан России по стране до 140 млн поездок в год⁴. Эту цель предполагается обеспечить за счет активного развития туристической инфраструктуры, в том числе гостиничной. Оценочно, для достижения стратегического показателя необходимо создать 382,6 тыс. новых номеров⁵.

Известно, что территории Российской Федерации характеризуются неравномерным потреблением населением туристских услуг, в то время как многие из них обладают высоким туристско-рекреационным потенциалом, который не используется в полной мере. Так, например, на Северо-Западе основной спрос туристов приходится на г. Санкт-Петербург. В субъектах СЗФО активизировалось строительство средств размещения в связи с реализацией программ субсидирования. Однако в то же время важно соотносить объемы туристического спроса с существующей инфраструктурой размещения и выявить возможные проблемные места.

Гипотеза исследования основана на предположении, что в условиях негативного влияния внешней среды и активного развития внутреннего туризма потенциал туристической индустрии Северо-Запада России используется не в полной мере. В связи с этим целью работы стала оценка развития туристической индустрии в регионах СЗФО в современных условиях. Для ее реализа-

ции проанализирован спрос населения на гостиничную инфраструктуру макрорегиона, определены тенденции и особенности потребления услуг размещения в субъектах СЗФО, оценен эффект для региональной экономики от роста туристского потребления, предложены направления, способствующие реализации туристического потенциала субъектов СЗФО и выполнения целей национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства». Научная новизна состоит в раскрытии тенденций развития туристической индустрии на Северо-Западе России, функционирующей в условиях негативных внешних вызовов и роста привлекательности внутренних туристических направлений; в совершенствовании инструментария использования межотраслевого баланса в целях анализа и оценки экономических эффектов для региональной экономики, возникших в результате активизации туристической деятельности. Результаты исследования связаны с решением научной проблемы поиска и обоснования направлений, повышающих вклад туристической отрасли в региональную экономику, а также с развитием научно-методического подхода к оценке влияния туризма на развитие территорий.

Теоретико-методологические основы исследования

Интерес к исследованию внутреннего туризма в последнее время отмечен в работах как зарубежных, так и отечественных ученых, в связи с тем, что данное направление выступило своего рода драйвером развития туристической отрасли в условиях сильного негативного влияния на нее пандемии коронавирусной инфекции (Arbulú et al., 2021; Gossling et al., 2021; Kreiner, Ram, 2021; Rogerson, Rogerson, 2021; Woyo, 2021; Duro et al., 2022). Авторы подчеркивают, что внутренний туризм обладает определенной

³ По данным Росстата.

⁴ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ffccd6ed40dbd803eedd11bc8c9f7571/Plan_po_dostizheniyu_nacionalnyh_celey_razvitiya_do_2024g.pdf

⁵ К 2030 году в России планируют построить новые отели на 382,6 тыс. номеров. URL: <https://www.atorus.ru/node/51868>

устойчивостью к действию внешних факторов благодаря спросу со стороны местного населения, способности привлекать инвестиции и создавать новые рабочие места (Nguyen, Su, 2020).

Российские ученые также уделяют достаточно много внимания развитию внутреннего туризма и туристической индустрии регионов страны. Исследователи анализируют их способность выполнить стратегические цели, заложенные в национальном проекте «Туризм и индустрия гостеприимства». Так, например, подчеркивается, что обеспечить планируемый рост числа туристических поездок по стране маловероятно из-за низкой платежеспособности населения (Симонян, Сарян, 2022). На этот фактор, негативно влияющий на развитие туристической индустрии в стране, указывают многие авторы (Донскова и др., 2022; Леонидова, 2023). Также, по мнению ученых, в последнее время значительно возросло количество публикаций, посвященных функционированию туристической отрасли страны в условиях санкционных ограничений (Романова и др., 2022).

В отдельный блок можно выделить труды, касающиеся проблем туристической индустрии территорий Северо-Запада России, где отмечается разный уровень возможностей реализации туристско-рекреационных потребностей населения (Морошкина, Кондратьева, 2021), несоответствие объема турпотока наличию номерного фонда (Иванов и др., 2022). Исследователи уделяют внимание необходимости раскрытия туристско-рекреационного потенциала регионов (Иванова, 2024), в том числе за счет активизации различных ресурсов (Поспелова, Кутыева, 2022). В других работах отмечается важность обеспечения транспортной (Орлова, 2021) и экономической доступности региона (Морошкина, Кондратьева 2021), развития его туристической инфраструктуры и удешевления стоимости турпродуктов (Яковчук, 2020).

Анализ научных трудов показал, что исследователи в основном сосредоточились на рассмотрении отдельных вопросов, связанных с функционированием туристической

индустрии СЗФО (развитие видов туризма, доступности туруслуг, инфраструктурного обеспечения и т. п.) либо его отдельных субъектов. В то же время отмечается недостаток работ, посвященных системному анализу развития туризма, в которых обобщаются закономерности развития отрасли во всех субъектах макрорегиона в контексте выполнения целей национального проекта.

Объектом настоящего исследования выступает развитие туризма регионов СЗФО: г. Санкт-Петербурга, Ленинградской, Вологодской, Архангельской, Калининградской, Мурманской, Новгородской и Псковской областей, республик Карелия и Коми, Ненецкого автономного округа. В анализе используются данные за последние три года (2021–2023 гг.) для сравнения текущего состояния развития отрасли с посткризисным восстановительным периодом, связанным с влиянием коронавирусной инфекции.

Теоретическая база исследования опирается на источники, которые посвящены изучению развития внутреннего туризма, особенностей туристических возможностей Северо-Западного федерального округа. Информационную базу образуют сведения статистики, отражающие развитие туристической индустрии, а также результаты социологического опроса, проведенного фондом «Общественное мнение». В ходе исследования применялись методы сравнительного анализа и синтеза, экономического и статистического анализа, межотраслевого баланса. Поскольку российская статистика туризма несовершенна, то оценка функционирования отрасли проведена на анализе сведений Росстата, характеризующих востребованность гостиничной индустрии, которая является одним из основных компонентов туристической системы (Nguyen, 2021). В статье упор сделан на спросе внутренних туристов на услуги средств размещения, потребление которых остается драйвером развития всей отрасли. Ограничением исследования послужило отсутствие данных, характеризующих «серый» рынок средств размещения.

Для определения интенсивности туристских прибытий рассчитан показатель туристской нагрузки на территорию⁶. Оценка текущего уровня развития гостиничной инфраструктуры проведена на основе относительного индикатора, а именно числа мест средств размещения на 10 тыс. человек населения. Показатели общедоступны, отражают уровень востребованности услуг размещения и подходят для сопоставления.

Для оценки влияния изменения туристского потребления на региональную экономику использовался метод межотраслевого баланса, зарекомендовавший себя как эффективный метод, позволяющий получить оценку общего экономического эффекта, который изменение конечного спроса окажет на экономику территории (Леонидова, Сидоров, 2019). Для решения этой задачи применялась статическая межотраслевая модель экономики Вологодской области. Модель содержит включенный в нее вид деятельности «Туризм», отдельно не представленный в российской статистике. Для расчета туристского выпуска и туристской добавленной стоимости по видам деятельности, связанным с туризмом, использован методический инструментарий, основанный на агрегировании данных, характеризующих отгрузку товаров, выполнение работ и оказание услуг российскими предприятиями, ранее апробированный в других работах (Леонидова, Сидоров, 2019). В 2023

году объем валового регионального продукта Вологодской области составил 1024,2 млрд руб. С учетом межотраслевых взаимосвязей доля в нем туризма оценивается в 4%. Структура экономики сформирована на основе уточненных данных таблиц «затраты – выпуск» за 2020 год; информация по отгрузке, численности работников и заработной плате в разрезе отраслей представлена данными информационной базы ЕМИСС за 2023 год. Дальнейшее моделирование осуществлялось исходя из этих пропорций.

Результаты исследования

Спрос населения на услуги внутреннего туризма можно оценить по показателям гостиничного сектора. В 2023 году объем внутреннего туристского потока превысил значения допандемийного уровня 2019 года, достигнув почти 80 млн путешественников, что стало рекордным показателем внутреннего туризма за всю историю (рис. 1). За 2019–2023 гг. его прирост составил 22%. Доля Северо-Западного федерального округа в общем турпотоке выросла на 1,7%, что говорит о туристическом интересе к этому макрорегиону.

Однако по сравнению с Центральным федеральным округом в гостиничном секторе СЗФО останавливается в два раза меньше туристов. Так, по итогам 2023 года в средствах размещения Северо-Запада размещено 10,9 млн человек, что выше прошлогоднего значения на 14,1% (рис. 2).

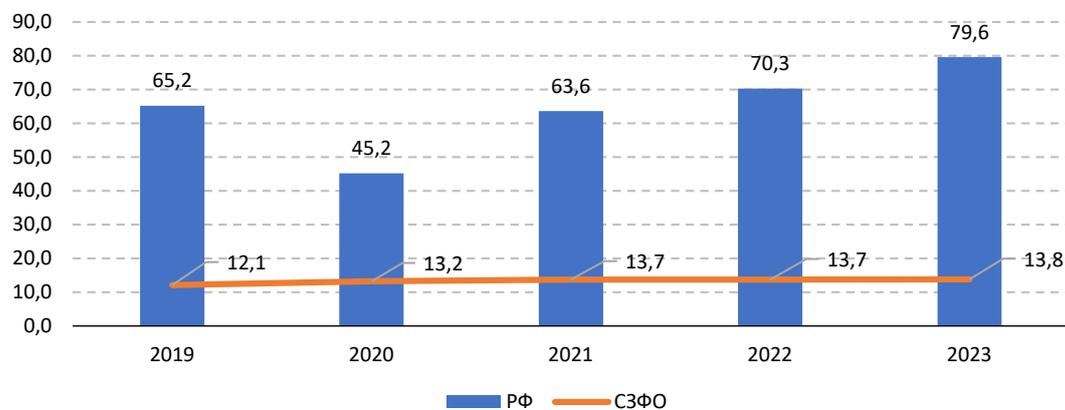

Рис. 1. Динамика внутреннего турпотока в РФ и доля в нем СЗФО, млн чел., %

Источник: данные Росстата.

⁶ Туристская нагрузка на территорию определяется как отношение турпотока к числу жителей принимающей туристов территории. Турпоток в этом случае оценивался по данным численности россиян, остановившихся в коллективных средствах размещения.

Самая заметная динамика показателя за 2022–2023 гг. отмечена в Северо-Кавказском федеральном округе (прирост показателя +30,4%), что связано с высоким туристическим интересом ко всем его субъектам, а особенно к Республике Дагестан (+80%). Взрывной спрос на туруслуги региона фиксируется с 2020 года, что во многом обусловлено активной рекламой и его продвижением в социальных сетях⁷.

В СЗФО основной вклад в динамику прироста показателя внесла Ленинградская область, в которой число туристов,

размещенных в гостиницах и прочих коллективных средствах размещения, выросло в 1,9 раза, достигнув 2,4 млн человек (табл. 1).

Такой результат обеспечен спросом населения на новые форматы отдыха (экотропы, глэмпинги, агротуризм, парки и базы отдыха, спа-отели, горнолыжные курорты) и развитием туристической инфраструктуры за счет государственных и частных инвестиций. В рамках национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» в 2023 году для дальней-

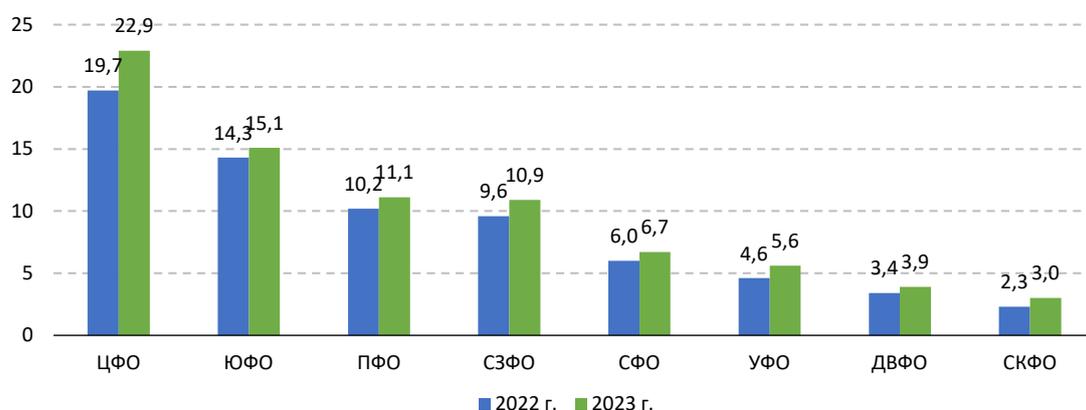

Рис. 2. Динамика численности граждан РФ, размещенных в коллективных средствах размещения, в 2022–2023 гг. в разрезе федеральных округов, млн чел.

Источник: данные Росстата.

Таблица 1. Динамика численности россиян, размещенных в коллективных средствах размещения, в СЗФО, 2021–2023 гг.

Территория	% к предыдущему году			Ранг*, 2023 год
	2021 год	2022 год	2023 год	
РФ	140,7	110,5	113,2	-
СЗФО	146,5	110,1	114,1	3
Ленинградская обл.	129,8	103,3	190,0	1
Вологодская обл.	131,7	125,3	130,8	12
Республика Коми	135,2	96,8	126,6	17
Мурманская обл.	148,4	103,0	106,7	44
Республика Карелия	146,4	105,8	104,0	51
Архангельская обл.	168,1	106,0	99,7	59
Псковская область	144,3	124,4	99,6	60
г. Санкт-Петербург	151,8	114,4	98,8	62
Калининградская обл.	159,3	91,1	98,8	63
Новгородская обл.	130,8	121,1	96,3	67
Ненецкий авт. округ	140,3	116,1	81,3	80

* Ранг соответствующего региона и федерального округа по динамике показателя в 2023 году среди 85 субъектов Федерации (без учета Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей) и 8 федеральных округов.
Источник: данные Росстата.

⁷ «Толпа людей хлынула»: как соцсети открыли для туризма Дагестан. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/455689-tolpa-ludej-hlynula-kak-socseti-otkryli-dla-turizma-dagestan>

шего развития инфраструктуры и реализации программ регион привлек 185,6 млн руб., которые потрачены на реализацию программы школьного туризма с 5 по 9 класс, проведение событийных мероприятий, создание кемпингов и автокемпингов, обустройство пляжей и национальных турмаршрутов, развитие доступной туристской среды для лиц с ограниченными возможностями⁸. На создание некапитальных средств размещения в 2023 году Ленинградской области выделено 36,6 млн руб.

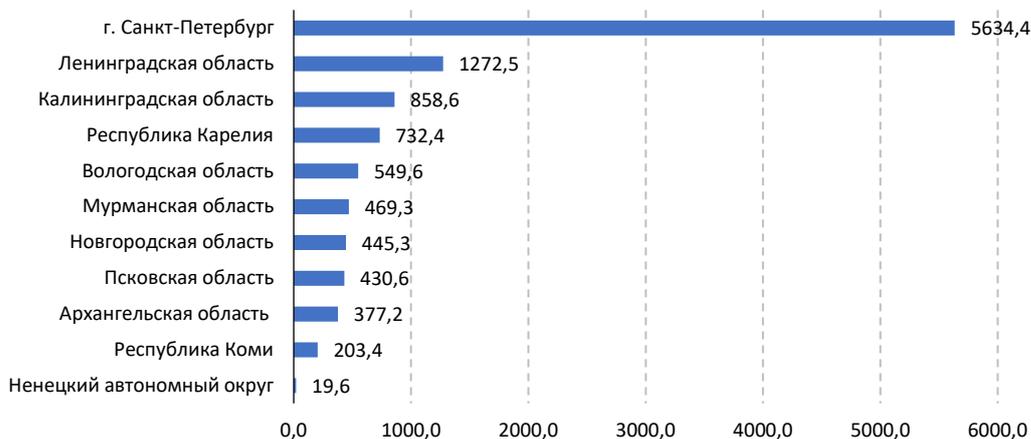
Интересен подход региональных чиновников, применяемый к привлечению инвестиций в сферу туризма: в 2023 году в Ленинградской области впервые в России разработана инвестиционная стратегия развития туристской инфраструктуры региона, в ходе подготовки которой в тесном взаимодействии с экспертами был проанализирован рынок и спрос, выбраны удачные локации, исходя из транспортной доступности, рекреационной привлекательности, наличия других «изюминок» места, ради которых едут туристы⁹. Таким образом, в рамках развития разных фор-

матов отдыха в локациях, расположенных в 2,5-часовой доступности от г. Санкт-Петербурга, генерирующего основной спрос на рекреационные объекты, и привлечения государственных и частных инвестиций в Ленинградской области создаются условия для превращения туризма в точку роста экономики региона.

Заметный рост внутреннего турпотока отмечен в Вологодской области (+30,7%) и Республике Коми (+26,6%). В Вологодской области увеличение туристической активности связано с возросшим спросом туристов на новогодние туры в г. Великий Устюг на Вотчину Деда Мороза¹⁰. Рост показателя в Республике Коми во многом обусловлен эффектом низкой базы прошлого года.

Незначительное снижение спроса на услуги гостиниц фиксируется в половине субъектов Северо-Запада. Спад отмечен в Архангельской, Псковской, Калининградской, Новгородской областях, г. Санкт-Петербурге и Ненецком автономном округе.

По итогам 2023 года в абсолютных значениях лидером на Северо-Западе по приему туристов, остановившихся на ночлег, ожидаемо стал г. Санкт-Петербург (рис. 3).

Рис. 3. Численность россиян, остановившихся в коллективных средствах размещения, в разрезе субъектов СЗФО в 2023 году, тыс. чел.

Источник: ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31560>

⁸ Ленобласть получает 185 млн рублей из нацпроекта на развитие туризма // Правительство Ленинградской области. URL: <https://lenobl.ru/ru/dlya-smi/news/62367>

⁹ Ленинградская область развивает инфраструктуру для строительства современных отелей // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/12/19/leningradskaia-oblast-razvivaet-infrastrukturu-dlia-stroitelstva-sovremennyh-otalej.html>

¹⁰ Рекордное число россиян приедет в гости к Деду Морозу // Прайм. URL: <https://1prime.ru/20231228/842694794.html>

Однако, если рассмотреть такой относительный показатель, как туристская нагрузка на территорию, то следует отметить, что интенсивность посещений туристов наиболее высока в Республике Карелии (табл. 2).

Причем среди всех субъектов СЗФО показатель в этом регионе оставался высоким на протяжении всего периода исследования, значительно превышая как средний уровень по округу, так и по стране в целом. Это говорит об активном развитии туризма в Республике Карелии в последние годы и ро-

сте интереса туристов к ней. В Вологодской и Архангельской областях, Ненецком автономном округе и Республике Коми показатель уступает общероссийскому значению в последние годы.

Стоит отметить, что на рост туристических прибытий влияет и развитость инфраструктуры в регионе. Республика Карелия, наряду с г. Санкт-Петербургом и Мурманской областью, вошла в 2023 году в топ-3 регионов Северо-Запада по вводу новых мест размещения (табл. 3).

Таблица 2. Динамика туристской нагрузки в СЗФО в 2021–2023 гг., чел.

Территория	2021 год	2022 год	2023 год	Изменение за 2021–2023 гг.
РФ	0,43	0,48	0,54	0,11
СЗФО	0,63	0,69	0,79	0,16
Республика Карелия	1,04	1,11	1,39	0,35
г. Санкт-Петербург	0,75	0,86	1,01	0,26
Калининградская область	0,80	0,73	0,83	0,03
Новгородская область	0,55	0,68	0,78	0,23
Псковская область	0,60	0,76	0,74	0,14
Мурманская область	0,50	0,52	0,71	0,21
Ленинградская область	0,62	0,63	0,63	0,01
Вологодская область	0,32	0,41	0,49	0,17
Ненецкий автономный округ	0,28	0,33	0,47	0,19
Архангельская область	0,33	0,36	0,39	0,06
Республика Коми	0,26	0,25	0,28	0,02

Источник: данные Росстата.

Таблица 3. Динамика прироста мест средств размещения в СЗФО в 2021–2023 гг., % к предыдущему году

Территория	2021 год	2022 год	2023 год
г. Санкт-Петербург	108,7	109,5	118,7
Мурманская область	107,3	102,8	117,5
Республика Карелия	109,5	108,2	114,9
Республика Коми	112,7	82,8	109,7
Вологодская область	107,6	102,7	108,1
Новгородская область	102,3	114,3	107,1
Калининградская область	105,3	124,7	106,9
Псковская область	92,8	110,4	102,9
Ненецкий автономный округ	164,9	102,1	101,0
Ленинградская область	117,2	108,0	98,9
Архангельская область	118,4	100,3	98,5

Рассчитано по: данные Росстата.

Во многом интерес бизнеса к строительству гостиниц обусловлен активным участием региона в программе субсидирования средств размещения в рамках нацпроекта «Туризм и индустрия гостеприимства»¹¹. По числу мест в гостиничных номерах на 10 тыс. чел. населения средний уровень по округу обеспечили в 2023 году Республика Карелия, г. Санкт-Петербург и Ленинградская область, а также Калининградская область (табл. 4). В то же время для большинства субъектов СЗФО актуальна проблема наращивания номерного фонда. Например, в Вологодской области мест в гостиницах почти вдвое меньше, чем в Республике Карелии.

Проблема нехватки объектов размещения в регионах СЗФО фиксируется не только статистическими ведомствами, но и констатируется представителями органов власти. Так, например, в Мурманской области после пандемии отмечен спрос на горнолыжный туризм, который не обеспечен достаточным предложением со стороны гостиничной

инфраструктуры. Ежегодный рост турпотока оценивается в 2023 и 2024 гг. региональным правительством в 30 и 24% соответственно при полной загрузке отелей в пик сезона, в том числе гостиниц дешевого сегмента¹². В Ленинградской области не хватает 2,5 тыс. мест для туристов¹³. В целом по стране дефицит мест размещения оценивается Минэкономразвития РФ в минимум в 1 тыс. отелей.

Для субъектов СЗФО характерно наличие сезонности спроса на турпродукты. Так, одним из регионов округа, туристический потенциал которого задействован не в полную силу, является Вологодская область. Она привлекательна для создания разнообразных туристических продуктов и значима для российского, а в перспективе и глобального туристического рынка. Спрос на гостиничный сектор региона характеризуется, с одной стороны, недостатком номерного фонда, в том числе номеров высшей категории¹⁴ в высокий сезон¹⁵ (период проведения круп-

Таблица 4. Динамика числа мест средств размещения в СЗФО в 2021–2023 гг. на 10 тыс. чел. населения, ед.

Территория	2021 год	2022 год	2023 год	2023 год к 2021 году, %
СЗФО	180	196	217	120,5
Калининградская область	182	226	241	132,4
г. Санкт-Петербург	190	208	246	129,5
Республика Карелия	216	236	274	126,9
Новгородская область	165	191	206	124,8
Мурманская область	144	150	178	123,6
Псковская область	175	196	204	116,6
Вологодская область	129	134	145	112,4
Ленинградская область	242	259	254	105,0
Ненецкий автономный округ	69	71	71	102,9
Архангельская область	133	135	134	100,8
Республика Коми	103	86	96	93,2
Рассчитано по: данные Росстата.				

¹¹ Нацпроекты: благодаря нацпроекту «Туризм и индустрия гостеприимства» в Карелии за 5 лет в два раза увеличили номерной фонд. URL: <http://szfo.gov.ru/press/newsszfo/4919/>

¹² Северный гостевой бизнес готовится к кратному росту турпотока. URL: <https://rg.ru/2023/12/12/reg-szfo/severnij-gostevoj-biznes-gotovitsia-k-kratnomu-rostu-turpotoka.html>

¹³ Губернатор Дрозденко: Ленобласти не хватает 2,5 тыс. мест для туристов. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6044561>

¹⁴ По данным Вологдастата, в 2022 году из 4075 только 268 номеров относились к номерам высшей категории.

¹⁵ В новогодние праздники в 2024 году Вологодскую область посетило более 34 тыс. туристов, в то же время общий номерной фонд в области составляет порядка 6 тыс. номеров.

ных событийных мероприятий, новогодние каникулы и т. п.), а с другой стороны – низкой загрузкой средств размещения в течение всего года. В 2022 году средства размещения области были заполнены в среднем на 25% (табл. 5).

Вышесказанное свидетельствует о низкой востребованности туристических ресурсов региона в течение всего года вследствие нехватки привлекательных турпродуктов и высокой сезонности спроса.

О состоянии развития туристического сектора СЗФО можно судить по динамике фирм, которые занимаются разработкой и продажей туров. Как следует из данных табл. 6, число таких фирм за 2021–2023 гг. сократилось в округе на 10,5%, что может быть связано с нестабильной экономической ситуацией в стране. Особенно заметна негативная динамика показателя в Республике Карелии, Калининградской и Архангельской областях, что свидетель-

Таблица 5. Динамика загруженности номерного фонда коллективных средств размещения в Вологодской области, % к итогу

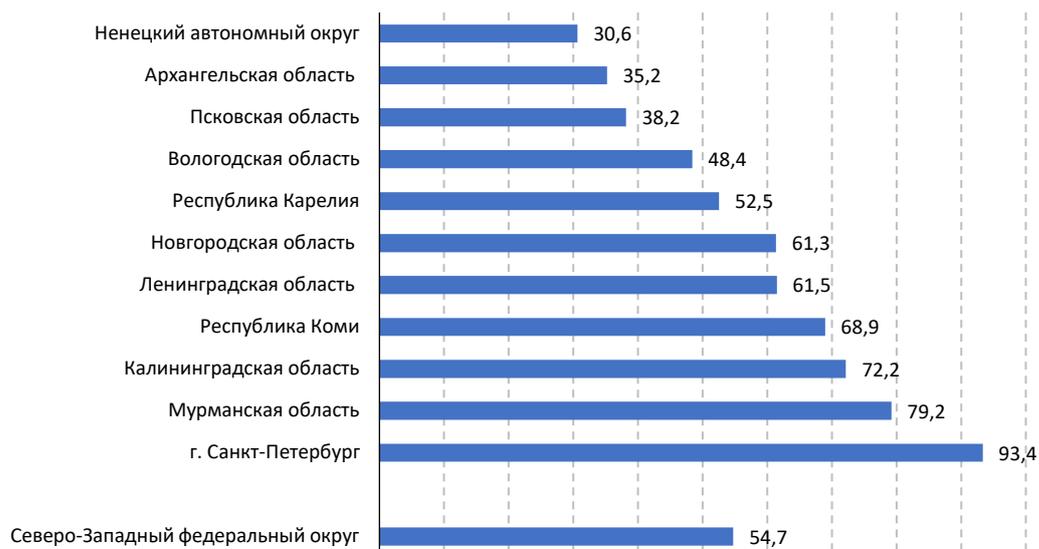
Вид КСР	Год					
	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Всего	25	29	27	20	21	25
из них: гостиницы и средства размещения	25	29	26	21	21	23
в том числе: гостиницы	29	37	33	20	27	27
мотели	9	41	36	49	36	16
хостелы	15	8	4	29	8	19
другие организации гостиничного типа	19	19	22	13	15	12
специализированные средства размещения,	26	27	27	18	22	27
в том числе: санаторно-курортные	34	40	43	27	28	32
организации отдыха, туристские базы	14	14	17	12	14	20

Источник: составлено на основе данных Вологдастата.

Таблица 6. Динамика числа турфирм, занимающихся турагентской и туроператорской деятельностью, в СЗФО, ед.

Территория	2021 год	2022 год	2023 год	Динамика, 2021–2023 гг., %
Северо-Западный федеральный округ	399	366	357	89,5
Республика Коми	2	2	4	в 2 р.
Новгородская область	9	13	13	144,4
Ненецкий автономный округ	1	1	1	100,0
Псковская область	18	16	18	100,0
Вологодская область	28	27	27	96,4
г. Санкт-Петербург	221	199	200	90,5
Мурманская область	16	12	14	87,5
Республика Карелия	42	39	34	81,0
Ленинградская область	10	8	8	80,0
Калининградская область	35	34	26	74,3
Архангельская область	17	15	12	70,6

Источник: рассчитано по данным ЕМИСС.

Рис. 4. Удельный вес автомобильных дорог общего пользования с усовершенствованным покрытием в протяженности автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием в СЗФО, 2023 год, %

Источник: данные Росстата.

ствуется о снижении присутствия турагентского бизнеса в этих субъектах.

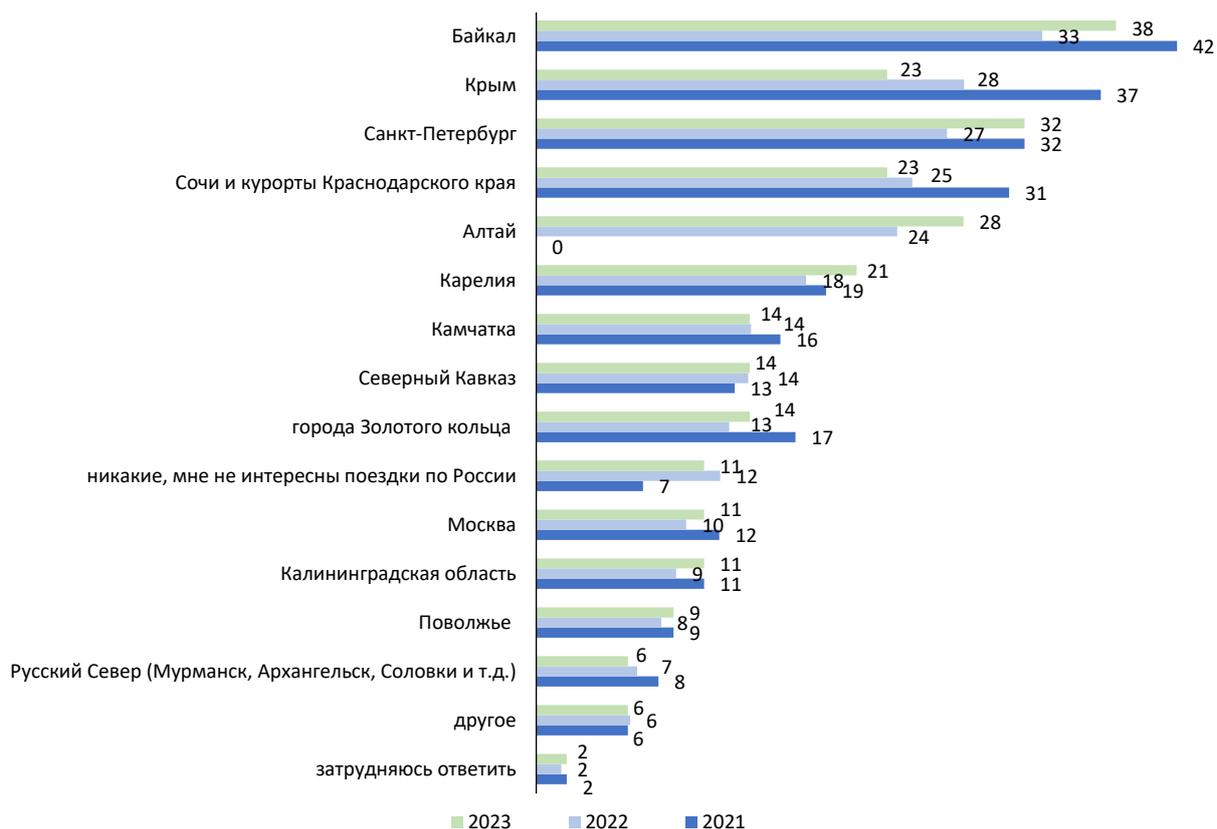
Также на состояние туристической индустрии округа оказывает влияние его транспортная инфраструктура, характеристикой которой является качество дорожного покрытия. Как видно из *рис. 4*, только 54,7% автомобильных дорог в СЗФО имеют усовершенствованное покрытие, что снижает транспортную доступность туристических объектов и сказывается на росте турпотока.

Одной из проблем является невысокая заинтересованность туристов в посещении региона, несмотря на наличие в нем объектов притяжения для гостей. На это влияет «слабая узнаваемость турпродукта на внутреннем рынке», ограничивающая рост турпотока в регион (Кондратьева, 2022). На это указывают и результаты социологических опросов жителей, которые отмечают «нехватку рекламы в СМИ, интернет-порталов, обеспечивающих популяризацию местных туристских продуктов» (Фролова, Рогач, 2023).

Как свидетельствуют данные социологических опросов, число путешественников, желающих посетить территории Архангельской и Мурманской областей, за 2021–2023 гг. снизилось с 8 до 6% при одновременном росте спроса на другие дестинации (*рис. 5*).

Так, например, за этот же период Республику Карелию как привлекательный регион для отдыха в 2023 году отметили 21% опрошенных респондентов, что выше показателя 2021 года на 2 п. п.

Решение проблемы видится в том числе в активизации территориями продвижения перспективных направлений для отдыха и усилении маркетинговых мероприятий, поскольку потенциал нереализованного спроса в туристических поездках внутри России довольно велик (*табл. 7*). Большая часть россиян вне зависимости от региона проживания, судя по ответам респондентов, никогда не выезжала на отдых в другие регионы России, что свидетельствует о малой мобильности населения страны.

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Если говорить о поездках по России, то какие места Вы хотели бы посетить, вне зависимости от того, бывали Вы там ранее или нет?»*, % от числа опрошенных (любое число ответов)

* Ответ «Алтай» включен в опрос с 2022 года.

Источник: Внутренний туризм. ФОМнибус – еженедельный всероссийский поквартирный опрос. 28 февраля 2021 года; 22–24 июля 2022 года; 21–23 июля 2023 года 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Статпогрешность не превышает 3,6%. URL: <https://fom.ru/Kultura-i-dosug/14758>

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «Вы когда-нибудь выезжали в другие регионы России на отдых или никогда не выезжали? И если да, то когда последний раз Вы ездили отдыхать в какой-либо регион России, в том числе в короткие поездки (на несколько дней)?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	ЦФО		СЗФО		ЮФО		СКФО		ПФО		УФО		СФО		ДФФО	
	2022 год	2023 год														
Менее года назад	5	5	3	3	2	3	0	1	2	2	1	5	1	2	1	1
От года до трех лет назад	8	9	11	9	4	2	5	2	5	5	6	10	3	2	7	4
От трех до пяти лет назад	9	11	9	11	4	8	5	4	3	7	7	3	7	5	5	3
От пяти до десяти лет назад	8	8	9	11	4	6	6	3	5	5	5	12	5	5	7	16
Десять лет назад и более	7	14	14	14	14	12	7	6	5	9	13	8	7	15	12	17
Никогда	62	53	54	51	72	69	78	85	79	71	67	62	78	70	67	59
Затрудняюсь ответить	1	0	0	1	1	1	0	0	0	1	2	0	0	0	1	0

Источник: Внутренний туризм. ФОМнибус – еженедельный всероссийский поквартирный опрос. 22–24 июля 2022 года 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Статпогрешность не превышает 3,6%. URL: <https://fom.ru/Kultura-i-dosug/14758>

В настоящее время у регионов есть возможность привлечения федерального финансирования для развития туристической инфраструктуры в рамках реализации национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства». За 2021–2023 гг. среди субъектов СЗФО наибольший объем средств освоила Калининградская область, в то время как остальные регионы оказались менее активными (рис. 6). Так, например, в Вологодской области, в которой развитие туризма не менее привлекательно и перспективно, сумма федеральных инвестиций за этот период оказалась в 3,1 раза меньше, чем в Калининградской области, и вдвое меньше, чем в Новгородской, Псковской и Ленинградской областях.

В то же время привлечение федерального финансирования для реализации крупных туристических проектов способно оказать позитивное влияние на динамику основных индикаторов социально-экономического развития региона за счет роста туристского потребления. Допустим, что в Вологодской области в результате притока

капитала активизировался спрос в сфере туризма в объеме 1 млрд руб., сопровождаемый соответствующим потреблением. На основе межотраслевой модели Вологодской области оценены экономические эффекты, возникшие в результате роста потребления в указанном объеме (табл. 8).

Согласно расчетам, рост спроса в сфере туризма Вологодской области обеспечит в целом по экономике прирост валового выпуска продукции в 1667 млн руб. и потребует численности работников в объеме 787 человек. Кроме того, увеличится фонд заработной платы. Его прирост составит 485 млн руб. Наибольший эффект стимулирование потребления населением товаров и услуг сферы туризма окажет на транспортную отрасль, поскольку в структуре агрегированного вида экономической деятельности «Туризм» транспорт имеет наибольшую долю. Проведенные расчеты доказывают важность стимулирования туристского потребления для региональной экономики, в том числе путем привлечения инвестиций для реализации туристических проектов.

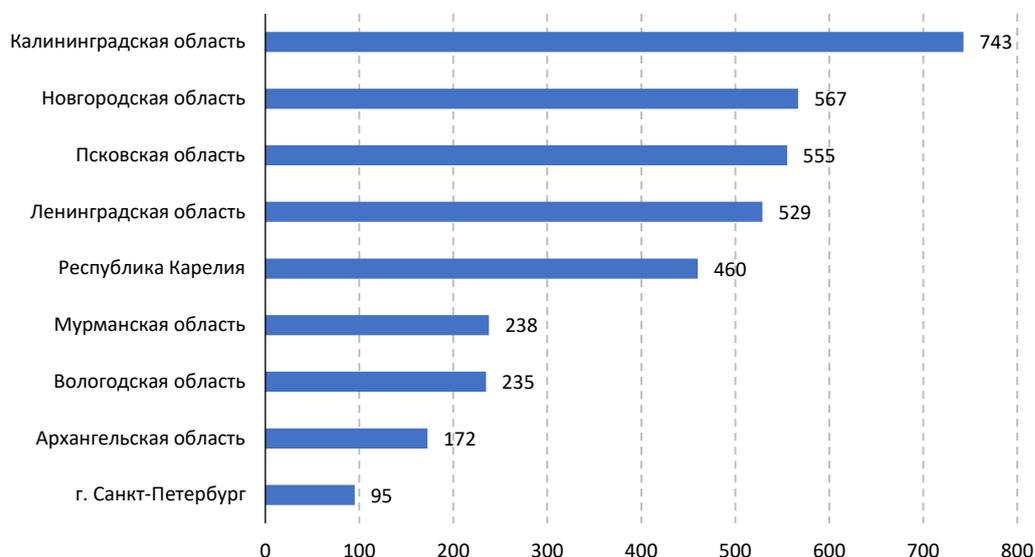

Рис. 6. Общий объем привлеченных субъектами СЗФО средств по нацпроекту «Туризм и индустрия гостеприимства» за 2021–2023 гг., млн руб.

Источник: данные Минфина РФ.

Таблица 8. Эффекты для экономики Вологодской области в результате увеличения туристского потребления на 1 млрд руб.

Отрасль	Прирост валового выпуска отрасли, %	Прирост валового выпуска отрасли, млн руб.	Прирост численности работников, чел.	Прирост фонда заработной платы, млн руб.
Туризм	7,99	1024	366	179
Транспортировка и хранение (без туризма)	0,24	126	77	58
Предоставление прочих видов услуг, связанных с предпринимательской деятельностью (без туризма)	0,24	76	48	40
Производство кокса и нефтепродуктов	0,78	67	8	8
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	0,63	56	37	16
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,12	45	20	14
Оптовая и розничная торговля	0,11	45	40	21
Добыча полезных ископаемых	10,89	37	40	30
Деятельность финансовая и страховая	1,03	30	43	45
Производство пищевых продуктов, напитков, табачных изделий	0,06	28	6	3
Производство прочих машин и оборудования	0,19	25	18	15
Производство металлургическое	0,00	14	1	1
Производство транспортных средств и оборудования	0,23	14	4	3
Растениеводство	0,55	13	12	6
Строительство	0,02	12	3	2
Производство прочих химических продуктов	0,02	7	0	0
Производство резиновых и пластмассовых изделий	0,15	6	1	1
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	0,04	6	1	1
Производство готовых металлических изделий	0,02	6	1	1
Целлюлозно-бумажное производство и полиграфическая деятельность	0,06	5	1	1
Производство компьютерного, электронного и оптического оборудования	0,11	5	0	0
Производство электрического оборудования	0,39	5	2	2
Производство удобрений	0,00	3	0	0
Производство текстильных изделий, одежды, кожи и изделий из кожи	0,20	2	5	1
Предоставление прочих видов персональных услуг (без туризма)	0,05	2	4	3
Рыболовство и рыбоводство	0,37	1	0	0
Распиловка и строгание древесины	0,00	1	0	0
Прочие обрабатывающие производства	0,04	1	0	0
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания (без туризма)	0,02	1	1	0
Государственное управление	0,11	1	31	24
Образование	0,04	1	15	9
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	0,00	1	1	1
Животноводство	0,00	0	0	0
Лесоводство и лесозаготовки	0,00	0	0	0
Производство изделий из дерева	0,00	0	0	0
В целом по экономике	0,15	1667	787	485

Источник: рассчитано на основе межотраслевого моделирования.

В целом по итогам проведенного анализа можно выделить группы регионов с разным уровнем развития туризма:

– регионы-лидеры (г. Санкт Петербург, Республика Карелия, Калининградская область), которые характеризуется высокой интенсивностью посещений туристами (коэффициент туристской нагрузки в 2023 году выше 0,8), а также активным наращиванием номерного фонда (темп роста мест размещения на 10 тыс. чел. населения за 2021–2023 гг. выше 25%);

– регионы-середняки (Вологодская, Мурманская, Ленинградская, Новгородская и

Псковская области, Ненецкий АО), в которых коэффициент туристской нагрузки в 2023 году варьировался от 0,4 до 0,79, а номерной фонд за 2021–2023 гг. рос со скоростью от 1 до 25% в год;

– регионы-аутсайдеры (Республика Коми, Архангельская область) с низкой интенсивностью посещаемости (коэффициент туристской нагрузки находился в 2023 году в диапазоне от 0 до 0,39) и низкими темпами прироста гостиничной инфраструктуры (годовой темп роста мест размещения на 10 тыс. чел. населения за 2021–2023 гг. ниже 1%).

Таблица 9. Рекомендации для регионов Северо-Запада по развитию туризма

№	Тип региона	Проблемы	Предложения
1	Регионы-лидеры	Возможная угроза недостатка средств размещения при росте турпотока	Наращивание номерного фонда различного типа и уровня звездности; улучшение качества сервиса; развитие транспортной инфраструктуры
2	Регионы-середняки	Наличие высокой сезонности; недостаток средств размещения	Создание круглогодичных объектов отдыха; развитие конкурентоспособных турпродуктов, отличающихся от аналогов; привлечение крупных инвесторов для строительства объектов туристической индустрии; активизация туризма среди местных жителей за счет развития туров выходного дня и удешевления турпоездки
3	Регионы-аутсайдеры	Невысокая посещаемость; слабое развитие гостиничной инфраструктуры	Разработка и реализация инвестиционных проектов по созданию туристско-рекреационных кластеров; организация системной подготовки кадров в сфере туризма; улучшение транспортной доступности за счет развития транспортной инфраструктуры; повышение конкурентоспособности туристских продуктов и их продвижение на внутренний и мировой туристические рынки; создание благоприятных условий для инвестирования в сферу туризма на основе системы региональных мер поддержки (льготы для инвесторов, возмещение затрат, связанных с развитием туристической инфраструктуры, возмещение части затрат, связанных с уплатой процентов по кредитным договорам и с заключением договоров финансовой аренды); развитие межрегиональных туристских маршрутов; развитие экологического, событийного, промышленного туризма; удешевление туристических поездок; привлечение федерального финансирования для развития туристической инфраструктуры; создание комплексных турпродуктов с расширенным набором услуг, облегчающих процесс организации путешествия для туриста; разработка туристических программ, нацеленных на увеличение срока пребывания туристов; использование потенциала местной кухни и развитие гастрономического туризма

Источник: составлено автором.

Выявленные по итогам проведенного анализа проблемы развития туризма в регионах СЗФО коррелируют с выводами экспертного сообщества и представителей туристического бизнеса, отраженными в результатах социологических опросов¹⁶.

Исходя из этого можно предложить меры, способствующие активизации развития туризма для разных типов регионов с учетом обеспечения выполнения стратегических показателей (табл. 9).

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить тренды развития туристической индустрии макрорегиона:

- отмечен рост внутреннего туристического потока в макрорегионе, обеспеченный преимущественно за счет вклада Ленинградской области;

- обнаружена проблема наращивания номерного фонда для большинства субъектов Северо-Запада России;

- установлено снижение туристической привлекательности отдельных территорий СЗФО;

- показано, что часть субъектов округа не обеспечена качественным дорожным покрытием;

- выявлено, что сокращение числа турфирм в отдельных регионах СЗФО, занимающихся турагентской и туроператорской деятельностью, может создать угрозу для разработки новых туристических продуктов и уменьшить вклад предприятий в бюджет;

- определено слабое участие отдельных субъектов макрорегиона в привлечении инвестиций в рамках реализации националь-

ного проекта «Туризм и индустрия гостеприимства».

Кроме того, показана значимость стимулирования туристского потребления для региональной экономики.

В целом следует констатировать, что достижение к 2030 году заявленных показателей роста туристических поездок в регионы Северо-Запада России во многом будет определяться активностью внутренних туристов и усилиями региональных органов власти и бизнеса по повышению конкурентоспособности регионального туристского продукта.

Предложенные рекомендации позволят нарастить туристский поток и задействовать туристические ресурсы территорий, неиспользуемые в настоящее время.

Гипотеза о неполном использовании потенциала туристической индустрии Северо-Запада России в условиях негативного влияния внешней среды и активного развития внутреннего туризма частично подтвердилась в отношении ряда субъектов округа, которые характеризуются недостатком соответствующей инфраструктуры (нехватка средств размещения, низкое качество дорожного покрытия), высоким уровнем сезонности, слабым информационным продвижением, сокращением фирм-туроператоров, недостатком инвестиций.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения полученных результатов органами государственной власти в рамках реализации политики по развитию туристической отрасли для более объективного понимания тенденций ее развития и получения большего экономического эффекта.

ЛИТЕРАТУРА

- Донскова Л.И., Баранников А.Л., Маковецкий М.Ю. (2022). Состояние внутреннего туризма в России в современный период: количественный и качественный анализ // Вестник академии знаний. № 52 (5). С. 127–136.
- Иванов И.А., Васильева Т.В., Красильникова И.Н., Манаков А.Г. (2022). Внутренний туризм в муниципальных образованиях СЗФО: статистические оценки и влияние пандемии COVID-19 // Известия Русского географического общества. Т. 154. № 5-6. С. 59–72. DOI: 10.31857/S0869607122050044

¹⁶ Туриндустрия через призму драйверов и барьеров бизнеса. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/6a1/6a14b85fb06482c466439edfde3a879d.pdf>

- Иванова А. (2024). Развитие экономики региона посредством рекреационного туризма (на примере Ленинградской области) // *Baikal Research Journal*. Т. 15. № 1. С. 129–138. DOI 10.17150/2411-6262.2024.15(1).129-138
- Кондратьева С.В. (2022). Развитие туризма в регионах Европейского Севера // *Арктика и Север*. № 47. С. 164–187. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.164
- Леонидова Е.Г. (2023). Тенденции потребления населением туристских услуг в регионах Северо-Западного федерального округа // *Проблемы развития территории*. Т. 27. № 5. С. 59–78. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.5
- Леонидова Е.Г., Сидоров М.А. (2019). Структурные изменения экономики: поиск отраслевых драйверов роста // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 12. № 6. С. 166–181. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.9
- Морошкина М.В., Кондратьева С.В. (2021). Региональная доступность как фактор развития туристского направления // *Регионология*. Т. 29. № 1. С. 60–81. DOI: 10.15507/2413-1407.114.029.202101.060-081
- Орлова В.С. (2021). Потенциал сферы туризма и рекреации Европейского Севера: оценка и направления развития в условиях освоения Арктики // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 14. № 1. С. 141–153. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.10
- Поспелова С.В., Кутыева Э.Р. (2022). Ресурсы развития этнического туризма на территории Арктической части России // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. № 3. С. 211–214.
- Романова Г.М., Карпова Г.А., Гриненко С.В. (2022). Редакторская аналитика публикаций в сфере туризма и гостеприимства // *Рекреация и туризм*. № 4. С. 4–14. DOI: 10.18572/2686-858X-2022-16-4-4-14
- Симонян Г.А., Сарян А.А. (2022). Стратегические цели и задачи развития внутреннего туризма в новых условиях // *Современная научная мысль*. С. 266–273. DOI: 10.24412/2308-264X-2022-6-273-277
- Фролова Е.В., Рогач О.В. (2023). Ограничения и перспективы развития внутреннего туризма в регионах России // *Экономика региона*. № 19 (1). С. 208–219. URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-16>
- Яковчук А.А. (2020). Проблемы развития туристской отрасли в регионах Арктической зоны Российской Федерации // *Арктика и Север*. № 38. С. 56–72. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.5656
- Arbulú I., Razumova M., Rey-Maqueira J., Sastre F. (2021). Can domestic tourism relieve the COVID-19 tourist industry crisis? The case of Spain. *Journal of Destination Marketing and Management*, 20, 100568. DOI: 10.1016/j.jdmm.2021.100568
- Duro J.A., Perez-Laborda A., Fernandez M. (2022). Territorial tourism resilience in the COVID-19 summer. *Annals of Tourism Research Empirical Insights*, 3, 1. DOI: 10.1016/j.annale.2022.100039
- Gossling S., Scott S., Hall M. (2021). Pandemics, tourism, and global change: A rapid assessment of COVID-19. *Journal of Sustainable Tourism*, 29, 1–20.
- Kreiner N.C., Ram Y. (2021). National tourism strategies during the COVID-19 pandemic. *Annals of Tourism Research*, 89, 103076.
- Nguyen C.P., Su T.D. (2020). Domestic tourism spending and economic vulnerability. *Annals of Tourism Research*, 85, 103063. DOI: 10.1016/j.annals.2020.103063
- Nguyen Q.H. (2021). Impact of investment in tourism infrastructure development on attracting international visitors: A nonlinear panel ARDL approach using Vietnam's data. *Economies*, 9 (3), 131. DOI: <https://doi.org/10.3390/economies9030131>
- Rogerson C.M., Rogerson J.M. (2021). COVID-19 and changing tourism demand: Research review and policy implications for South Africa. *African Journal of Hospitality, Tourism and Leisure*, 10 (1), 1–21. DOI: 10.46222/ajhtl.19770720-83
- Thano R., Kote D. (2015). The tourism consumption, a special economic category of the final demand in Albania and in the countries of the region. *EuroEconomica*, 34, 103–112.
- Woyo E. (2021). The sustainability of using domestic tourism as a post-COVID-19 recovery strategy in a distressed destination. In: Wörndl W., Koo C., Stienmetz J.L. (eds.). *Information and Communication Technologies in Tourism*. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-030-65785-7_46

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Екатерина Георгиевна Леонидова – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией отраслевых исследований Центра структурных исследований и прогнозирования территориального развития, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: eg_leonidova@mail.ru)

Leonidova E.G.

TOURISM INDUSTRY DEVELOPMENT IN THE REGIONS OF NORTH-WEST RUSSIA IN MODERN CONDITIONS

The Northwestern Federal District is a promising macro region of Russia for tourism development. To ensure the fulfillment of strategic objectives related to the implementation of the national project "Tourism and Hospitality Industry", the assessment of tourism industry development in the regions of North-West Russia is actualized, which was the purpose of the study. To implement it, we analyzed the population's demand for hotel infrastructure in the macro region, identified trends and features of consumption of accommodation services in the subjects of the Northwestern Federal District, assessed the effects of the growth of tourism consumption for the regional economy, proposed directions that contribute to the implementation of the tourist potential of the subjects of the district and the fulfillment of the goals of the national project "Tourism and Hospitality Industry". The paper identifies the types of regions according to the level of tourism development, reveals regional disproportions in the distribution of tourist flow in the macro region, reveals the problem of increasing the number of rooms for the majority of subjects of the North-West of Russia, establishes the decline in tourist attractiveness of some territories of the district. The scientific novelty of the work consists in the consideration of trends in the development of the tourism industry in the North-West of Russia, functioning under the conditions of negative external challenges and the growing attractiveness of domestic tourist destinations; in the improvement of tools for the use of inter-industry balance to analyze and evaluate the economic effects for the regional economy resulting from the activation of tourism activity. The information base of the study is formed by statistical data reflecting the development of the tourism industry, the results of a sociological survey conducted by the "Public Opinion" Foundation, EMISS data and tables "input-output". In the course of the research, we applied the methods of comparative analysis and synthesis, economic and statistical analysis, inter-sectoral balance. The materials of the article are of practical interest for public authorities in the implementation of policy on the development of the tourism industry for a more objective understanding of the trends of its development and obtaining a greater economic effect.

Tourism services, tourism, domestic tourism, Northwestern Federal District, consumption.

REFERENCES

- Arbulú I., Razumova M., Rey-Maqueira J., Sastre F. (2021). Can domestic tourism relieve the COVID-19 tourist industry crisis? The case of Spain. *Journal of Destination Marketing and Management*, 20, 100568. DOI: 10.1016/j.jdmm.2021.100568
- Donskova L.I., Barannikov A.L., Makovetskii M.Yu. (2022). State of domestic tourism in Russia in the modern period: quantitative and qualitative analysis. *Vestnik akademii znanii*, 52(5), 127–136 (in Russian).
- Duro J.A., Perez-Laborda A., Fernandez M. (2022). Territorial tourism resilience in the COVID-19 summer. *Annals of Tourism Research Empirical Insights*, 3, 1. DOI: 10.1016/j.annale.2022.100039

- Frolova E.V., Rogach O.V. (2023). Limitations and development prospects of domestic tourism in Russian regions. *Ekonomika regiona=Economy of Regions*, 19(1), 208–219. Available at: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-16> (in Russian).
- Gossling S., Scott S., Hall M. (2021). Pandemics, tourism, and global change: A rapid assessment of COVID-19. *Journal of Sustainable Tourism*, 29, 1–20.
- Ivanov I.A., Vasil'eva T.V., Krasil'nikova I.N., Manakov A.G. (2022). Domestic tourism in NWFD municipalities: statistical estimates and impact of the COVID-19 pandemic. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 154(5-6), 59–72. DOI: 10.31857/S0869607122050044 (in Russian).
- Ivanova A. (2024). Development of the regional economy through recreational tourism (the Leningrad region experience). *Baikal Research Journal*, 15(1), 129–138. DOI: 10.17150/2411-6262.2024.15(1).129-138 (in Russian).
- Kondratyeva S.V. (2022). Tourism development in the regions of the European North. *Arktika i Sever=Arctic and North*, 47, 164–187. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.47.164 (in Russian).
- Kreiner N.C., Ram Y. (2021). National tourism strategies during the COVID-19 pandemic. *Annals of Tourism Research*, 89, 103076.
- Leonidova E.G. (2023). Trends in the consumption of tourism services in the Northwestern Federal District regions. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 27(5), 59–78. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.5 (in Russian).
- Leonidova E.G., Sidorov M.A. (2019). Structural changes in the economy: Searching for sectoral drivers of growth. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 12(6), 166–181. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.9 (in Russian).
- Moroshkina M.V., Kondrateva S.V. (2021). Regional accessibility as a factor in the development of a tourism destination. *Regionologiya=Russian Journal of Regional Studies*, 29(1), 60–81. DOI: 10.15507/2413-1407.114.029.202101.060-081 (in Russian).
- Nguyen C.P., Su T.D. (2020). Domestic tourism spending and economic vulnerability. *Annals of Tourism Research*, 85, 103063. DOI: 10.1016/j.annals.2020.103063
- Nguyen Q.H. (2021). Impact of investment in tourism infrastructure development on attracting international visitors: A nonlinear panel ARDL approach using Vietnam's data. *Economies*, 9(3), 131. DOI: <https://doi.org/10.3390/economies9030131>
- Orlova V.S. (2021). Potential of the tourism and recreation sphere in the European North: Evaluation and development vector in terms of the Arctic development. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14, 141–153. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.10 (in Russian).
- Pospelova S.V., Kuttyeva E.R. (2022). Resources for the development of ethic tourism in the territory of the Arctic part of Russia. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk=International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 3, 211–214 (in Russian).
- Rogerson C.M., Rogerson J.M. (2021). COVID-19 and changing tourism demand: Research review and policy implications for South Africa. *African Journal of Hospitality, Tourism and Leisure*, 10(1), 1–21. DOI: 10.46222/ajhtl.19770720-83
- Romanova G.M., Karpova G.A., Grinenko S.V. (2022). Editorial analytics of publications in the field of tourism and hospitality. *Rekreatsiya i turizm*, 4, 4–14. DOI: 10.18572/2686-858X-2022-16-4-4-14 (in Russian).
- Simonyan G.A., Saryan A.A. (2022). Strategic goals and objectives of the development of domestic tourism in new conditions. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*, 266–273. DOI: 10.24412/2308-264X-2022-6-273-277 (in Russian).
- Thano R., Kote D. (2015). The tourism consumption, a special economic category of the final demand in Albania and in the countries of the region. *EuroEconomica*, 34, 103–112.

Woyo E. (2021). The sustainability of using domestic tourism as a post-COVID-19 recovery strategy in a distressed destination. In: Wörndl W., Koo C., Stienmetz J.L. (Eds). *Information and Communication Technologies in Tourism*. Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-030-65785-7_46

Yakovchuk A.A. (2020). Tourism industry development issues in the Arctic zone of the Russian Federation. *Arktika i Sever=Arctic and North*, 38, 56–72. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.5656 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina G. Leonidova – PhD (Economics), head of the laboratory of sectoral studies of the Center for Structural Research and Forecasting of Territorial Development, Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: eg_leonidova@mail.ru)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.15838/ptd.2025.1.135.3

УДК 332.1 | ББК 65.050.23

© Макарова М.Н.

ИССЛЕДОВАНИЕ СИСТЕМ ГОРОДСКОГО РАССЕЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ МЕТОДИЧЕСКИХ ПОЛОЖЕНИЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ДЕМОГРАФИИ

МАРИЯ НИКИТИЧНА МАКАРОВА

Институт экономики Уральского отделения РАН

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: makarova.mn@uiec.ru

ORCID: 0000-0001-6144-6178; ResearcherID: H-7717-2017

Актуализация задач пространственного развития России определяет необходимость изучения расселенческих процессов как одного из способов территориальной организации общества. Развитие методологии пространственной демографии, увеличение глубины демографических данных и совершенствование математического инструментария позволяют применять новые подходы в исследовании расселения. В статье для анализа региональных систем расселения автором предложено использовать такой показатель пространственного развития, как градиент плотности населения, теоретическое изменение которого является экспоненциальной функцией и описывается законом Кларка. Это позволило проверить гипотезу о том, что в регионах, характеризующихся наличием выраженных агломерационных процессов, градиент плотности населения будет соответствовать закону Кларка, в то время как в регионах с иным типом расселения закон Кларка выполняться не будет. Новизна исследования связана с тем, что на основе регрессионного моделирования автором показано наличие двух типов региональных систем расселения: в регионах индустриального освоения наблюдаются выраженные агломерационные процессы, что подтверждается выполнением закона Кларка для градиента плотности населения, а в регионах неиндустриального освоения (добывающих, агропромышленных) система расселения имеет иную структуру и закон Кларка не выполняется. Перспективным направлением исследования является проверка выдвинутой гипотезы на всех субъектах РФ. Полученные результаты могут быть использованы при анализе процессов урбанизации и агломерирования, а также реализации политики пространственного развития в российских регионах.

Для цитирования: Макарова М.Н. (2025). Исследование систем городского расселения на основе методических положений пространственной демографии // Проблемы развития территории. Т. 29. № 1. С. 30–40. DOI: 10.15838/ptd.2025.1.135.3

For citation: Makarova M.N. (2025). Studying urban settlement systems based on methodological provisions of spatial demography. *Problems of Territory's Development*, 29 (1), 30–40. DOI: 10.15838/ptd.2025.1.135.3

Пространственная демография, расселение, градиент плотности, закон Кларка, агломерации, регионы, УрФО.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в соответствии с планом НИР по гос. заданию Института экономики УрО РАН на 2024–2026 гг. № 0327-2024-0009 «Механизмы регулирования экономического поведения населения в условиях структурных изменений».

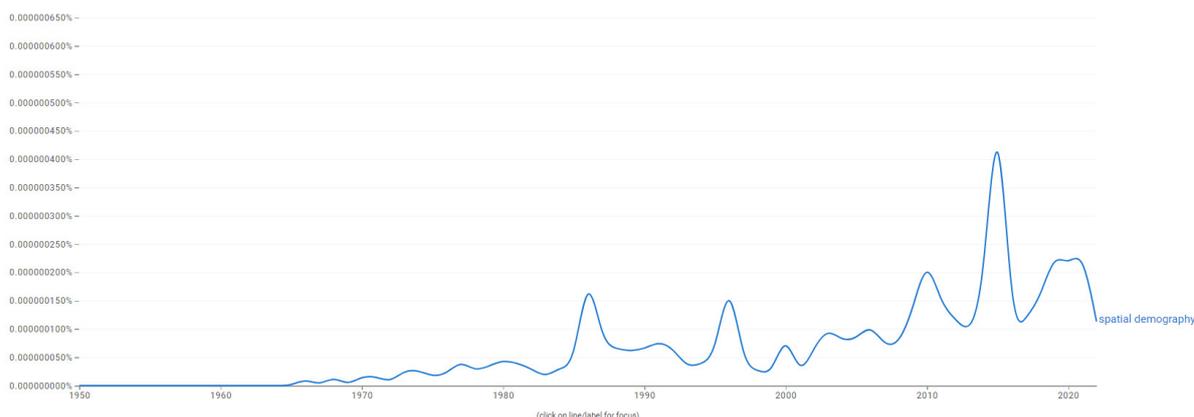
Введение

Реализация Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года¹ и ее актуализация на последующий период создают предпосылки для изучения расселения населения как способа территориальной организации социально-экономического пространства для поиска направлений повышения эффективности управленческих решений на национальном и региональном уровне. Также возникает необходимость изучения долговременных тенденций трансформации системы расселения в контексте анализа внутрирегиональных закономерностей и определения пространственно-временных перспектив демографических процессов, в первую очередь численности населения (Чугунова и др., 2013; Короленко, 2023).

Первоначально расселение изучалось географами, а население рассматривалось преимущественно в контексте размещения

производительных сил (Гали, 2011). Более поздние исследования силами экономистов, социологов, градостроителей, историков, демографов показали, что расселение – это особый вид территориальной организации общества, затрагивающий более широкий круг вопросов, чем обеспечение производства трудовыми ресурсами (Ткаченко, 2018). Благодаря этому на стыке нескольких областей знания возникла пространственная демография как наука о пространственной динамике демографических процессов (Entwisle, 2007), в т. ч. о трансформации системы расселения.

Термин «пространственная демография» (spatial demography) вошел в активный понятийно-категориальный аппарат в англоязычном сегменте науки в середине 1980-х гг. и с тех пор имеет достаточно стабильный контингент авторов (рис. 1).

Рис. 1. Динамика употребления термина «spatial demography» в англоязычном сегменте Google Books (нормированный показатель)

Источник: построено с помощью инструмента Books Ngram Viewer.

URL: https://books.google.com/ngrams/graph?content=satial+demography&year_start=1950&year_end=2019&corpus=en&smoothing=0&case_insensitive=false (дата обращения 19.09.2024).

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/rasporyazhenie_ot_13_fevalya_2019_g_207_r.html (дата обращения 19.09.2024).

В русскоязычном научном поле понятие пространственной демографии менее распространено, однако это направление исследований также набирает популярность (рис. 2).

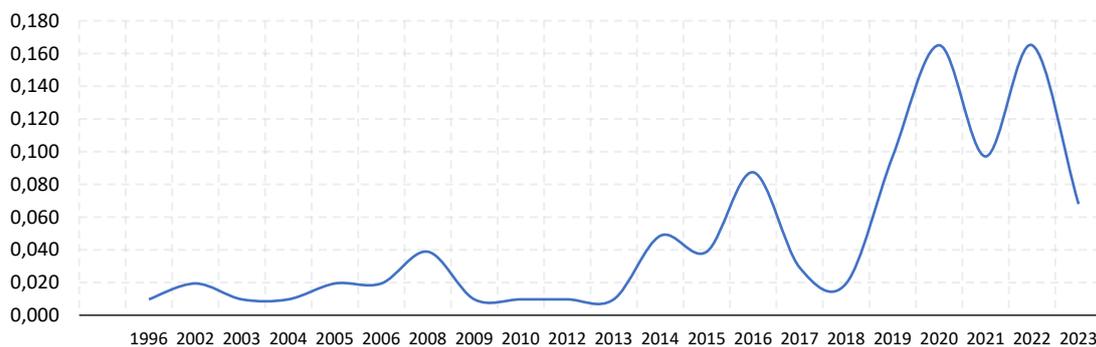
В базе публикаций eLibrary на сегодняшний день зафиксировано 103 публикации с упоминанием пространственной демографии, затрагивающие вопросы миграции, демографических процессов и демографического развития, регионов и их пространственного развития, урбанизации и сельских территорий и др.² Таким образом, следует отметить возрастающий интерес к данному направлению научных исследований, связанный с интенсивным изучением разнообразных, в первую очередь цифровых, данных о демографических процессах и развитием инструментария по их анализу.

Как отмечает Б. Энтвайсл, характеристики населения так или иначе тесно связаны с местом его пребывания, отражающим локальный социальный контекст (Entwisle, 2007), т. е. для пространственной демографии принципиально важны относительное расположение социальных явлений, причины такого расположения и его последствия (Logan, 2016). На индивидуальном уровне время и местоположение демографических результатов связаны с изменениями индивидуальной жизненной траектории (Willekens, 2014), на популяционном уровне

не – с пониманием механизмов изменения численности населения популяций, распределенных в пространстве (Raymer et al., 2019).

Ключевым понятием пространственного анализа выступает расстояние, под которым обычно понимается расположение чего-то по отношению к чему-то другому: «Все взаимосвязано, но близкие вещи более взаимосвязаны, чем отдаленные» (Первый закон географии) (Tobler, 1970). Дж. Логан акцентирует внимание на таких функциях расстояния, как показатель доступности к другим людям и ресурсам или показатель подверженности вреду, что выступает основой для определения и интерпретации кластеров пространственно связанных явлений (Logan et al., 2010).

В связи с развитием теоретических и методологических разработок и вычислительных инструментов в сочетании с увеличением объема и глубины демографических данных следует отметить, что область пространственной демографии постоянно развивается (Matthews, Stiberman, 2021). Исследователи все чаще работают с данными с географической привязкой, в настоящее время растет число приложений, изучающих пространственные процессы рождаемости, смертности, миграции, здравоохранения и их детерминанты в развитых и развивающихся странах.

Рис. 2. Динамика числа публикаций, содержащих термин «пространственная демография», по базе eLibrary (нормированный показатель)

Источник: построено с помощью аналитических инструментов eLibrary.

URL: https://elibrary.ru/itembox_profile.asp?id=1528720 (дата обращения 19.09.2024).

² Построено с помощью аналитических инструментов eLibrary. URL: https://elibrary.ru/itembox_profile.asp?id=1528720 (дата обращения 19.09.2024).

Среди основных методов пространственной демографии следует выделить картирование для визуализации пространственного распределения демографических явлений (Logan, 2016); пространственную эконометрику для учета пространственных эффектов автокорреляции (Anselin, 2010) или неоднородности (Lu et al., 2014); многоуровневое моделирование для изучения влияния контекстуальных факторов на социальное поведение, проявляющееся на более низком уровне (Matthews, Parker, 2013) и др. Таким образом, теоретические подходы и методический инструментарий пространственной демографии являются релевантными для исследования региональных демографических процессов.

Одним из способов измерить пространственный срез распределения той или иной исследуемой характеристики территориального развития выступает показатель плотности. При этом научный и практический интерес представляет не только сама плотность, но и ее изменение относительно какой-либо точки в пространстве, т. н. градиент плотности (Бакланов, 2021). Например, в социально-демографических исследованиях способом оценки пространственного размещения населения является градиент плотности населения в связи с изучением урбанизации и размещения городского населения (Круглов и др., 2013), составляющих основу расселенческих процессов на современном этапе общественного развития. Отдельным направлением в пространственной демографии является вопрос изучения процессов формирования и развития городских агломераций (Щитова и др., 2020; Фаузер и др., 2021; Ершова и др., 2024), однако возможны и иные варианты организации систем расселения, что актуализирует задачи, связанные с развитием инструментария пространственных исследований социально-демографических процессов, позволяющих, в том числе, проверить наличие агломерации и провести делимитацию ее границ.

Градиент плотности населения используется для характеристики размещения населения в городах и метрополиях и рассчитывается на основе закона Кларка (Vyas, Shulka, 2017), отражающего экспоненциальную зависимость плотности населения от удаленности от центра города (1):

$$D_x = D_0 * \exp^{-bx}, \quad (1)$$

где:

x – удаленность от центра города;

D_0 – плотность населения в центре города;

D_x – плотность населения на расстоянии x от центра города;

b – коэффициент наклона.

На наш взгляд, научный интерес представляет возможность применения закона Кларка для анализа не городских, а региональных систем расселения. Исходя из предположения, что городская агломерация может рассматриваться как «расширенный» город, гипотеза исследования формулируется следующим образом: градиент плотности населения в регионах, характеризующихся наличием выраженных агломерационных процессов, будет соответствовать закону Кларка, в то время как в регионах с иным типом расселения закон Кларка работать не будет.

Данные и методы

Исследование проводилось на примере регионов Уральского федерального округа, обладающих различной экономической специализацией и характером хозяйственного освоения территории, в т. ч. различными типами расселения. Для оценки системы расселения нами использован показатель численности населения муниципального образования⁵ за 2022 год, который, с одной стороны, характеризует источники формирования социально-экономической активности на территории (социальный и трудовой капитал), с другой – представляет результат расселенческих процессов в виде распределения населения по территории региона.

⁵ Согласно Базе данных показателей муниципальных образований Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst> (дата обращения 17.05.2024).

Плотность населения рассчитана как отношение численности населения к площади соответствующего муниципального образования⁴. Муниципальные образования ранжированы по удаленности от областного центра по расстояниям, оцененным с помощью данных Яндекс.Карты в виде длины пути по автодорогам между центральными населенными пунктами муниципального образования.

Для построения регрессионной модели предварительно проводилось логарифмирование данных, что позволило перейти от экспоненциальной формы зависимости к линейной, а также преодолеть ограничения в применении регрессионного анализа, связанные с отличием распределения плотности населения от нормального. Оценка надежности и достоверности полученных зависимостей осуществлялась согласно требованиям регрессионного анализа (F-stat, t-stat, уровень значимости $p = 0,05$, 95% доверительный интервал, R^2).

Результаты

Регионы УрФО характеризуются значительным разбросом показателей плотности населения в муниципальных образованиях: от 0,05 чел./км² в Красноселькуском районе ЯНАО до 2360,7 чел./км² в Челябинском ГО (табл. 1). Наибольшая

дифференциация плотности населения наблюдается в Курганской области (3,34 раза), система расселения которой состоит из двух городов, окруженных сельскими территориями, где преобладает развитие сельского хозяйства. Менее всего дифференциация плотности населения выражена в ХМАО, где население сосредоточено в 13 городах, ориентированных на добывающую промышленность, а сельские территории между ними заселены слабо и мало освоены.

Кроме того, следует отметить, что распределение показателя плотности населения по территориям уральских регионов является асимметричным, смещенным вправо, что еще раз подтверждает неравномерность размещения населения в связи с особенностями экономического и социального освоения региона.

Для проверки гипотезы исследования были построены регрессионные модели, оценивающие градиент плотности населения в зависимости от удаленности от центра региона в соответствии с законом Кларка по формуле (1). Результаты моделирования приведены ниже (табл. 2).

Как видим, для половины регионов УрФО подтверждается распределение градиента плотности населения по закону Кларка. Это Свердловская, Челябинская

Таблица 1. Плотность населения муниципальных образований в регионах УрФО в 2022 году, чел./км²

Субъект УрФО	Среднее	Медиана	Минимум	Максимум	Коэффициент вариации, раз
Курганская область	49,92	4,96	2,42	777,31	3,34
Свердловская область	130,12	19,02	0,15	1385,34	2,25
Тюменская область, в т. ч.	203,50	5,61	0,05	1224,97	1,68
– ХМАО	317,07	97,51	0,26	1149,62	1,22
– ЯНАО	136,90	0,67	0,05	535,62	1,36
– Тюменская область без АО	140,70	4,89	0,39	1224,97	2,46
Челябинская область	190,52	14,30	4,01	2360,74	2,27

Рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst> (дата обращения 17.05.2024).

⁴ Согласно Базе данных показателей муниципальных образований Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst> (дата обращения 17.05.2024).

Таблица 2. Статистические характеристики регрессионных моделей, оценивающих градиент плотности населения по закону Кларка для муниципальных образований регионов УрФО в 2022 году

Субъект УрФО	Кол-во наблюдений	X	R ²	F-stat
Курганская область	26	-0,0077 (s.e. 0,004)	0,1209	3,30
Свердловская область	69	-0,0086* (s.e. 0,001)	0,3726	39,79*
Тюменская область, в т. ч.	61	-0,0007 (s.e. 0,001)	0,0179	1,07
– ХМАО	22	-0,0006 (s.e. 0,004)	0,0009	0,02
– ЯНАО	13	0,0019 (s.e. 0,003)	0,0399	0,46
– Тюменская область без АО	26	-0,0075* (s.e. 0,003)	0,1819	5,36*
Челябинская область	40	-0,0056* (s.e. 0,003)	0,1044	4,43*

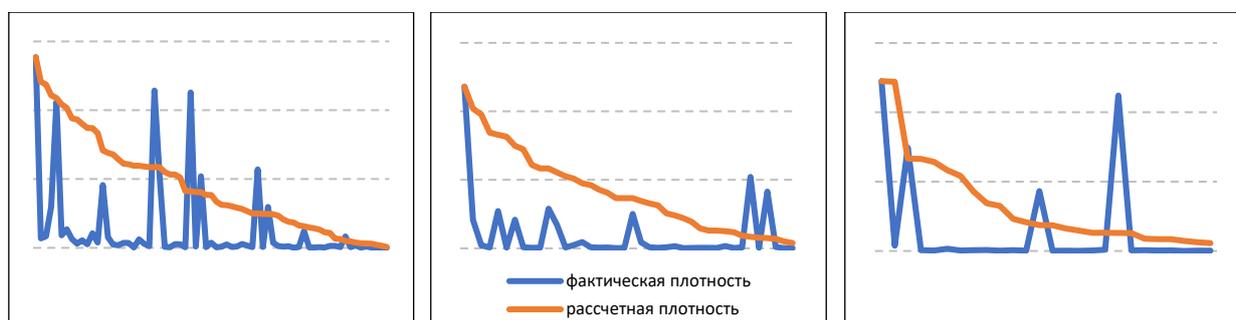
* Значимы при $p = 0,05$ и $\alpha = 0,95$.

Рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst> (дата обращения 17.05.2024).

области и Тюменская область без АО. При этом наибольшую объясняющую силу закон Кларка имеет для размещения населения Свердловской области – он объясняет около 37,3% вариации плотности населения в регионе. Для Челябинской области и Тюменской области без АО объясняющая сила данной модели существенно ниже – 10,4 и 18,2% соответственно (рис. 3).

Отрицательный знак при переменной «расстояние» свидетельствует о том, что по мере удаления от областного центра

плотность населения падает, т. е. наблюдается процесс стягивания населения к конкретной территории при обезлюдивании соседних (агломерационный процесс). Большее по модулю значение коэффициента при независимой переменной показывает, что агломерационные процессы вокруг Екатеринбурга (Свердловская область) более выражены, чем вокруг Челябинска и Тюмени, что подтверждается другими исследованиями (Ворошилов, 2019).

а) Свердловская область

б) Челябинская область

в) Тюменская область без АО

Рис. 3. Фактическое и расчетное (по закону Кларка) значение плотности населения в муниципальных образованиях регионов в зависимости от расстояния до областного центра в регионах с выраженными агломерационными процессами

Рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований Росстата.

URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst> (дата обращения 17.05.2024).

В отношении другой части уральских регионов не представляется возможным использовать закон Кларка для анализа системы расселения, поскольку коэффициенты при переменной и регрессии в целом не имеют статистической значимости (см. табл. 2). Кроме того, если для Курганской области расчетное значение градиента плотности населения имеет центростремительный потенциал, то в ХМАО зависимость отсутствует, а в ЯНАО, наоборот, можно предположить центробежный характер градиента плотности населения. Однако еще раз подчеркнем, что данные регрессионные модели не являются статистически надежными (рис. 4).

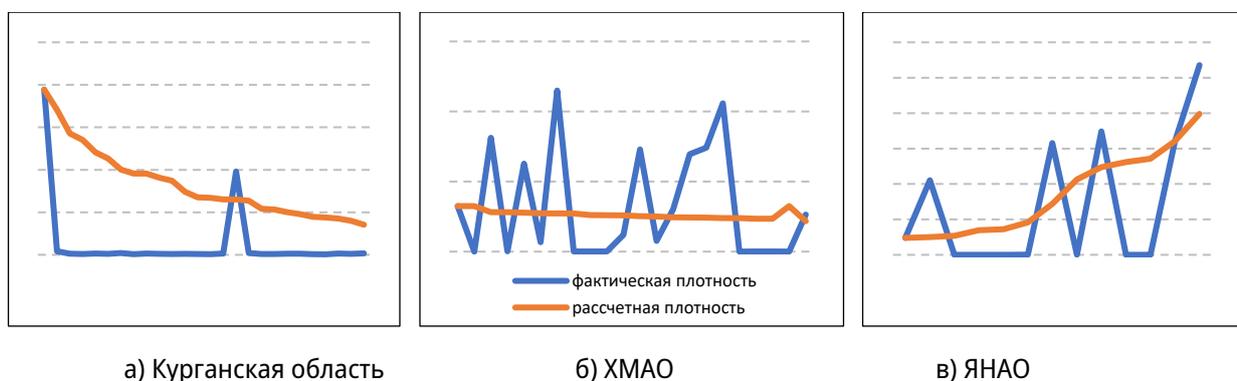
Мы предполагаем, что в значительной мере систему расселения определяет тип хозяйственного освоения территории, что открывает перспективы дальнейшего исследования особенностей систем расселения неагломерационного типа. Исторически сложилось так, что в указанных регионах население движется вслед за размещением добывающих и обрабатывающих предприятий (ХМАО, ЯНАО) или агропромышленного комплекса (Курганская область), а не в логике процессов урбанизации и агломерационного строительства, характерных для индустриальных регионов. Таким образом, для регионов с неиндустриальным типом экономики (преобладанием сельского хозяйства или добывающей промышленности) характерны существенные отличия в

расселенческих процессах, что определяет специфику связанных с ними задач управления, таких как обеспечение связанности отдаленных территорий и формирование доступной социальной инфраструктуры для их жителей.

Заключение

Изучение процессов расселения во взаимосвязи с социально-экономическим поведением населения представляет собой важную исследовательскую задачу вследствие актуализации вопросов пространственного развития России, обозначенного в национальных стратегических документах. В процессе исследования выдвинута гипотеза о различиях в формировании систем расселения промышленных регионов и регионов неиндустриального освоения в результате приоритетного действия различных факторов.

Используя положения пространственной демографии, в частности понятие градиента плотности населения и закон Кларка как аналитический инструмент для его моделирования, на основе регрессионных моделей мы оценили системы расселения регионов УрФО. Это позволило выделить два типа регионов с существенно отличающимся размещением населения. В регионах промышленного освоения (Свердловская, Челябинская и Тюменская области) выполняется закон Кларка для градиента плот-

Рис. 4. Фактическое и расчетное (по закону Кларка) значение плотности населения в муниципальных образованиях регионов в зависимости от расстояния до областного центра в регионах с «хозяйственным» типом расселения

Рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований Росстата.

URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst> (дата обращения 17.05.2024).

ности населения, а сами региональные системы расселения характеризуются выраженными агломерационными процессами. В регионах неиндустриального освоения (добыча полезных ископаемых – ХМАО, ЯНАО, агропромышленной специализации – Курганская область) невозможно применять закон Кларка для анализа систем расселения, поскольку полученные регрессионные модели являются статистически не значимыми, что обусловлено в первую очередь экономической специализацией регионов и особенностями размещения мест приложения труда.

Таким образом, научная новизна исследования связана с расширением возможностей применения положений простран-

ственной демографии для анализа систем расселения. В ходе работы решена задача адаптации инструментария, предназначенного для моделирования градиента плотности населения, на примере данных о расселении в российских регионах, показан его исследовательский потенциал для разработки типологии систем расселения, а также обоснованы границы применимости закона Кларка в целях исследования процессов расселения в российских регионах. Это позволяет определять регионы, где сложились устойчивые агломерационные процессы, и регионы, где система расселения развивается иным способом. Представляется перспективным проверить полученные результаты на данных остальных субъектов РФ.

ЛИТЕРАТУРА

- Бакланов П.Я. (2021). Географические градиенты как измерение географического пространства // Геосистемы Северо-Восточной Азии: природа, население, хозяйство территорий. Владивосток: Тихоокеанский ин-т географии ДО РАН. С. 11–13. DOI: 10.35735/tig.2021.56.55.002
- Ворошилов Н.В. (2019). Подходы к оценке развитости агломераций на территории России // Проблемы развития территории. № 4 (102). С. 40–54. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.2
- Гали Д.А. (2011). Основные методологические парадигмы теории расселения населения // Вестник НГУЭУ. № 1. С. 67–78.
- Ершова С.А., Шишелова С.А., Орловская Т.Н. (2024). Методика делимитации границ Санкт-Петербургской агломерации // Вестник МГСУ. Т. 19. Вып. 7. С. 1173–1185. DOI: 10.22227/1997-0935.2024.7.1173-1185
- Короленко А.В. (2023). Трансформация системы расселения и ее демографические проявления: опыт исследования на региональном и муниципальном уровне // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 2. С. 127–148. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.7
- Круглов Ю.В., Стецурина Е.С., Снежкина О.В. (2013). Исследование и статистическое моделирование расселения населения // Вестник СибАДИ. Вып. 2 (30). С. 62–67.
- Ткаченко А.А. (2018). Ключевые понятия теории расселения: попытка переосмысления // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. № 2. С. 10–15.
- Фаузер В.В., Смирнов А.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. (2021). Городские агломерации в системе расселения Севера России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 4. С. 77–96. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.5
- Чугунова Н.В., Полякова Т.А., Богат Д.В., Игнатенко С.А., Ситникова О.О. (2013). Система городского расселения в развитии инновационных процессов российского пространства // Проблемы региональной экологии. № 4. С. 206–210.
- Щитова Н.А., Белозеров В.С., Соловьев И.А. (2020). Концепция исследования демографического развития городских агломераций (на примере агломераций Европейской России) // Наука. Инновации. Технологии. № 4. С. 125–136.
- Anselin L (2010). Thirty years of spatial econometrics. *Papers in Regional Science*, 89 (1), 3–25. DOI: 10.1111/j.1435-5957.2010.00279.x

- Entwisle B. (2007). Putting people into place. *Demography*, 44, 687–703.
- Logan J.R. (2016). Challenges of spatial thinking. In: Howell F.M. (eds.). Recapturing space: New middle-range theory in spatial demograph. *Spatial Demography Book Series 1*, VI, 379. DOI: 10.1007/978-3-319-22810-5_2
- Logan J.R., Zhang W., Xu H. (2010). Applying spatial thinking in social science research. *GeoJournal*, 75, 15–27.
- Lu B., Charlton M., Harris P., Fotheringham S.A. (2014). Geographically weighted regression with a non-Euclidean distance metric: A case study using hedonic house price data. *International Journal of Geographical Information Science*, January, 1–22. DOI: 10.1080/13658816.2013.865739
- Matthews S., Stiberman L. (2021). Looking back, looking forward: Progress and prospect for spatial demography. *Spatial Demography*, 9, 1–29. Available at: <https://doi.org/10.1007/s40980-021-00084-9>
- Matthews S.A., Parker D.M. (2013). Progress in spatial demography. *Demographic Research*, 28, 271–312. DOI: 10.4054/demres.2013.28.10
- Raymer J., Willekens F., Rogers A. (2019). Spatial demography: A unifying core and agenda for further research. *Population Space and Place*, 25 (4), 1–13.
- Tobler W.R. (1970). A computer movie simulating urban growth in the Detroit Region. *Economic Geography*, 46, 234–240.
- Vyas T.H., Shulka R. (2017). Analyzing urban population density gradient for Morbi city. *International Conference on “Research and Innovations in Science, Engineering & Technology” ICRASET-2017*. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/319483530> (accessed 22.05.2024).
- Willekens F. (2014). *Multistate analysis of life histories with R*. Springer.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мария Никитична Макарова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения РАН (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: makarova.mn@uiec.ru)

Makarova M.N.

STUDYING URBAN SETTLEMENT SYSTEMS BASED ON METHODOLOGICAL PROVISIONS OF SPATIAL DEMOGRAPHY

The actualization of the tasks of Russia's spatial development determines the need to study settlement processes as one of the ways of territorial organization of society. The development of the spatial demography methodology, the increase in the depth of demographic data and the improvement of mathematical tools make it possible to apply new approaches to the study of settlement. In the article, to analyze regional settlement systems, we propose to use such an indicator of spatial development as the gradient of population density, the theoretical change of which is an exponential function and is described by Clarke's law. This allowed testing the hypothesis that in regions characterized by the presence of pronounced agglomeration processes, the population density gradient will follow Clarke's law, while in regions with a different type of settlement, Clarke's law will not be fulfilled. The novelty of the study is related to the fact that based on regression modeling we show the presence of two types of regional settlement systems: in the regions of industrial development there are pronounced agglomeration processes, which is confirmed by the fulfillment of Clarke's law for the gradient of population density, and in the regions of non-industrial development (extractive, agro-industrial) the settlement system has a different structure and Clarke's law is not fulfilled. A promising direction of the research is to test the hypothesis in all constituent entities of the Russian Federation.

The results obtained can be used in the analysis of urbanization and agglomeration processes, as well as in the implementation of spatial development policy in Russian regions.

Spatial demography, settlement, density gradient, Clarke's law, agglomerations, regions, Ural Federal District.

REFERENCES

- Anselin L (2010). Thirty years of spatial econometrics. *Papers in Regional Science*, 89(1), 3–25. DOI: 10.1111/j.1435-5957.2010.00279.x
- Baklanov P.Ya. (2021). Geographic gradients – as a measurement of geographical space. In: *Geosistemy Severo-Vostochnoi Azii: priroda, naselenie, khozyaistvo territorii* [Geosystems of Northeast Asia: Nature, Population, Economy of Territories]. Vladivostok: Tikhoookeanskii in-t geografii DO RAN. DOI: 10.35735/tig.2021.56.55.002 (in Russian).
- Chugunova N.V., Polyakova T.A., Bogat D.V., Ignatenko S.A., Sitnikova O.O. (2013). Urban settlement system in the development of innovation processes in the Russian space. *Problemy regional'noi ekologii*, 4, 206–210 (in Russian).
- Entwisle B. (2007). Putting people into place. *Demography*, 44, 687–703.
- Ershova S.A., Shishelova S.A., Orlovskaya T.N. (2024). Methodology for delimitation of the St. Petersburg agglomeration boundaries. *Vestnik MGSU*, 19(7), 1173–1185. DOI: 10.22227/1997-0935.2024.7.1173-1185 (in Russian).
- Fauzer V.V., Smirnov A.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N. (2021). Urban agglomerations in the settlement system of the North of Russia. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(4), 77–96. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.5 (in Russian).
- Gali D.A. (2011). Main methodological paradigms of population settlement theory. *Vestnik NGUEU*, 1, 67–78 (in Russian).
- Korolenko A.V. (2023). Transformation of the resettlement system and its demographic manifestations: Research experience at the regional and municipal levels. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(2), 127–148. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.7 (in Russian).
- Kruglov Yu.V., Stetsurina E.S., Snezhkina O.V. (2013). Study and statistical modeling of population settlement (by example of Penza). *Vestnik SibADI*, 2(30), 62–67 (in Russian).
- Logan J.R. (2016). Challenges of spatial thinking. In: Howell F.M. (Ed.). *Recapturing Space: New Middle-Range Theory in Spatial Demograph. Spatial Demography Book Series 1*, 5, 379. DOI: 10.1007/978-3-319-22810-5_2
- Logan J.R., Zhang W., Xu H. (2010). Applying spatial thinking in social science research. *GeoJournal*, 75, 15–27.
- Lu B., Charlton M., Harris P., Fotheringham S.A. (2014). Geographically weighted regression with a non-Euclidean distance metric: A case study using hedonic house price data. *International Journal of Geographical Information Science*, January, 1–22. DOI: 10.1080/13658816.2013.865739
- Matthews S., Stiberman L. (2021). Looking back, looking forward: Progress and prospect for spatial demography. *Spatial Demography*, 9, 1–29. Available at: <https://doi.org/10.1007/s40980-021-00084-9>
- Matthews S.A., Parker D.M. (2013). Progress in spatial demography. *Demographic Research*, 28, 271–312. DOI: 10.4054/demres.2013.28.10
- Raymer J., Willekens F., Rogers A. (2019). Spatial demography: A unifying core and agenda for further research. *Population Space and Place*, 25(4), 1–13.
- Shchitova N.A., Belozerov V.S., Soloviev I.A. (2020). The research concept of metropolitan areas demographic development (in the case of European part of Russia metropolitan areas). *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii=Science. Innovations. Technologies*, 4, 125–136 (in Russian).

- Tkachenko A.A. (2018). Key concepts of the settlement theory: An attempt of rethinking. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Geografiya=Lomonosov Geography Journal*, 5(2), 10–15 (in Russian).
- Tobler W.R. (1970). A computer movie simulating urban growth in the Detroit Region. *Economic Geography*, 46, 234–240.
- Voroshilov N.V. (2019). Approaches to assessing the development of agglomerations in Russia. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 4(102), 40–54. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.2 (in Russian).
- Vyas T.H., Shulka R. (2017). Analyzing urban population density gradient for Morbi city. *International Conference on "Research and Innovations in Science, Engineering & Technology" ICRISSET-2017*. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/319483530> (accessed: May 22, 2024).
- Willekens F. (2014). *Multistate analysis of life histories with R*. Springer.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mariya N. Makarova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of RAS (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: makarova.mn@uiec.ru)

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

DOI: 10.15838/ptd.2025.1.135.4

УДК 338+332

© **Леонов С.Н.**

ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДОХОДОВ БЮДЖЕТОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЛЕОНОВ

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН

Хабаровск, Российская Федерация

e-mail: leonov@ecrin.ru

ORCID: [0000-0001-6936-5436](https://orcid.org/0000-0001-6936-5436); ResearcherID: [V-3471-2019](https://orcid.org/V-3471-2019)

Бюджетная политика всех уровней власти в России в настоящее время реализуется в условиях сильной турбулентности, сталкиваясь с необходимостью отвечать на шоковые вызовы новой реальности. В статье с использованием общенаучных методов исследования выполнен сравнительный анализ особенностей формирования доходов консолидированных бюджетов в дальневосточных субъектах Федерации. Рассмотрен опыт формирования собственных доходов региональных бюджетов в условиях внешних для региона шоков, дан анализ состояния бюджетной обеспеченности регионов. Показано, что устойчивость доходной части региональных бюджетов макрорегиона обеспечивали стабильные поступления налогов на прибыль (доходы) и имущественных налогов. Степень зависимости бюджетов дальневосточных регионов от федеральных трансфертов, превышавшая среднероссийскую в предкризисные годы, сильно возросла во время пандемии и осталась высокой в период санкционных ограничений. Усилилась рассинхронизация динамики собственных доходов бюджетов и межбюджетных трансфертов в регионах Дальнего Востока. Выявлено изменение уровня транспарентности (прозрачности) межбюджетных отношений в макрорегионе в кризисный период. Показано, что скорость выхода бюджетов дальневосточных субъектов из финансового кризиса, порожденного коронавирусной эпидемией и введенными санкционными ограничениями, зависит от специализации регионов. У регионов, специализирующихся на обрабатывающих отраслях, восстановление бюджетных пропорций идет быстрее, чем у регионов добывающей специализации. Сделан вывод о необходимости в условиях высокой вероятности снижения доходной базы региональных бюджетов,

Для цитирования: Леонов С.Н. (2025). Тенденции и факторы формирования доходов бюджетов дальневосточных субъектов Федерации в условиях турбулентности // Проблемы развития территории. Т. 29. № 1. С. 41–56. DOI: 10.15838/ptd.2025.1.135.4

For citation: Leonov S.N. (2025). Trends and factors concerning formation of budget revenues of the Far Eastern constituent entities of the Federation under conditions of turbulence. *Problems of Territory's Development*, 29 (1), 41–56. DOI: 10.15838/ptd.2025.1.135.4

совершенствовать систему избирательной помощи бюджетам в виде дотаций, что будет более адекватно компенсировать доходы, недополученные региональными бюджетами.

Региональная бюджетная политика, доходы консолидированного бюджета, бюджетные ответы в условиях кризиса, вызовы новой реальности, субъекты Федерации, Дальний Восток.

Введение

Современная реальность характеризуется все более значимыми шоковыми вызовами для социально-экономического развития российских регионов и страны в целом, подобно тому, как турбулентность из-за постоянного изменения атмосферного давления, направления или скорости ветра влияет на изменение подъемной силы крыла, создавая временные перегрузки в салоне самолета. Неслучайно в литературе отмечается, что в настоящее время и федеральный, и региональные бюджеты находятся в зоне сильной экономической турбулентности, порожденной внешними для региональной системы шоками, а проводимая бюджетная политика сталкивается с серьезными вызовами и высокой неопределенностью перспектив социально-экономического развития (Климанов, Михайлова, 2023).

Причем можно говорить об усилении подобной аналогии, ведь если за 40 лет изменение климата привело к росту частоты явления турбулентности в авиации в 1,5 раза (Prosser et al., 2023), то российскую экономику процессы «экономической турбулентности» сотрясают в последнее время постоянно. В стране в последние годы регистрируются два периода турбулентности, порожденные событиями коронавирусной эпидемии (2019–2021 гг.) и санкционными ограничениями, последовавшими за проведением специальной военной операции (2022–2023 гг.).

В России события периода турбулентности (COVID-19 и СВО) повлияли на эффективность функционирования практически всех секторов хозяйства (Кузнецова, 2020; Лола, 2020; Мильчаков, 2020; Леонов, 2021; Исаев, Прокапало, 2023), что, естественно, отразилось на объемах налоговых поступлений как в консолидированный бюджет России¹, так и в региональные бюджеты (Дерюгин, 2020; Зубаревич, 2021; Чернявский, 2021; Леонов, 2022b) и обострило проблему организации межбюджетных выравнивающих трансфертов (Леонов, 2021).

При этом практика использования выравнивающих трансфертов крайне разнообразна, важна для всех стран² (Kornai, 1986; Pokrovskaja, Belov, 2020), нацелена на регулярное реформирование и устранение отдельных факторов, способствующих ее неэффективному функционированию и организации межбюджетных выравнивающих трансфертов (Дерюгин и др., 2016; Климанов и др., 2021).

Предметом исследования выступает изучение влияния экономической турбулентности на уровень доходов региональных бюджетов. В качестве объекта анализа рассматриваются бюджеты дальневосточных субъектов Федерации, поскольку для Дальнего Востока (ДВ), объявленного стратегическим приоритетом России на XXI век, объединяющего 11 субъектов Федерации³ и покрывающего более 40% территории стра-

¹ Исполнение федерального бюджета и бюджетов системы Российской Федерации за 2022 год (2023). Москва: Финпол. 112 с.; Исполнение федерального бюджета и бюджетов системы Российской Федерации за 2023 год (2024). Москва: Финпол. 107 с.

² The Current Debate on Fiscal Federalism in Germany (2019). URL: http://www.forumfed.org/post/ThecurrentdebateonfiscalfederalisminGermany_plustables.pdf; Report of the World Observatory on Sub-national Government Finance and Investment – Key Findings (2019). URL: https://www.sng-wofi.org/publications/2019_SNG-WOFI_REPORT_Key_Findings.pdf

³ В состав Дальнего Востока входят Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Забайкальский, Камчатский, Приморский и Хабаровский края, Амурская, Магаданская и Сахалинская области, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ (см. Указ Президента Российской Федерации от 3 ноября 2018 г. № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849»).

ны, вопрос оценки воздействия внеэкономических шоков на уровень доходов региональных бюджетов является крайне актуальным. Несмотря на территориальные размеры, сопоставимые с Китаем или Индией, Дальний Восток, являясь российским регионом, в значительной степени подвержен влиянию тех же геополитических моментов, которые оказывают воздействие на страну в целом. Пандемия коронавируса, экономические санкции, вводимые недружественными государствами, иные подобные факторы, оказывающие значительное влияние на бюджет и бюджетную систему, требуют оперативного принятия управленческих решений.

Для достижения постулируемой цели оценки воздействия турбулентных процессов на формирование доходов бюджетов дальневосточных субъектов Федерации необходимо решить ряд задач: оценить динамику зависимости региональных бюджетов от федеральных трансфертов, состояние прозрачности межбюджетных отношений и динамику бюджетной обеспеченности регионов в период высокой социально-экономической изменчивости.

Методы исследования

Методологической основой работы явились системный и сравнительный анализы. Использованы общенаучные методы исследования динамики и структуры бюджетных индикаторов, позволившие получить репрезентативные ответы на поставленные исследовательские вопросы в отношении особенностей формирования доходов консолидированных бюджетов дальневосточных субъектов Федерации в условиях повышенной турбулентности экономики, вызванной пандемией коронавируса и санкционными ограничениями, ставшими реакцией ряда недружественных стран на СВО.

Обзор литературы и статистика

Отметим, что отдельные вопросы, связанные с состоянием региональных бюджетов в турбулентный период российской экономики (2019–2023 гг.), порожденные коронавирусной инфекцией и чередой санкционных ограничений, рассматривались исследователями дальневосточной экономики и ранее.

Последствия коронавирусной эпидемии для российских регионов анализировались, например, сотрудниками Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»⁴, а также другими исследователями (Дерюгин, 2020; Зубаревич, Сафронов, 2020; Чернявский, 2021; Леонов, 2022а). Во всех работах отмечался спад доходов бюджетов в период локдауна при сильном росте трансфертов из федерального в региональные бюджеты. В период СВО и последовавшей за этим объявленной России санкционной войны вопросы регионального развития (Исаев, Прокапало, 2023), как и формирования региональных бюджетов (Зубаревич, Землянский, 2023; Землянский, Климанов, 2024), также становились предметом обсуждения. Очевидно, что шоковые события 2019–2023 гг. отразились на состоянии бюджетов дальневосточных субъектов РФ (Леонов, 2020; Гулидов, 2021; Веприкова и др., 2022). Но в целом попыток проанализировать особенности и потенциальные различия формирования доходной части бюджетов дальневосточных регионов в годы турбулентных воздействий не предпринималось.

В связи с этим важно рассмотреть особенности динамики формирования доходов бюджетов, характерные для периода социально-экономической турбулентности, и тенденции бюджетной обеспеченности дальневосточных субъектов, которые отмечались в это же время.

⁴ Экономические и социальные последствия коронавируса в России и в мире. Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ (2020). № 10. 100 с. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/435321798.pdf>

Вопрос осложняется состоянием статистической базы исследования.

Развернутая информация об исполнении консолидированных бюджетов субъектов Федерации за 2020–2021 гг. представлена на сайте Федерального казначейства, что позволяет рассматривать все доходы бюджетов дальневосточных субъектов Федерации: собственные (налоговые и неналоговые), а также объем и динамику трансфертов как в целом, так и по отдельным их видам (дотации, субсидии, субвенции и иные трансферты)⁵. С началом СВО Федеральное казначейство прекратило публикацию развернутых данных о состоянии региональных бюджетов в открытой печати, поэтому информация о состоянии, структуре и источниках формирования доходной части бюджетов субъектов РФ за 2022–2023 гг. взята с сайта единого портала «Электронный бюджет» (<https://budget.gov.ru>), где она представлена в значительно более агрегированном виде⁶.

Подобные расхождения в степени агрегации исходной информации затрудняют сопоставимость данных по анализируемым периодам и в целом осложняют процесс мониторинга ситуации.

Результаты и дискуссия

Фактически в настоящее время бюджетная политика всех уровней власти в Российской Федерации реализуется в условиях сильной турбулентности, сталкиваясь с необходимостью отвечать на шоковые вызовы новой реальности. В отношении ДВ можно выделить ряд значимых особенностей, характерных для процесса преодоления негативного влияния внешнего возмущающего воздействия на хозяйственную среду региона.

Во-первых, сравнительный анализ динамики изменения объемов трансфертов и доходов консолидированных бюджетов регионов ДВ в условиях турбулентности фиксирует рост степени зависимости бюджетов дальневосточных субъектов РФ от федеральных трансфертов. Зависимость, бывшая на ДВ выше среднероссийской в предкризисные годы, сильно возросла в пандемию и осталась высокой в период санкционных ограничений (табл. 1).

Отметим, что, хотя удельный вес трансфертов в доходах консолидированных дальневосточных бюджетов на протяжении всего анализируемого периода (2019–2023 гг.) превышал среднероссийские параметры,

Таблица 1. Динамика изменения объемов трансфертов и доходов консолидированных бюджетов, %

Показатель	Темп роста									
	2019/2018 гг.		2020/2019 гг.		2021/2020 гг.		2022/2021 гг.		2023/2022 гг.	
	РФ	ДВ								
Доходы консолидированных бюджетов, всего	117	116	110	109	118	114	112	111	113	107
Безвозмездные поступления (трансферты)	118	125	154	126	95	105	106	113	103	87
Доля трансфертов в доходах консолидированных бюджетов	18	33	25	39	21	36	20	36	18	29

Рассчитано по: Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда. URL: <https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov>; Единый портал бюджетной системы РФ «Электронный бюджет» (Исполнение бюджета по видам доходов). URL: budget.gov.ru

⁵ Напомним, что субсидии выделяются регионам на конкретные цели и предусматривают софинансирование со стороны региона; субвенции направляются на выполнение федеральных полномочий, делегированных субъекту Федерации (например, выплата пособия по безработице и т. п.), только дотации могут свободно использоваться регионами без оглядки на федеральный уровень власти.

⁶ Так, информация о состоянии консолидированных бюджетов субъектов РФ представлена на портале «Электронный бюджет» без описания развернутой структуры налоговых и неналоговых доходов и структуры трансфертов бюджетов регионов.

подобная трансфертная «накачка» дальневосточных регионов не смогла обеспечить достойные темпы роста доходов консолидированных бюджетов в дальневосточных субъектах. Согласно данным табл. 1, темпы роста доходов консолидированных бюджетов в регионах Дальнего Востока отставали от среднероссийских темпов роста бюджетных доходов на протяжении всего периода исследования.

В 2020 году, когда наблюдался пик пандемии, темп роста безвозмездных поступлений из федерального в региональные бюджеты в среднем по России резко возрос и составил 154% к 2019 году; по дальневосточным регионам – 126%. Фактически в это время в доходах бюджетов всех уровней наиболее быстро увеличивалась доля целевых трансфертов – субсидий и субвенций (Леонов, 2022b), которые региональные правительства могли тратить в основном на здравоохранение и медицину как главные направления расходов бюджетов в этот период. Подобная ситуация резко снижала возможности регионов к самостоятельности в распоряжении дополнительно передаваемой в регионы финансовой помощью.

Как следствие, в турбулентный период финансовая устойчивость субъектов РФ в значительной мере определялась передаваемыми им из федерального бюджета размерами межбюджетной помощи (Тимушев, 2022). При этом действующая формула межбюджетного выравнивания не создает положительных стимулов для развития инфраструктуры в регионах, хотя сглаживание межтерриториального неравенства и инфраструктурное развитие субъектов Федерации являются важнейшими целями региональной политики, а инструменты достижения этих целей не должны вступать в противоречие друг с другом⁷.

⁷ Например, в действующей в Российской Федерации формуле распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности заложена отрицательная связь между протяженностью путей транспортной инфраструктуры регионов и величиной трансферта, т. е. при увеличении длины дорог объем дотаций регионам с изначально невысокой транспортной доступностью снижается (Барбашова, 2021).

⁸ Бюджетный кодекс Российской Федерации (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702), в 2023 году отметивший 25-летие, за время своего существования претерпел более 190 поправок. При этом количество поправок в последние годы только увеличивается.

В этих условиях «отдельным вопросом становится реакция бюджетного законодательства на турбулентные времена⁸. Если рассмотреть количество поправок в Бюджетный кодекс по месяцам, то основные их пики приходятся на конец сессий работы парламентариев (июль и декабрь). Из этого можно сделать вывод, что бюджетное законодательство подстраивается под другие законы, которые принимаются в течение сессии работы Государственной Думы» (Климанов, Михайлова, 2023).

Доля трансфертов в доходах региональных консолидированных бюджетов, которая и в предпандемный 2019 год была у дальневосточных регионов выше среднероссийской (33 и 18% соответственно), в пандемийные годы у большинства консолидированных бюджетов дальневосточных регионов возросла до 39–36%. В постпандемный (санкционный) период удельный вес трансфертов в доходах дальневосточных региональных бюджетов хотя и снизился, но продолжал оставаться значительно выше среднероссийских показателей (доля трансфертов в доходах консолидированных бюджетов дальневосточных субъектов Федерации в 2023 году составила 29% против среднероссийского показателя 18%).

Второй особенностью, фиксируемой у дальневосточных региональных бюджетов на протяжении всего турбулентного периода, является сохранявшаяся и усилившаяся рассинхронизация динамики собственных доходов и межбюджетных трансфертов.

В 2019–2023 гг. совокупные доходы консолидированных бюджетов дальневосточных субъектов росли, хотя годовые темпы роста в целом по ДВ были ниже среднероссийских (табл. 2).

Таблица 2. Динамика прироста доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации и Дальнего Востока в 2020–2023 гг., % к предыдущему году

Показатель	2020 год к 2019 году		2021 год к 2020 году		2022 год к 2021 году		2023 год к 2022 году	
	РФ	ДВ	РФ	ДВ	РФ	ДВ	РФ	ДВ
Все доходы консолидированных бюджетов	10	9	18	14	12	11	13	7
в том числе:								
собственные (налоговые и неналоговые) доходы	-2	0,2	26	20	13	10,5	16	19
налоги на прибыль и доходы*	-1,8	5	30	9	10	20	21	20
налоги на имущество**	-1	15	6	4	17	-7	4	5
Общая сумма трансфертов из других бюджетов	54	26	-5	5	6	13	3	-13
<p>* Налоги на прибыль и доходы включают налог на прибыль (прямой налог, взимаемый с прибыли организации) и налог на доходы физических лиц (основной вид прямых налогов, исчисляется в процентах от совокупного дохода физических лиц).</p> <p>** Налоги на имущество включают региональный налог на имущество организаций и местный налог на имущество физических лиц.</p> <p>Рассчитано по: Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда. URL: https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov; Единый портал бюджетной системы РФ «Электронный бюджет» (Исполнение бюджета по видам доходов). URL: budget.gov.ru</p>								

Следовательно, общая устойчивость доходов региональных бюджетов в турбулентный период в значительной мере определялась положительной динамикой наиболее стабильных источников собственных (налоговых и неналоговых) доходов бюджетов, особенно – налогов на прибыль и имущественных налогов; увеличением объемов федеральной поддержки регионов через национальные проекты (рост доли субсидий)⁹; достаточно медленным введением санкций, что позволило ряду отраслей адаптироваться к вводимым ограничениям и демпфировать падение поступлений по налогу на прибыль.

Для доходов дальневосточных бюджетов в 2019–2023 гг. было характерно различие в структуре формирования доходных источников, глубине спада и скорости «восста-

новления» бюджетных доходов, как в сравнении со среднероссийскими трендами, так и по субъектам Федерации. Названные тенденции отмечались как на этапе эпидемии коронавируса, так и в рамках санкционных ограничений.

За время наблюдений стабильный рост поступления доходов отмечался в семи субъектах Дальнего Востока из одиннадцати: Хабаровском, Приморском, Забайкальском и Камчатском краях, Амурской области, республиках Якутии и Бурятии. Для остальных четырех дальневосточных субъектов была характерна «рваная» динамика роста бюджетных доходов.

Наиболее сильно «ковидный локдаун» сказался на доходах бюджетов регионов с добывающей отраслевой специализацией. Ни Чукотский автономный округ, ни

⁹ Структура трансфертов в регионы весь рассматриваемый период имела свою специфику. Дальневосточные субъекты Федерации, несмотря на пандемию 2019–2021 гг., продолжали выполнять национальные проекты, получая под эти цели субсидии. Суммарный объем субсидий увеличился в дальневосточных регионах за 2020–2021 гг. на 90,2 млрд руб., или в 2,8 раза в сравнении с 2019 годом. При этом дотации на выравнивание (нецелевые, наиболее «желанные» трансферты) возросли за этот же период лишь в 1,09 раза. Это означало, что фактически применяемые меры по стимулированию бюджетной политики в одиннадцати дальневосточных субъектах слабо способствовали созданию условий для перспективной посткризисной модернизации их экономик, направляясь главным образом на решение текущих проблем формирования доходной части региональных бюджетов. В период СВО эта тенденция усилилась.

Сахалинская или Магаданская области по завершении пандемии не смогли восстановить «доковидную» структуру доходов бюджетов. Более того, завершение эпидемии и последовавшее за этим относительное сокращение в 2022 году величины федеральных трансфертов привели к снижению объемов доходов консолидированных бюджетов и ЧАО, и Магаданской области. И хотя в 2023 году десять дальневосточных субъектов Федерации продемонстрировали рост доходов бюджетов, в Сахалинской области было зафиксировано падение величины доходов консолидированного бюджета на 17,7 млрд руб. в сравнении с 2022 годом. Такой результат явился следствием санкционных ограничений на развитие нефте- и газодобывающей отрасли, что привело к снижению добычи углеводородов и сокращению поступлений в консолидированный бюджет Сахалинской области налогов на прибыль и доходы на 15,7 млрд руб. Учитывая одновременное снижение на 3,9 млрд руб. величины трансферта из федерального бюджета, становится понятно, что подобная ситуация не смягчила негативное влияние санкционных ограничений.

В условиях высокой вероятности снижения доходной базы региональных бюджетов необходимо стремиться совершенствовать систему избирательной помощи бюджетам в виде дотаций, что должно позволить более адекватно компенсировать доходы, недополученные региональными бюджетами. Однако на ДВ не фиксируется наличие связи между динамикой налоговых доходов региональных бюджетов и динамикой выделяемых трансфертов. Фактически можно констатировать, что транспарентность (прозрачность оказания трансфертной помощи регионам) также стала особенностью формирования доходов дальневосточных региональных бюджетов в турбулентный период.

Следовательно, третьей особенностью, свойственной турбулентному периоду на ДВ, является обострение проблемы прозрачно-

сти (транспарентности) процесса оказания «трансфертной помощи» регионам.

Сравнительный анализ «выпадающих» доходов региональных бюджетов в дальневосточных регионах (разница собственных доходов бюджета текущего и предшествующего годов) и изменения объемов выделенных федеральных трансфертов текущего года по сравнению с предыдущим позволяет сделать вывод об ухудшении прозрачности федеральной трансфертной политики (табл. 3). «Сбои» в трансфертной политике федерального центра возникли в пандемийный период 2019–2021 гг. и продолжились в период санкционного давления 2022–2023 гг.

Так, в 2020 году, на пике коронавирусной эпидемии, в результате локдаунов снизились собственные (налоговые и неналоговые) доходы бюджетов у большинства дальневосточных регионов. Тем не менее величина собственных доходов консолидированного бюджета макрорегиона в пиковый год пандемии возросла в сравнении с 2019 годом, хотя и всего на 1,7 млрд руб. Однако в этот год на Дальний Восток дополнительно было перечислено 101,7 млрд руб. федеральных трансфертов. Причем трансфертная помощь оказывалась регионам избирательно. Согласно данным табл. 3, в пиковый год эпидемии федеральный центр менее всего «помог» Сахалинской области, не только не демпфировав падение на 14,5 млрд руб. собственных доходов областного бюджета по сравнению с 2019 годом, но и сократив величину федерального трансферта на 6,8 млрд руб. ЧАО недополучил в 2020 году 11,3 млрд руб. федеральных трансфертов в сравнении с 2019 годом. Возможно, федеральные власти посчитали, что нефтегазодобывающая область, как и горнодобывающий ЧАО, самостоятельно справятся с финансовыми проблемами. При этом Якутия, Приморский и Хабаровский края в 2020 году получили значимые трансфертные выплаты (от 16,5 до 32,3 млрд руб.) при гораздо менее значительном падении собственных доходов, чем у Сахалинской области.

Таблица 3. Динамика выпадающих собственных (налоговых и неналоговых) доходов консолидированных бюджетов дальневосточных субъектов Федерации и величины дополнительных трансфертов, млрд руб.

Регион	2020 год к 2019 году (пик пандемии)		2021 год к 2020 году (спад пандемии)		2022 год к 2021 году (начало СВО)		2023 год к 2022 году (санкционная война)	
	изменение		изменение		изменение		изменение	
	собственных доходов	величины трансфертов	собственных доходов	величины трансфертов	собственных доходов	величины трансфертов	собственных доходов	величины трансфертов
Дальний Восток в целом	1,7	101,7	159,2	26,1	173,0	71,3	198,3	-89,8
Республика Бурятия	0,0	14,6	9,2	1,9	9,0	11,1	6,4	0,1
Республика Саха (Якутия)	-6,1	32,3	72,4	10,7	35,6	28,3	72,3	-34,0
Приморский край	-5,4	16,5	25,5	-0,3	20,9	8,6	40,4	-11,6
Хабаровский край	-0,2	18,2	19,7	-4,9	14,0	7,2	19,8	-11,7
Амурская область	9,8	11,8	6,6	6,8	3,4	-0,1	20,7	-24,2
Камчатский край	0,4	12,5	5,6	4,0	2,4	3,0	9,7	0,4
Магаданская область	7,0	2,6	5,0	-0,4	-1,4	-2,3	6,7	2,7
Сахалинская область	-14,5	-6,8	6,2	-2,7	87,4	8,1	-13,8	-3,9
Еврейская автономная область (ЕАО)	0,1	5,9	1,0	2,3	0,8	-1,5	2,6	-1,5
Чукотский автономный округ (ЧАО)	9,0	-11,3	-2,1	1,7	-1,9	1,3	5,3	0,7
Забайкальский край	1,6	5,3	10,1	7,2	2,6	7,6	28,2	-6,8

Расчитано по: Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда. URL: <https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzheta/konsolidirovannye-byudzhety-subektov>; Единый портал бюджетной системы РФ «Электронный бюджет» (Исполнение бюджета по видам доходов). URL: budget.gov.ru

Отказ в 2021 году от пандемийных локдаунов обеспечил оживление экономической конъюнктуры и, как следствие, рост собственных доходов бюджетов дальневосточных регионов на 159,2 млрд руб. Рост собственных доходов отмечался во всех регионах ДВ, кроме ЧАО, где собственные доходы бюджета снизились на 2,1 млрд руб. При этом одновременно в целом по ДВ произошло сокращение величины трансфертов. В сравнении с 2020 годом величина трансфертов в дальневосточные бюджеты возросла лишь на 26,1 млрд руб. Однако 10,7 млрд руб. (41% от общей суммы «трансфертной помощи») были направлены в Республику Саха (Якутия), что трудно объяснить, т. к. в 2021 году республика продемонстрировала самый значимый прирост собственных доходов бюджета среди дальневосточных регионов (72,4 млрд руб.). Вновь в 2021 году федеральный центр «обошел вниманием» Сахалинскую область и Чукотский автономный округ.

На этапе санкционных ограничений (2022–2023 гг.) данная тенденция сохранилась.

В 2022 году на фоне ослабления ковидных ограничений собственные доходы дальневосточных бюджетов возросли на 173 млрд руб. при одновременном росте трансфертов в макрорегион на 71,3 млрд руб. При этом 39,7% общей величины прироста трансфертов было направлено в Республику Саха, хотя в 2022 году Якутия продемонстрировала среди дальневосточных регионов один из самых высоких абсолютных приростов собственных доходов (35,6 млрд руб.).

В 2023 году на фоне роста собственных доходов бюджетов, который отмечался во всех регионах ДВ кроме Сахалинской области, испытавшей жесткий прессинг санкционных ограничений на развитие ее нефтегазового комплекса, фиксировалось сокращение трансфертов в региональные бюджеты на 89,8 млрд руб. И если в случае Якутии снижение величины трансфертов республиканскому бюджету на 34 млрд руб. объяснимо ввиду роста собственных доходов респу-

бликанского консолидированного бюджета почти на 72,3 млрд руб., то в ряде регионов ситуацию с соотношением доходов бюджетов с величиной трансфертов, полученных по итогам года, объяснить достаточно сложно. Так, при фактически равном приросте собственных доходов в Хабаровском крае и Амурской области (на 19,8 и 20,7 млрд руб. соответственно) величина федеральных трансфертов в бюджет Амурской области была урезана более чем в 2 раза в сравнении с Хабаровским краем (24,2 и 11,7 млрд руб. соответственно). Труднообъяснима ситуация с доходами бюджетов Приморского и Хабаровского краев; в Приморье собственные доходы возросли в 2023 году на 40 млрд руб., в Хабаровском крае – всего на 19,8 млрд руб., но трансфертные «потери» Хабаровского края в 2023 году оказались даже выше, чем у Приморья (11,7 и 11,6 млрд руб. соответственно). Вновь по итогам 2023 года оказался «обойден вниманием» Сахалин, где санкционные ограничения на развитие нефтегазового комплекса (Зубаревич, 2023) привели к снижению собственных доходов бюджета почти на 14 млрд руб., которые не были компенсированы федеральными трансфертами.

Подобная динамика соотношения трансфертных платежей и выпадающих собственных доходов региональных бюджетов подтверждает тезис о снижении прозрачности (транспарентности) системы оказания трансфертной помощи бюджетам регионов Дальнего Востока в турбулентный период. Ухудшение прозрачности выделения финансовой помощи снижает заинтересованность региональных правительств в наращивании собственной налоговой базы, стимулирует их иждивенческие устремления в части получения федеральных трансфертов и фактически формирует антистимулы к региональному развитию и активизации мер «прямого бюджетного регулирования».

Четвертой особенностью, свойственной региональному бюджетному процессу, является *динамика бюджетной обеспеченности дальневосточных субъектов РФ*.

Важность бюджетной обеспеченности региона¹⁰ определяется тем, насколько рационально между уровнями власти распределены обязанности и потребные для их выполнения ресурсы. От эффективной организации процесса бюджетной обеспеченности зависят возможности государства по исполнению своих полномочий, а населения – получению бюджетных услуг.

В российской централизованной финансовой системе доходы региональных бюджетов формируются в зависимости от ежегодно устанавливаемых нормативов распределения федеральных налогов, а пополнение муниципальных бюджетов определяется ежегодными нормативами расщепления региональных налогов (Печенская-Полищук, 2020).

Величина разрыва бюджетной обеспеченности между 11 дальневосточными регионами до и после предоставления дотаций на выравнивание отражена в табл. 4.

Если в России на 1 января 2024 года разрыв бюджетной обеспеченности между 10 наиболее обеспеченными и 10 наименее

обеспеченными регионами составлял 6,1 раза, то механизм предоставления дотаций позволил сократить этот разрыв до 2,8 раза. При этом в топ-10 наименее и наиболее обеспеченных субъектов Федерации на протяжении всего анализируемого периода входили два дальневосточных субъекта. Камчатский край являлся в 2021–2023 гг. одним из арьергардных субъектов РФ (наименее бюджетно обеспеченных регионов), Сахалинская область входила в число авангардных (наиболее обеспеченных российских регионов).

Как видим, разрыв бюджетной обеспеченности между Сахалинской областью и Камчатским краем на начало 2024 года до выравнивания превышал 6 раз, но после выравнивания сократился в 2 раза (до 3,0), оставаясь в целом выше среднероссийских параметров.

Современная российская модель межбюджетных отношений ориентирована на централизацию налогово-бюджетных полномочий. Однако региональные правительства, в соответствии с имеющимися у них

Таблица 4. Уровень бюджетной обеспеченности до и после распределения дотаций (данные на начало текущего года)

Дальневосточный субъект	2022 год		2023 год		2024 год	
	до	после	до	после	до	после
Амурская область	0,871	0,918	0,937	0,973	0,945	0,953
Еврейская автономная область	0,530	0,659	0,536	0,682	0,549	0,694
Забайкальский край	0,584	0,710	0,584	0,705	0,601	0,720
Камчатский край	0,327	0,680	0,372	0,734	0,362	0,722
Магаданская область	0,658	0,752	0,777	0,874	0,767	0,848
Приморский край	0,766	0,820	0,816	0,869	0,870	0,900
Республика Бурятия	0,434	0,665	0,459	0,693	0,489	0,720
Республика Саха (Якутия)	0,470	0,629	0,554	0,716	0,575	0,734
Сахалинская область	1,715	1,715	1,698	1,698	2,170	2,170
Хабаровский край	0,768	0,817	0,843	0,893	0,854	0,895
Чукотский автономный округ	0,439	0,716	0,548	0,811	0,390	0,655

Составлено по: Бюджетная обеспеченность субъектов РФ. URL: budget.gov.ru

¹⁰ Минимальная бюджетная обеспеченность в России – это «минимально допустимая стоимость государственных или муниципальных услуг в денежном выражении, предоставляемых органами государственной власти или органами местного самоуправления в расчете на душу населения за счет средств соответствующих бюджетов» (См. Словарь финансовых терминов. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/minimalnaya-byudzhetnaya-obespechennost-20230629-0904>).

полномочиями, имеют в своем распоряжении сильно ограниченный набор легитимных инструментов для повышения уровня бюджетной обеспеченности муниципальных образований (Климанов и др., 2021).

Анализ особенностей функционирования механизма перераспределения общего объема дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности на фоне экономической турбулентности показывает, что наиболее рациональным вариантом в этих условиях может выступить эволюционный подход к совершенствованию методики распределения межбюджетных трансфертов регионам (Леонов, 2021). Подход должен ориентироваться на расширенный учет индивидуальных географических, климатических и социальных особенностей регионов, определяющих неравномерность размещения населения и степень транспортной доступности по территории.

Выводы

Фактически снижение доходов бюджетов в дальневосточных субъектах РФ в период влияния внешних шоков, связанных с пандемией коронавируса и санкционными ограничениями, удалось демпфировать, нарастив зависимость региональных бюджетов от федеральных трансфертов. В турбулентный период финансовая устойчивость дальневосточных субъектов РФ определялась передаваемыми им с федерального уровня межбюджетными трансфертами. Доля трансфертов из федерального бюджета, которая у дальневосточных субъектов РФ и в доковидные годы была выше среднего российского уровня, резко возросла в годы пандемии практически у всех регионов ДВ. В санкционный период удельный вес трансфертов в доходах дальневосточных региональных бюджетов продолжал оставаться значительно более высоким по сравнению со среднероссийскими показателями (в 2023 году доля трансфертов в доходах региональных консолидированных бюджетов дальневосточных субъектов РФ составила 29% против среднероссийского уровня 18%).

Период 2019–2023 гг. показал различие в структуре доходных источников и величине бюджетных доходов (как по субъектам Дальнего Востока, так и в сравнении со среднероссийскими трендами). Потенциал, инструменты и результат выхода дальневосточных субъектов Федерации из турбулентности, вызванной коронавирусной пандемией и шоками санкционных ограничений, имели различные предпосылки и разную скорость реакции региональных хозяйственных систем. Быстрее восстанавливались структуры доходов бюджетов у регионов обрабатывающей специализации. Специализирующиеся на добывающих отраслях регионы медленнее восстанавливали свою дошовую структуру доходов региональных бюджетов. При этом возросла рассинхронизация динамики межбюджетных трансфертов и собственных доходов региональных бюджетов. На протяжении всего периода турбулентности федеральному центру не удалось сформировать четких критериев оказания трансфертной помощи, а элементы «ручного управления» региональной бюджетной политикой резко возросли.

Непрозрачная трансфертная политика федерального центра, начавшая формироваться за годы турбулентности, фактически стимулирует не развитие макрорегиона, а территориальный лоббизм и стремление региональных правительств к получению необоснованных финансовых преференций от федерального центра. Выявленное снижение уровня транспарентности (прозрачности) межбюджетных отношений в макрорегионе, усилившееся в период 2022–2023 гг., может негативно влиять на заинтересованность региональных правительств в наращивании собственной налоговой базы, стимулировать их иждивенческие устремления в части бюджетного лоббизма, фактически формируя в макрорегионе антистимулы к ускорению регионального развития.

В условиях высокой турбулентности региональные органы власти имеют меньше возможностей бюджетного маневра

по сравнению с федеральными властями. Последнее предопределяет высокую значимость межбюджетных трансфертов и как формы финансовой поддержки региональных бюджетов со стороны вышестоящего уровня, и как инструмента повышения бюджетной обеспеченности дальневосточных регионов. Возникает потребность в совершенствовании методики распределения межбюджетных трансфертов, в ходе которой необходима организация дальнейшего максимального учета географических, климатических, социальных и других особенностей развития регионов. При этом эволюционный подход к совершенствованию

выравнивания бюджетной обеспеченности регионов представляется наиболее целесообразным.

Новизна исследования связана с рассмотрением вопросов формирования доходов бюджетов дальневосточных субъектов Федерации в условиях возрастающего давления внешних внеэкономических шоков, вызываемых пандемией коронавируса и санкционными ограничениями. Результаты исследования позволяют учитывать практико-ориентированные аспекты развития регионов в условиях экономической турбулентности, вызванной как пандемией коронавируса, так и санкционными ограничениями.

ЛИТЕРАТУРА

- Барбашова Н.Е. (2021) Создает ли методика межбюджетного выравнивания отрицательные стимулы для инфраструктурного развития регионов? // *Финансы: теория и практика*. № 25 (1). С. 22–34. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-1-22-34
- Веприкова Е.Б., Новицкий А.А., Шевченко И.А. (2022). Собственные доходы бюджетов в регионах Дальнего Востока: проблемы и возможности // *Власть и управление на Востоке России*. № 4 (101). С. 32–44. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-101-4-32-44
- Гулидов Р.В. (2021). К вопросу об оценке государственной политики по развитию Дальнего Востока России // *Пространственная экономика*. Т. 17. № 4. С. 143–167. DOI: 10.14530/se.2021.4.143-167
- Дерюгин А.Н. (2020). Региональные бюджеты в условиях кризиса // *Экономическое развитие России*. № 12. С. 74–77.
- Дерюгин А.Н., Арлашкин И.Ю., Прока К.А. (2016). Совершенствование системы распределения выравнивающих трансфертов в Российской Федерации. Москва. 70 с.
- Землянский Д.Ю., Климанов В.В. (2024). Исполнение консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации в 2023 году // *Финансы*. № 5. С. 24–32.
- Зубаревич Н.В. (2021). Влияние пандемии на социально-экономическое развитие и бюджеты регионов // *Вопросы теоретической экономики*. № 1 (10). С. 48–60. DOI: 10.24411/2587-7666-2021-10104
- Зубаревич Н.В., Землянский Д.Ю. (2023). Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации в 2022 году: основные тенденции // *Экономическое развитие России*. Т. 30. № 3. С. 47–55.
- Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. (2020). Регионы России в острой фазе коронавирусного кризиса: отличия от предыдущих экономических кризисов 2000-х // *Региональные исследования*. № 2 (68). С. 4–17. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-2-1
- Исаев А.Г., Прокапало О.М. (2023). Дальневосточная экономика в системе национального хозяйства // *Развитие больших социально-экономических систем: Дальневосточный макрорегион*. Хабаровск: Ин-т экон. иссл. ДВО РАН. Гл. 2.1. С. 59–70.
- Климанов В.В., Казакова С.М., Яговкина В.А. (2021). Инструменты межрегионального взаимодействия в системе государственного управления. // *Регионоведение*. Т. 29. № 2. С. 250–282. DOI: 10.15507/2413-1407.115.029.202102.250-282

- Климанов В.В., Михайлова А.А. (2023). Изменение бюджетных параметров в условиях турбулентности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. № 4. С. 62–69. DOI: 10.22394/2079-1690-2023-1-4-62-69.
- Кузнецова О.В. (2020). Уязвимость структуры региональных экономик в кризисных условиях // Федерализм. № 2. С. 20–38.
- Леонов С.Н. (2020). Проблемы бюджетной сферы дальневосточных субъектов Федерации // Проблемы развития территории. № 1 (105). С. 93–108. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.7
- Леонов С.Н. (2021). Проблемы выравнивания уровня бюджетной обеспеченности муниципальных образований и пути их решения // Регионалистика. Т. 8. № 4. С. 5–21. DOI: 10.14530/reg.2021.4.5
- Леонов С.Н. (2022a). Проблемы формирования финансовой базы дальневосточных регионов в условиях пандемии // Социально-экономическая динамика на Дальнем Востоке России: устойчивые тренды и новые вызовы: сб. статей / отв. ред. П.А. Минакир. Хабаровск: Ин-т экон. иссл. ДО РАН. С. 180–197.
- Леонов С.Н. (2022b). Формирование доходов бюджетов дальневосточных субъектов Федерации в условиях пандемии коронавируса // Проблемы социально-экономического развития Сибири. № 4 (50). С. 55–60. DOI: 10.18324/2224-1833-2022-4-55-60
- Лола И.С. (2020). Рискоустойчивость организаций реального сектора экономики и сферы услуг в условиях пандемии COVID-19 // Экономические и социальные последствия коронавируса в России и в мире. Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ. № 8. С. 15–24. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/435321841.pdf>
- Мильчаков М.В. (2020). Реализация национальных проектов в регионах в условиях противодействия коронавирусной инфекции // Финансовый журнал. Т. 12. № 3. С. 28–47. DOI: 10.31107/2075-1990-2020-3-28-47
- Печенская-Полищук М.А. (2020). Инструменты и принципы перераспределения бюджетных ресурсов в регионе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 2. С. 71–88. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.5
- Тимушев Е.Н. (2022). О распределении бюджетных полномочий и ресурсов в бюджетной системе Российской Федерации // Финансы. № 10. С. 3–12.
- Чернявский А. (2021). Бюджет. COVID в регионах // Комментарии о государстве и бизнесе. № 345. Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/392007105.pdf>
- Kornai J. (1986). The soft budget constraint. *KYKLOS*, 39 (1), 3–30. Available at: <http://www.kornai-janos.hu/Kornai1986%20The%20Soft%20budget%20Constraint%20-%20Kyklos.pdf>
- Pokrovskaja N.V., Belov A.V. (2020). Tax revenues of local budgets in unitary states: a case study of Japan. *Journal of Tax Reform*, 6 (1), 73–89. DOI: 10.15826/jtr.2020.6.1.076
- Prosser M.C., Williams P.D., Marlton G.J., Harrison R.G. (2023). Evidence for large increases in clear-air turbulence over the past four decades. *Geophysical Research Letters*, 50, e2023GL103814. URL: <https://agupubs.onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1029/2023GL103814>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Николаевич Леонов – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН (Российская Федерация, 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: leonov@ecrin.ru)

Leonov S.N.

TRENDS AND FACTORS CONCERNING FORMATION OF BUDGET REVENUES OF THE FAR EASTERN CONSTITUENT ENTITIES OF THE FEDERATION UNDER CONDITIONS OF TURBULENCE

The budgetary policy of all levels of government in Russia is currently being implemented in conditions of strong turbulence, facing the need to respond to the shock challenges of the new reality. The article uses general scientific research methods to analyze the comparative analysis of the peculiarities of consolidated budget revenues formation in the Far Eastern constituent entities of the Federation. We consider the experience of formation of own revenues of regional budgets in the conditions of external shocks for the region, analyze the state of fiscal capacity of the regions. We show that the stability of the revenue part of regional budgets of the macro-region was ensured by stable receipts of profit (income) and property taxes. The degree of dependence of the budgets of the Far Eastern regions on federal transfers, which exceeded the Russian average in the pre-crisis years, increased strongly during the pandemic and remained high during the period of sanctions restrictions. The dis-synchronization of the dynamics of own budget revenues and inter-budget transfers in the regions of the Far East has intensified. We revealed the change in the level of transparency of intergovernmental fiscal relations in the macro-region during the crisis period. The article presents that the speed of recovery of the Far Eastern regions' budgets from the financial crisis caused by the coronavirus epidemic and sanctions restrictions depends on the regions' specialization. Regions specializing in manufacturing industries recover budgetary proportions faster than regions specializing in extractive industries. We conclude that it is necessary to improve the system of selective assistance to budgets in the form of subsidies, which will more adequately compensate for the revenues under-received by regional budgets in conditions of high probability of reduction in the revenue base of regional budgets.

Regional budget policy, consolidated budget revenues, budget responses in the crisis, challenges of the new reality, constituent entities of the Federation, the Far East.

REFERENCES

- Barbashova N.E. (2021) Does intergovernmental equalization create disincentives for regional infrastructural development? *Finansy: teoriya i praktika=Finance: Theory and Practice*, 25(1), 22–34. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-1-22-34 (in Russian).
- Chernyavskii A. (2021). Budget. COVID in the regions. In: *Kommentarii o gosudarstve i biznese. No. 345* [Commentary on Government and Business, 345]. Institute “Development Center” of the National Research University Higher School of Economics. Available at: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/392007105.pdf> (in Russian).
- Deryugin A.N. (2020). Regions' budgets in the wake of the crisis. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii=Russian Economic Development*, 12, 74–77 (in Russian).
- Deryugin A.N., Arlashkin I.Yu., Proka K.A. (2016). *Sovershenstvovanie sistemy raspredeleniya vyravnivayushchikh transfertov v Rossiiskoi Federatsii* [Improvement of the System of Distribution of Equalizing Transfers in the Russian Federation]. Moscow.
- Gulidov R.V. (2021). On the matter of appraisal of public policy towards the development of the Russian Far East. *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economics*, 17(4), 143–167. DOI: 10.14530/se.2021.4.143-167 (in Russian).

- Isaev A.G., Prokapalo O.M. (2023). Far Eastern economy in the system of national economy. In: *Razvitie bol'shikh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem: Dal'nevostochnyi makroregion. Gl. 2.1* [Development of Large Socio-Economic Systems: Far Eastern Macro-Region. Chapter 2.1]. Khabarovsk: In-t ekon. issl. DVO RAN (in Russian).
- Klimanov V.V., Kazakova S.M., Yagovkina V.A. (2021). Tools of interregional cooperation in the public administration system. *Regionologiya=Russian Journal of Regional Studies*, 29(2), 250–282. DOI: 10.15507/2413-1407.115.029.202102.250-282 (in Russian).
- Klimanov V.V., Mikhailova A.A. (2023). Changing budget parameters in conditions of turbulence. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski=State and Municipal Management. Scholar Notes*, 4, 62–69. DOI: 10.22394/2079-1690-2023-1-4-62-69 (in Russian).
- Kornai J. (1986). The soft budget constraint. *KYKLOS*, 39(1), 3–30. Available at: <http://www.kornai-janos.hu/Kornai1986%20The%20Soft%20budget%20Constraint%20-%20Kyklos.pdf>
- Kuznetsova O.V. (2020). Vulnerability of regional economies' structure in crisis conditions. *Federalizm=Federalism*, 2, 20–38 (in Russian).
- Leonov S.N. (2020). Problems of budgetary sphere of the Far Eastern constituent entities of the Federation. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 1(105), 93–108. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.7 (in Russian).
- Leonov S.N. (2021). Problems of equalization the level of budget security of municipalities and ways to solve them. *Regionalistika*, 8(4), 5–21. DOI: 10.14530/reg.2021.4.5 (in Russian).
- Leonov S.N. (2022a). Problems of forming the financial base of the Far Eastern regions in the conditions of pandemics. In: *Sotsial'no-ekonomicheskaya dinamika na Dal'nem Vostoke Rossii: ustoichivye trendy i novye vyzovy: sb. statei* [Socio-economic Dynamics in the Russian Far East: Sustainable Trends and New Challenges: Collection of Articles]. Khabarovsk: In-t ekon. issl. DO RAN (in Russian).
- Leonov S.N. (2022b). Formation of budget revenues of the Far Eastern subjects of the Federation in the conditions of the coronavirus pandemic. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*, 4(50), 55–60. DOI: 10.18324/2224-1833-2022-4-55-60 (in Russian).
- Lola I.S. (2020). Risk resilience of organizations of the real sector of economy and services in the conditions of COVID-19 pandemic. *Ekonomicheskie i sotsial'nye posledstviya koronavirusa v Rossii i v mire. Analiticheskii byulleten' NIU VShE*, 8, 15–24. Available at: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/435321841.pdf> (in Russian).
- Milchakov M.V. (2020). Execution of national projects in regions under the conditions of countering the Coronavirus pandemic. *Finansovyi zhurnal*, 12(3), 28–47. DOI: 10.31107/2075-1990-2020-3-28-47 (in Russian).
- Pechenskaya-Polishchuk M.A. (2020). Instruments and principles of reallocation budgetary resources in the region. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 13(2), 71–88. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.5 (in Russian).
- Pokrovskaya N.V., Belov A.V. (2020). Tax revenues of local budgets in unitary states: A case study of Japan. *Journal of Tax Reform*, 6(1), 73–89. DOI: 10.15826/jtr.2020.6.1.076
- Prosser M.C., Williams P.D., Marlton G.J., Harrison R.G. (2023). Evidence for large increases in clear-air turbulence over the past four decades. *Geophysical Research Letters*, 50, e2023GL103814. Available at: <https://agupubs.onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1029/2023GL103814>
- Timushev E.N. (2022). On the distribution of budgetary powers and resources in the budgetary system of the Russian Federation. *Finansy*, 10, 3–12 (in Russian).
- Veprikova E.B., Novitskii A.A., Shevchenko I.A. (2022). Budget revenues in the regions of the Russian Far East: Issues and opportunities. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii=Power and Administration in the East of Russia*, 4(101), 32–44. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-101-4-32-44 (in Russian).

- Zemlyanskii D.Yu., Klimanov V.V. (2024). Execution of consolidated budgets of the constituent entities of the Russian Federation in 2023. *Finansy*, 5, 24–32 (in Russian).
- Zubarevich N.V. (2021). Impact of the pandemic on socio-economic development and regional budgets. *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki*, 1(10), 48–60. DOI: 10.24411/2587-7666-2021-10104 (in Russian).
- Zubarevich N.V., Safronov S.G. (2020). Regions of Russia in the acute phase of the Covid crisis: Differences from previous economic crises of the 2000s. *Regional'nye issledovaniya*, 2(68), 4–17. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-2-1 (in Russian).
- Zubarevich N.V., Zemlyanskii D.Yu. (2023). Consolidated budgets of the constituent entities of the Russian Federation in 2022: Main trends. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*, 30(3), 47–55 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey N. Leonov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Leading Researcher, Economic Research Institute of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: leonov@ecrin.ru)

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

DOI: 10.15838/ptd.2025.1.135.5

УДК 332.146.2 | ББК 65.04

© Пьянкова С.Г., Ергунова О.Т.

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ ПОД ВЛИЯНИЕМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРУПНЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМПАНИЙ В РОССИИ

СВЕТЛАНА ГРИГОРЬЕВНА ПЬЯНКОВА

Уральский государственный экономический университет

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: silen_06@list.ru

ORCID: 0000-0002-7072-9871; ResearcherID: H-5682-2018

ОЛЬГА ТИТОВНА ЕРГУНОВА

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: ergunova-olga@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1714-7784; ResearcherID: E 8582-2017

Развитие городов под влиянием крупных промышленных компаний в России представляет собой одну из ключевых тенденций современной урбанистики. В условиях роста экономических и экологических вызовов, а также глобального перехода к принципам устойчивого развития (ESG-трансформация) необходимость изучения механизмов и последствий взаимодействия бизнеса и городской среды становится особенно актуальной. Крупные промышленные компании играют значительную роль в модернизации городской инфраструктуры, создании рабочих мест, повышении уровня жизни населения, а также в решении экологических проблем. Однако влияние таких компаний на развитие городов остается неоднородным и требует глубокого научного анализа. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки эффективных стратегий городского развития, основанных на учете социально-экономического и экологического влияния крупного бизнеса. Традиционные подходы к классификации и управлению городами, базирующиеся преимущественно на географических или административных критериях, не

Для цитирования: Пьянкова С.Г., Ергунова О.Т. (2025). Специфика развития городов под влиянием деятельности крупных промышленных компаний в России // Проблемы развития территории. Т. 29. № 1. С. 57–72. DOI: 10.15838/ptd.2025.1.135.5

For citation: Pyankova S.G., Ergunova O.T. (2025). The specifics of urban development influenced by the activities of large industrial companies in Russia. *Problems of Territory's Development*, 29 (1), 57–72. DOI: 10.15838/ptd.2025.1.135.5

учитывают современные вызовы и возможности, связанные с технологической зрелостью промышленности, социальной активностью бизнеса и экологической трансформацией. Гипотеза исследования заключается в том, что деятельность крупных компаний значительно влияет на развитие городов в России, способствуя их ускоренной трансформации. Цель исследования – анализ влияния крупных промышленных компаний на социальное, экономическое и экологическое развитие городов, а также разработка методического подхода к прогнозированию изменений в городской среде. С помощью новой методологии группировки городов, включающей параметры технологической зрелости, социальной активности бизнеса и вовлеченности в экологическую трансформацию, были проанализированы основные тенденции. Применение регрессионного анализа позволило выявить ключевые зависимости между факторами развития и спрогнозировать будущие изменения. Представлены примеры успешных трансформаций в крупных городах и предложены стратегии поддержки для городов с низким уровнем развития. Практическая значимость исследования заключается в разработке новой методологии группировки городов и прогнозирования их развития. Результаты могут быть использованы органами власти и бизнесом для принятия управленческих решений, направленных на улучшение ситуации в городах.

Город, бизнес, устойчивое развитие, территориальное развитие, муниципальное образование, экономический рост, территория.

Введение

В последние годы социальное инвестирование бизнеса в развитие территорий стало ключевым фактором экономического и социального роста в России. Как показали данные Росстата за 2023 год, более 75% населения России проживает в городах, уровень урбанизации продолжает расти, что требует активного участия бизнеса в поддержке городской инфраструктуры¹. Важность социального инвестирования особенно заметна в промышленных регионах, где крупные компании, такие как «Газпром», «Норникель» и «ММК», играют решающую роль в создании благоприятных условий для привлечения и удержания трудовых ресурсов.

Теория устойчивого развития подчеркивает важность баланса между экономическим ростом и экологической устойчивостью, что подтверждается данными исследований McKinsey & Company, где прогнозировалось, что к концу 2024 года более 70% городских процессов будут управляться с использованием цифровых технологий². Это подчеркивает важность внедрения

цифровых решений и «умных городов», где социальное инвестирование бизнеса направлено на создание экологически чистых технологий и модернизацию городской инфраструктуры. Примером успешного социального инвестирования выступает проект «Чистый Норильск», реализованный компанией «Норникель». Снижение выбросов и улучшение экологической ситуации в Норильске, согласно данным компании, позволили уменьшить загрязнение воздуха на 40% к 2022 году³. Этот проект является частью долгосрочной стратегии компании, направленной на создание устойчивой городской среды.

Социальное инвестирование бизнеса – ключевой элемент территориального развития городов в России. Компании, такие как «Норникель» и «Газпром», активно вкладывают средства в экологические проекты, улучшение социальной инфраструктуры и создание рабочих мест, значительно повышая конкурентоспособность регионов. Прогнозы показывают, что продолжение

¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>.

² Smart cities: Digital solutions for a more livable future (2023). McKinsey & Company. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/operations/our-insights/smart-cities-digital-solutions-for-a-more-livable-future>

³ Бизнес и территории: новый этап отношений (2021) // Центр социального проектирования «Платформа». Москва. URL: <https://pltf.ru/2021/03/10/biznes-i-territorii-novyy-etap-otnoshenij>

инвестирования в социальную и экологическую сферу будет способствовать устойчивому росту и улучшению качества жизни в российских городах в долгосрочной перспективе.

Таким образом, социальное инвестирование бизнеса оказывает значительное влияние на развитие территорий, при этом уровень инвестиций в инфраструктуру, экологию и социальную сферу прямо влияет на улучшение качества жизни и конкурентоспособность регионов. Важность долгосрочных стратегий, направленных на создание «умных городов», станет ключом к успешной трансформации городской среды в будущем.

Настоящее исследование предоставляет возможность выявить ключевые зависимости между деятельностью крупных промышленных компаний и развитием городов, а также определить эффективные подходы для ускорения трансформации городов в России. Цель исследования – анализ влияния крупных промышленных компаний на социальное, экономическое и экологическое развитие городов России и разработка методического подхода к прогнозированию изменений в городской среде.

Для достижения цели поставлены следующие задачи: проанализировать основные тенденции влияния крупных промышленных компаний на развитие российских городов; разработать методологию группировки городов на основе трех ключевых параметров: технологическая зрелость, социальная активность бизнеса и степень экологической трансформации; применить регрессионный анализ для выявления зависимости между этими параметрами и ключевыми показателями развития городов; предложить стратегии ускорения трансформации для городов с низким уровнем развития.

Обзор литературы

Территориальное развитие городов представляет собой комплексный процесс, включающий социальные, экономические, экологические и инфраструктурные аспекты. В последние годы внимание уделяется роли бизнеса в развитии городов, что про-

является через инвестиции, создание рабочих мест, внедрение технологий и устойчивое развитие. Научные исследования показывают разнообразные подходы к этой теме, учитывая как экономические, так и социальные последствия влияния бизнеса на развитие городских территорий.

В табл. 1 дано описание подходов к территориальному развитию городов. Каждый из них раскрывает ключевые аспекты, которые учитывались при разработке параметров предложенной нами методологии: технологическая зрелость, роль бизнеса в социальной и экономической жизни, степень экологической трансформации. Рассмотрим, как эти подходы интегрируются в разработку и обоснование методологии.

Системный подход подчеркивает необходимость анализа города как сложной системы, где взаимодействуют экономические, социальные и экологические элементы. Это нашло отражение в учете трех параметров методологии: технологическая зрелость включает уровень автоматизации и инноваций, что отражает состояние экономической подсистемы. Роль бизнеса фокусируется на социальных аспектах, таких как инвестиции в инфраструктуру и участие в социальных проектах. Экологическая трансформация анализирует экологическую подсистему через модернизацию производств и экологические инициативы. Такой подход позволяет учитывать взаимозависимость этих элементов для построения комплексного прогноза развития.

Институциональный подход делает акцент на нормативной базе и партнерстве бизнеса и государства. Влияние этого подхода проявляется в параметре роли бизнеса, где учитываются социальные инвестиции, государственно-частное партнерство (ГЧП) и участие в решении городских проблем.

Эволюционный подход рассматривает развитие городов как адаптивный процесс, базирующийся на изменениях в экономике и технологиях. Он обосновывает учет технологической зрелости в методологии, поскольку именно технологическая модернизация определяет способность города к адаптации.

Таблица 1. Подходы к территориальному развитию городов

Теоретический подход	Основные характеристики	Примеры применения	Примеры в странах	Авторы
Неоклассический	Подразумевает развитие через свободный рынок, инвестиции в инфраструктуру и использование ресурсов для максимальной эффективности	Создание свободных экономических зон для привлечения бизнеса и инвестиций	Китай: создание специальных экономических зон, привлечение транснациональных корпораций	Samuelson P.A., Nordhaus W.D., Marshall A.
Институциональный	Оценивает роль институтов и нормативных структур в территориальном развитии, акцент на взаимодействии бизнеса и государства	Государственно-частное партнерство (ГЧП) для развития инфраструктуры	Россия: государственно-частное партнерство для модернизации городской инфраструктуры	North D.C., Holcombe R.G.
Маркетинговый	Упор на создание положительного имиджа города и продвижение его как товара на рынке для привлечения инвесторов и жителей	Рекламные кампании городов для привлечения туристов и инвесторов	Испания: продвижение городов как туристических и бизнес-центров через маркетинговые стратегии	Kotler P., Haider D.H., Rein I.
Сетевой	Подразумевает развитие через создание сетей и связей между участниками: государством, бизнесом и общественностью	Формирование кластера IT-компаний для взаимодействия с образовательными учреждениями	Сингапур: создание технологических и инновационных кластеров для привлечения IT-компаний	Castells M., Latour B.
Системный	Рассматривает город как сложную систему, развитие которой зависит от взаимодействия всех ее элементов: экономических, социальных, экологических	Комплексные программы устойчивого развития, включающие экономические и экологические инициативы	Швеция: программы устойчивого развития с акцентом на экологические и энергетические проекты	Bertalanffy L.
Эволюционный	Рассматривает развитие города как поэтапный процесс, адаптированный к изменениям в экономике и технологиях	Эволюционное развитие Лондона и Нью-Йорка через индустриализацию и информационные технологии	Лондон, Нью-Йорк: долгосрочное адаптивное развитие городов	Winter S.G., Nelson R.R., Mansfield E.
Регионалистский	Город рассматривается как часть более широкой региональной системы, важны связи с другими населенными пунктами	Создание агломераций, таких как «Большой Париж», с взаимодействием между городом и регионами	Франция: взаимодействие Парижа с пригородами для создания агломераций	Gottmann J.
Гуманистический	Фокус на социальные аспекты: улучшение качества жизни, создание общественных пространств и развитие социальной инфраструктуры	Развитие городов Скандинавии с упором на доступное жилье и экологические пространства	Норвегия, Швеция: инвестиции в качество жизни и развитие общественных пространств	Mumford L.
Креативный	Использование креативных и культурных ресурсов города для его экономического роста и улучшения эстетики	Барселона и Берлин как культурные и креативные центры с активным развитием творческих индустрий	Испания, Германия: города – креативные центры, развивающие индустрию искусства и культуры	Florida R.

Составлено по: (Marshall, 1920; Mansfield, 1961; Mumford, 1961; Gottmann, 1964; Bertalanffy, 1968; Winter, Nelson, 1982; North, 1990; Kotler et al., 1993; Castells, 2000; Florida, 2003; Latour, 2005; Samuelson, Nordhaus, 2009; Holcombe, 2018).

Гуманистический и экологический подходы влияют на параметр экологической трансформации, так как оба фокусируются на улучшении качества жизни и снижении экологического воздействия. Эти подходы поддерживают выбор экологических критериев как одного из ключевых факторов при группировке городов.

Устойчивое развитие городов включает инициативы по модернизации инфраструктуры, улучшению экологической обстановки и внедрению инноваций для сокращения негативного влияния на окружающую среду (Geels, 2018). В рамках территориального развития важную роль играют так называемые «умные города», концепция которых получила широкое распространение с середины 2010-х гг. (Ahmed et al., 2020; Duygan et al., 2022). Важным элементом цифровой трансформации является создание систем управления городами на основе больших данных и Интернета вещей (Митрофанова и др., 2020).

В европейской научной литературе ключевым акцентом в вопросах территориального развития с 2015 года стала тема устойчивого развития городов, где бизнес играет важную роль в формировании «зеленой экономики» и инновационной городской инфраструктуры (Rekers, 1929; Acs, Armington, 2004). Многие авторы подчеркивают значимость частных инвестиций в проекты по улучшению экологической обстановки в городах через инновационные технологии, такие как умные города, которые активно поддерживаются крупным бизнесом (Rodrigues et al., 2024).

В исследованиях (Smith, 2018; Romanelli, 2021) рассматриваются программы государственно-частного партнерства как важные механизмы территориального развития, обеспечивающие более эффективное использование ресурсов и снижение бюджетных нагрузок на города. Указывается, что бизнес способствует развитию устойчивой городской инфраструктуры через энергоэффективные технологии и инновационные транспортные системы.

В Азии, в отличие от Европы, основное внимание в научной литературе уделяется быстрому росту городов и их территориальному расширению благодаря бизнесу. Китай и Индия, как лидеры в урбанизации, стали предметом многочисленных исследований. Например подчеркивается, что китайские мегаполисы, такие как Шанхай и Пекин, выросли за счет значительных инвестиций крупных корпораций и создания благоприятных условий для развития частного бизнеса (Liu et al., 2021).

S. Majumder и соавторы показывают, что в Индии частный сектор активно участвует в разработке планов расширения городов, особенно через создание специальных экономических зон, что способствует привлечению иностранных инвестиций и развитию городской инфраструктуры (Majumder et al., 2023). А.К. Sharma, S. Jain приводят примеры взаимодействия бизнеса с государственными структурами для поддержки социально-экономических инициатив, направленных на улучшение жилищных условий и транспортной доступности в городах (Sharma, Jain, 2020).

Научные исследования в России подтверждают значительное влияние бизнеса на территориальное развитие городов. Например, отмечается, что российские города, такие как Москва и Санкт-Петербург, активно развиваются благодаря частным инвестициям в инфраструктуру, торговлю и инновационные проекты (Филиппова, Фролова, 2015; Сапожникова, 2017; Насибуллин, 2023).

Таким образом, результаты анализа научной литературы по территориальному развитию городов свидетельствуют, что бизнес выступает важным драйвером развития, обеспечивая города необходимыми ресурсами для инноваций, модернизации инфраструктуры и устойчивого роста. В частности, С.Г. Пьянкова на примере монопрофильных территорий представила критерии классификации городов (Пьянкова, 2012) и концептуальную модель нивелирования институциональных провалов дан-

ных территорий (Пьянкова, 2014), включающую специфику их формирования и деятельность градообразующего предприятия.

В нашем исследовании методический подход к группировке городов и регионов России основывается на трех ключевых параметрах: технологическая зрелость промышленности, роль бизнеса в социальной и экономической жизни и степень вовлеченности в экологическую трансформацию. Он позволяет классифицировать города в зависимости от их особенностей, потенциала и приоритетов развития.

Материалы и методы

Для анализа использовались данные о промышленной структуре городов, инвестициях в технологии, социальных инициативах бизнеса, а также экологических программах. Основными источниками информации выступили данные Федеральной службы государственной статистики РФ, отчеты компаний о корпоративной социальной ответственности, результаты исследований и проектов по территориальному развитию.

Методический подход предполагает следующие этапы.

1. Сбор данных и предварительный анализ: уровень автоматизации и цифровизации производств; социальные проекты бизнеса: строительство инфраструктуры, участие в ГЧП; экологические инициативы: снижение выбросов, создание зеленых зон.

2. Определение критериев и индикаторов.

Технологическая зрелость: доля инновационных технологий, уровень автоматизации, наличие R&D-центров. Пороговые значения: высокая зрелость (например, Москва, Санкт-Петербург) – более 60% автоматизации; средняя зрелость (например, Екатеринбург, Челябинск) – 30–60%; низкая зрелость (например, Нижний Тагил) – менее 30%.

Роль бизнеса: объем социальных инвестиций, количество объектов инфраструктуры, реализованных через ГЧП. Пороговые

значения: интенсивная роль – активное участие в крупных инициативах; умеренная роль – выборочные проекты; низкая роль – минимальное участие.

Экологическая трансформация: количество экологических проектов, доля модернизированных предприятий. Пороговые значения: лидеры экотрансформации – реализация крупных программ (например, Норильск); начинающие – запуск первых инициатив (например, Челябинск); низкая вовлеченность – отсутствие экологических программ.

3. Классификация городов: каждому городу присваиваются баллы по каждому из трех параметров. На основе суммы баллов выделяются группы городов: инновационные лидеры, промышленные центры, города с традиционной промышленностью и др.

4. Анализ результатов и рекомендации: выявление городов, требующих приоритетной поддержки для модернизации и трансформации, разработка рекомендаций по усилению роли бизнеса в социальной и экологической сферах.

Предложенный методический подход обеспечивает системное видение состояния и перспектив развития городов, позволяя использовать результаты для разработки управленческих решений и стратегий устойчивого развития.

Для выполнения прогноза развития городов под влиянием деятельности крупных промышленных компаний с учетом предложенной методологии группировки необходимо использовать регрессионный анализ в целях выявления зависимости ключевых показателей городов (например, роста ВРП, занятости, экологических показателей и социальных инвестиций) от таких факторов, как технологическая зрелость, участие бизнеса в социальной жизни и экологическая трансформация.

Для проведения регрессионного анализа использованы статистические данные по городам⁴, включая экономические, социальные и экологические показатели, а также данные о крупных промышленных компа-

⁴ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 07.09.2024).

ниях, влияющих на развитие этих городов. Показатели, которые были использованы: рост ВРП или промышленного производства, уровень занятости и безработицы, социальные инвестиции бизнеса, уровень загрязнения окружающей среды, инвестиции в инновации и модернизацию.

Построение модели регрессионного анализа выполнено по формуле:

$$Y = \beta_0 + \beta_1 X_1 + \beta_2 X_2 + \beta_3 X_3 + \epsilon$$

$$Y = \beta_0 + \beta_1 X_1 + \beta_2 X_2 + \beta_3 X_3 + \epsilon$$

где:

Y – зависимая переменная (например, рост ВРП города, уровень занятости, снижение выбросов загрязняющих веществ);

X_1 – технологическая зрелость (категориальная переменная);

X_2 – степень участия бизнеса в социальной жизни;

X_3 – уровень экологической трансформации;

ϵ – ошибка модели.

С помощью модели регрессионного анализа можно предсказать, как изменение одного из факторов (например, увеличение технологической зрелости или активизация бизнеса в социальной сфере) скажется на развитии города в будущем.

При прогнозировании ВРП города на основе трех переменных: технологическая зрелость (X_1), социальные инвестиции (X_2) и экологическая трансформация (X_3), модель выглядит следующим образом:

$$\text{ВРП} = \beta_0 + \beta_1 \times \text{Технологическая зрелость} + \beta_2 \times \text{Социальные инвестиции} + \beta_3 \times \text{Экологическая трансформация} + \epsilon$$

$$\text{ВРП} = \beta_0 + \beta_1 \times \text{Технологическая зрелость} + \beta_2 \times \text{Социальные инвестиции} + \beta_3 \times \text{Экологическая трансформация} + \epsilon$$

После построения модели на основе исторических данных можно предсказать ВРП для города, изменяя значения независимых переменных (например, увеличивая социальные инвестиции бизнеса на определенный процент).

Для инновационных городов-лидеров (Москва, Санкт-Петербург) выбраны текущие показатели: высокая технологическая зрелость, интенсивное участие бизнеса в социальных проектах, высокая экологическая трансформация. В ближайшие 5 лет эти города продолжают демонстрировать стабильно высокий рост ВРП, порядка 4–6% в год, благодаря продолжению инвестирования в инновации и усилению программ экологической модернизации. Уровень безработицы останется на низком уровне (около 3,5–4%) благодаря росту числа высокотехнологических рабочих мест.

Для модернизируемых индустриальных центров (Екатеринбург, Челябинск) текущими показателями стали средняя технологическая зрелость, умеренное участие бизнеса в социальной сфере, начальные этапы экологической трансформации. Ожидается рост ВРП на уровне 3–4% в год при условии увеличения социальных инвестиций и модернизации производственных мощностей. Экологическая трансформация начнет давать плоды, снижая выбросы загрязняющих веществ на 10–15%, в течение 5 лет.

Результаты и обсуждение

На основе собранных данных города распределяются по трем описанным выше параметрам (табл. 2). Каждому городу присваивается балл по каждому из параметров: технологическая зрелость, социальная активность бизнеса, вовлеченность в экологическую трансформацию.

После классификации городов можно проанализировать, какие из них нуждаются в приоритетной поддержке для ускорения трансформации. В городах с низкой технологической зрелостью и слабой ролью бизнеса необходимо разработать дополнительные стратегии привлечения инвестиций и стимулирования модернизации. Лидеры по экологической трансформации могут стать

Таблица 2. Группировка городов в зависимости от их промышленной структуры, социальной активности бизнеса и экологических инициатив

Группа городов	Примеры городов	Уровень технологической зрелости промышленности	Роль бизнеса в социальной и экономической жизни	Степень вовлеченности в экологическую трансформацию	Описание трансформации
Инновационные города-лидеры	Москва, Санкт-Петербург	Высокая (инновационные технологии, цифровизация)	Интенсивная (значительная поддержка социальных проектов, ГЧП)	Лидеры экотрансформации (зеленые технологии)	Активная поддержка инноваций, развитие инфраструктуры, экологические программы
Модернизируемые индустриальные центры	Екатеринбург, Челябинск	Средняя (модернизация промышленного производства)	Умеренная (участие в крупных проектах)	Начинающие (программы по сокращению выбросов)	Модернизация промышленных предприятий, улучшение городской среды
Города традиционной промышленности	Нижний Тагил, Липецк	Низкая (традиционные производственные мощности)	Низкая (ограниченное участие бизнеса в социальных инициативах)	Низкая (начало экологических программ)	Основное внимание поддержке производства и улучшению экологии
Города с развивающимся экотенциалом	Тобольск, Норильск	Высокая (инновации в нефтехимии)	Интенсивная (активные социальные программы)	Лидеры экотрансформации (модернизация с упором на экологию)	Инновации в экологии и нефтехимической промышленности, социальные проекты
Перспективные города с низкой трансформацией	Омск, Новотроицк	Низкая (промышленность устарела, необходима модернизация)	Умеренная (частичное участие бизнеса)	Начинающие (первые экологические инициативы)	Необходимы модернизация производства и улучшение городской среды

Составлено по: Бизнес и территории. Новый этап отношений (2024) / Центр социального проектирования «Платформа». Москва. URL: <https://pltf.ru/2021/03/10/biznes-i-territorii-novyj-etap-otnoshenij>

образцом для внедрения лучших практик в других регионах.

В табл. 3 города сгруппированы с учетом уровня технологической зрелости, роли бизнеса и степени экологической трансформации.

Таким образом, представленная методология позволяет глубже понять специфику трансформации городов, основываясь на трех ключевых факторах: уровень технологического развития, социальная активность бизнеса и экологическая трансформация. Это структурированный подход для эффективного управления городами и регионами, что дает возможность разрабатывать долгосрочные стратегии их устойчивого развития.

В табл. 4 представлен прогноз развития городов.

Использование регрессионного анализа для прогнозирования развития городов под влиянием крупных промышленных компаний позволяет выделить ключевые зависимости между технологическим развитием, участием бизнеса и экологическими программами. Это дает возможность предсказать, какие города будут демонстрировать наиболее высокий экономический рост и улучшение социальной среды в ближайшие годы.

В табл. 5 представлен прогноз по технологической зрелости промышленности в группах городов к 2035 году.

Таблица 3. Группировка городов с учетом уровня технологической зрелости, роли бизнеса и степени экологической трансформации

Группа городов	Примеры городов	Уровень технологической зрелости	Роль бизнеса	Степень экологической трансформации	Описание
Инновационные города-лидеры	Москва, Санкт-Петербург	Высокая	Интенсивная	Лидеры экотрансформации	Активное развитие инноваций и экологии
Модернизируемые индустриальные центры	Екатеринбург, Челябинск	Средняя	Умеренная	Начинающие	Промышленная модернизация
Города традиционной промышленности	Нижний Тагил, Липецк	Низкая	Низкая	Низкая	Устаревшие промышленные мощности
Города с развивающимся экотенциалом	Норильск, Тобольск	Высокая	Интенсивная	Лидеры экотрансформации	Модернизация с акцентом на экологию
Перспективные города с низкой трансформацией	Омск, Новотроицк	Низкая	Умеренная	Начинающие	Старт экологических инициатив

Источник: составлено авторами.

Таблица 4. Прогноз развития городов, %

Группа городов	Примеры городов	Прогнозируемый рост ВРП	Прогнозируемое снижение уровня безработицы	Прогнозируемое снижение загрязнений
Инновационные города-лидеры	Москва, Санкт-Петербург	4–6	3,5–4	20
Модернизируемые индустриальные центры	Екатеринбург, Челябинск	3–4	4,5–5	10–15
Города традиционной промышленности	Нижний Тагил, Липецк	2–3	6–7	5–8
Города с развивающимся экотенциалом	Норильск, Тобольск	4–5	4	20–25
Перспективные города с низкой трансформацией	Омск, Новотроицк	1,5–2,5	7–8	5

Источник: составлено авторами.

Таблица 5. Прогноз по технологической зрелости промышленности к 2035 году

Группа городов	Прогноз автоматизации к 2035 году, %	Качественная оценка зрелости
Инновационные города-лидеры	90–95	Максимальная автоматизация, активное использование искусственного интеллекта и R&D-центров
Модернизируемые индустриальные центры	70–80	Значительная модернизация производств, внедрение цифровых технологий
Города традиционной промышленности	50–60	Частичная модернизация, внедрение базовых автоматизированных процессов
Города с развивающимся экотенциалом	85–90	Интенсивное развитие технологической базы, модернизация нефтехимических и IT-сегментов
Перспективные города с низкой трансформацией	40–50	Постепенный переход на современные технологии, требуется государственная поддержка

Источник: составлено авторами.

Инновационные города-лидеры достигнут практически полного уровня автоматизации, что позволит им быть конкурентоспособными на международном уровне. Модернизируемые индустриальные центры станут новыми технологическими хабами благодаря внедрению цифровых платформ. Города традиционной промышленности сохранят низкий темп внедрения инноваций, что потребует дополнительных усилий. Перспективные города с низкой трансформацией смогут улучшить показатели только при целевых государственных инвестициях.

В табл. 6 представлен прогноз по роли бизнеса в социальной и экономической жизни городов к 2035 году.

Инновационные города-лидеры усилят социальные инвестиции, включая проекты в образовании и здравоохранении. Модернизируемые индустриальные центры начнут активно развивать социальную

инфраструктуру, повышая качество жизни населения. Города традиционной промышленности сохранят низкий уровень участия, что тормозит их развитие. Города с развивающимся экотенциалом сфокусируются на экосоциальных инициативах, что усилит их позиции.

В табл. 7 отражен прогноз по вовлеченности городов в экологическую трансформацию к 2035 году.

Инновационные города-лидеры станут образцом экологической модернизации, минимизируя воздействие на окружающую среду. Модернизируемые индустриальные центры достигнут значительных успехов за счет интеграции «зеленых» технологий. Города традиционной промышленности начнут масштабные программы по сокращению выбросов, улучшая экологическую ситуацию. Города с развивающимся экотенциалом укрепят лидерство, внедряя современные экологические стандарты.

Таблица 6. Прогноз по роли бизнеса в социальной и экономической жизни к 2035 году

Группа городов	Социальные инвестиции бизнеса к 2035 году, млрд руб.	Качественная оценка роли бизнеса
Инновационные города-лидеры	600	Высокий уровень социальных инициатив и ГЧП
Модернизируемые индустриальные центры	350	Значительное участие бизнеса в инфраструктурных и социальных проектах
Города традиционной промышленности	200	Локальное участие в социальных программах, ограниченная активность
Города с развивающимся экотенциалом	450	Устойчивый рост социальных инициатив, направленных на экологические проекты
Перспективные города с низкой трансформацией	100	Минимальное участие бизнеса, ориентированное на поддержание базовых нужд
Источник: составлено авторами.		

Таблица 7. Прогноз по вовлеченности в экологическую трансформацию к 2035 году

Группа городов	Снижение загрязнений к 2035 году, %	Качественная оценка экологической трансформации
Инновационные города-лидеры	95-98	Полная модернизация предприятий, использование «зеленых» технологий
Модернизируемые индустриальные центры	80-85	Высокий уровень реализации экологических программ, активное внедрение инноваций
Города традиционной промышленности	60-70	Начало масштабной экологической трансформации, модернизация производств
Города с развивающимся экотенциалом	90-95	Стабильное лидерство в экологической модернизации
Перспективные города с низкой трансформацией	50-60	Умеренные успехи в экопроектах, требуются дополнительные инвестиции
Источник: составлено авторами.		

Регрессионный анализ также выявил, что рост ВРП города напрямую зависит от уровня технологической зрелости и экологической трансформации, при этом активное участие бизнеса в социальных проектах значительно снижает уровень безработицы и повышает качество жизни населения. Городам с низким уровнем технологической зрелости и слабой ролью бизнеса необходимо разработать дополнительные стратегии привлечения инвестиций и стимулирования модернизации производства. Лидеры экологической трансформации могут стать ориентиром для других городов в реализации успешных программ по снижению выбросов и улучшению экологии. Прогнозы до 2035 года показывают, что города-лидеры и города с экотенциалом значительно продвинулись в технологическом, социальном и экологическом развитии. Перспективным и традиционным промышленным городам необходимы целевые программы для устойчивого развития и модернизации. Будущая трансформация городской среды требует активного взаимодействия государства, бизнеса и местных сообществ для создания условий устойчивого развития, что позволит российским городам оставаться конкурентоспособными и привлекательными для инвесторов и жителей.

Заключение

Развитие городов России под влиянием крупных промышленных компаний напрямую связано с активностью в технологической, социальной и экологической сферах. Деятельность крупных промышленных компаний является ключевым драйвером развития городов, особенно в сфере социального инвестирования и модернизации инфраструктуры. Научная новизна исследования заключается в разработке нового методического подхода к классификации городов на основе трех ключевых параметров: технологической зрелости промышленности, роли бизнеса и степени вовлеченности в экологическую трансформацию, а также в применении регрессионного анализа для прогнозирования зависимости роста ВРП и

снижения уровня безработицы от участия бизнеса и уровня экологической трансформации. Такой подход позволяет не только структурировать города в зависимости от их текущего состояния, но и выявить перспективные направления их развития. Это дало возможность количественно оценить влияние исследуемых факторов на развитие городов. Впервые предложена группировка городов по уровню экотенциала, что позволяет выделить лидеров экологической трансформации и использовать их опыт для масштабирования лучших практик.

Основные выводы заключаются в том, что города-лидеры, такие как Москва и Санкт-Петербург, продолжают демонстрировать устойчивый рост благодаря высокой технологической зрелости и активной социальной роли бизнеса. Города с развивающимся экотенциалом (Норильск, Тобольск) показывают значительный прогресс в экологической трансформации и социальных инициативах. Города традиционной промышленности и с низкой трансформацией (Нижний Тагил, Омск) требуют значительных инвестиций и стимулирующих мер для модернизации и повышения экологической ответственности.

Представленный подход может быть использован органами власти и крупным бизнесом для разработки целевых программ устойчивого развития городов, стимулирования инвестиций в модернизацию и экологизацию промышленности. Результаты классификации помогут определить города, требующие приоритетной поддержки, а также разработать долгосрочные стратегии развития на основе лучших практик. Дальнейшее изучение взаимодействия государства, бизнеса и местных сообществ для повышения эффективности трансформационных процессов, создание цифровых моделей управления городами на основе больших данных и искусственного интеллекта позволят в будущем оптимизировать социально-экономические и экологические процессы устойчивого развития городов, что может стать основой для формирования глобальных стратегий.

Будущая трансформация городской среды требует координации усилий государства, бизнеса и общества. Создание условий для устойчивого развития позволит российским городам не только адаптироваться к современным вызовам, но и оставаться конкурентоспособными и привлекательными для жителей и инвесторов.

ЛИТЕРАТУРА

- Киварина М.В., Эльдиева Т.М. (2023). Социальная ответственность бизнеса как парадигма регионального развития (на примере Новгородской области) // Вестник Евразийской науки. Т. 15. № 5. URL: <https://esj.today/PDF/18ECVN523.pdf>
- Митрофанова И.В., Пьянкова С.Г., Ергунова О.Т. (2020). Цифровизация муниципальной экономики: глобальные тренды и практика российских муниципалитетов // Общество: политика, экономика, право. № 10 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-munitsipalnoy-ekonomiki-globalnye-trendy-i-praktika-rossiyskih-munitsipalitetov>
- Насибуллин Р.Р. (2023). Малый бизнес и его воздействие на социально-пространственное развитие городских территорий: целостная перспектива // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/malyu-biznes-i-ego-vozdeystvie-na-sotsialno-prostranstvennoe-razvitie-gorodskih-territoriy-tselostnaya-perspektiva>
- Пьянкова С.Г. (2012). Критерии отнесения города к монопрофильной территории // Сибирская финансовая школа. № 3. С. 14–21.
- Пьянкова С.Г. (2014). Концептуальная модель нивелирования институциональных провалов монопрофильных территорий // Муниципалитет: экономика и управление. № 2. С. 18–29.
- Сапожникова А.Г. (2017). Региональное развитие в России как фактор и результат функционирования крупного бизнеса // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. № 4 (52). URL: <https://eee-region.ru/article/5217>
- Филиппова Т.А., Фролова Г.С. (2015). Роль малого и среднего бизнеса в развитии города // Гуманитарные научные исследования. № 9. URL: <https://human.snauka.ru/2015/09/12647>
- Acs Z.J., Armington C. (2004). Employment growth and entrepreneurial activity in cities. *Regional Studies*, 38 (8), 911–927. Available at: <https://doi.org/10.1080/0034340042000280938>
- Ahmed S., Shah M.A., Wakil K. (2020). Blockchain as a trust builder in the smart city domain: A systematic literature review. *IEEE Access*, 8, 92977–92985.
- Bertalanffy L. (1968). General system theory: Foundations, development, applications. *George Braziller*. Available at: https://monoskop.org/File:Von_Bertalanffy_Ludwig_General_System_Theory_1968.pdf
- Castells M. (2009). *The Rise of the Network Society*. 2nd ed. Wiley-Blackwell.
- Duygan M., Fischer M., Pärli R., Ingold K. (2022). Where do smart cities grow? The spatial and socio-economic configurations of smart city development. *Sustain. Sustainable Cities and Society*, 77, 103578. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.scs.2021.103578>
- Florida R. (2003). The rise of the creative class: And how it's transforming work, leisure, community and everyday life. *Canadian Public Policy*, 29 (3). DOI: 10.2307/3552294
- Geels F.W. (2018). Disruption and low-carbon system transformation: Progress and new challenges in socio-technical transitions research and the multi-level perspective. *Energy Research & Social Science*, 37, 224–231.
- Gottmann J. (1964). Megalopolis: The urbanized northeastern seaboard of the United States. *The Twentieth Century Fund*. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/4537.001.0001>. Available at: <https://direct.mit.edu/books/oa-monograph/5083/MegalopolisThe-Urbanized-Northeastern-Seaboard-of>
- Holcombe R.G. (2018). *Political Capitalism. How Economic and Political Power is Made and Maintained*. Cambridge University Press.

- Kotler P., Haider D.H., Rein I. (1993). *Marketing Places: Attracting Investment, Industry, and Tourism to Cities, States, and Nations*. The Free Press. Available at: https://books.google.ru/books/about/Marketing_Places.html?id=luTtAAAAMAAJ&redir_esc=y
- Latour B. (2005). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford University Press. Available at: <https://www.uni-weimar.de/kunst-und-gestaltung/wiki/images/Latour-introduction-to-ant-theory.pdf>
- Liu R., Dong X., Wang X., Zhang P., Liu M., Zhang Y. (2021). Study on the relationship among the urbanization process, ecosystem services and human well-being in an arid region in the context of carbon flow: Taking the Manas river basin as an example. *Ecological Indicators*, 132. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ecolind.2021.108248>
- Majumder S., Roy S., Bose A., Chowdhury I.R. (2023). Multiscale GIS based-model to assess urban social vulnerability and associated risk: Evidence from 146 urban centers of Eastern India. *Sustainable Cities and Society*, 96. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.scs.2023.104692>.
- Mansfield E. (1961). Technical Change and the Rate of Imitation. *Econometrica*, 29 (4), 741–766.
- Marshall A. (1920). *Principles of Economics*. 8th Edition, Macmillan, London. Available at: <https://www.scrip.org/reference/referencespapers?referenceid=1629173>
- Mumford L. (1961). *The City in History: Its Origins, its Transformations, and its Prospects*. Harcourt, Brace & World. Available at: https://www.researchgate.net/publication/337306873_Lewis_Mumford_1961_The_City_in_History_its_origins_its_transformations_and_its_prospect_Harcourt_Brace_WorldNew_York
- North D.C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press. URL: <https://www.scrip.org/reference/referencespapers?referenceid=2247051>
- Rekers J.V. (2012). We're number two! Beta cities and the cultural economy. *Environment and Planning*, 44 (8), 1912–1929. Available at: <https://doi.org/10.1068/a44511>.
- Rodrigues M., Franco M., Filipova H. [et al.] (2024). Is creativity a reality in Bulgaria cities? An empirical study in the pre-pandemic period. *City Territory and Architecture*, 11, 19. Available at: <https://doi.org/10.1186/s40410-024-00240-w>
- Romanelli M. (2021). Cities rethinking smart-oriented pathways for urban sustainability. *Handbook of Quality of Life and Sustainability*. Springer International Publishing, 451–467. DOI: 10.1007/978-3-030-50540-0_23
- Samuelson P.A., Nordhaus W.D. (2009). *Economics*. McGraw-Hill/Irwin. Available at: <https://philpapers.org/rec/SAME>
- Sharma A.K., Jain S. (2020). Urban transformation and applied planning initiatives in Indian Cities. *Social Transformations*, 243–258. DOI: 10.1007/978-981-15-9616-2_15
- Smith G., Archer R., Nandwani D., Li J. (2018). Impacts of urbanization: Diversity and the symbiotic relationships of rural, urban, and spaces in-between. *International Journal of Sustainable Development and World Ecology*, 25 (3), 276–289.
- Winter S.G., Nelson R.R. (1982). *An Evolutionary Theory of Economic Change*. Belknap Press. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1496211

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Светлана Григорьевна Пьянкова – доктор экономических наук, профессор, доцент, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45; e-mail: silen_06@list.ru)

Ольга Титовна Ергунова – кандидат экономических наук, доцент, Высшая школа производственного менеджмента, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Российская Федерация, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29; e-mail: ergunova-olga@yandex.ru)

Pyankova S.G., Ergunova O.T.

The Specifics of Urban Development Influenced by the Activities of Large Industrial Companies in Russia

Urban development under the influence of large industrial companies in Russia is one of the key trends in modern urbanism. In the context of growing economic and environmental challenges, as well as the global transition to the principles of sustainable development (ESG transformation), the need to study the mechanisms and consequences of interaction between business and the urban environment is becoming particularly relevant. Large industrial companies play a significant role in modernizing urban infrastructure, creating jobs, raising living standards, as well as addressing environmental issues. However, the impact of such companies on urban development remains heterogeneous and requires in-depth scientific analysis. The relevance of the research is determined by the need to design effective urban development strategies based on the socio-economic and environmental impact of large business. Traditional approaches to the classification and management of cities, based primarily on geographical or administrative criteria, do not take into account modern challenges and opportunities associated with the technological maturity of industry, social activity of business and environmental transformation. The hypothesis of the study is that the activities of large companies significantly affect the development of cities in Russia, contributing to their accelerated transformation. The aim of the study is to analyze the impact of large industrial companies on the social, economic and environmental development of cities, as well as to design a methodological approach to forecasting changes in the urban environment. Using a new methodology for grouping cities, which includes parameters of technological maturity, social activity of business and involvement in environmental transformation, the main trends were analyzed. The use of regression analysis made it possible to identify key dependencies between development factors and forecast future changes. Examples of successful transformations in large cities are presented, and support strategies for cities with a low level of development are proposed. The practical significance of the research lies in designing a new methodology for grouping cities and forecasting their development. The results can be used by government authorities and businesses to make managerial decisions aimed at improving the situation in cities.

City, business, sustainable development, territorial development, municipality, economic growth, territory.

REFERENCES

- Acs Z.J., Armington C. (2004). Employment growth and entrepreneurial activity in cities. *Regional Studies*, 38(8), 911–927. Available at: <https://doi.org/10.1080/0034340042000280938>
- Ahmed S., Shah M.A., Wakil K. (2020). Blockchain as a trust builder in the smart city domain: A systematic literature review. *IEEE Access*, 8, 92977–92985.
- Bertalanffy L. (1968). General system theory: Foundations, development, applications. *George Braziller*. Available at: https://monoskop.org/File:Von_Bertalanffy_Ludwig_General_System_Theory_1968.pdf
- Castells M. (2009). *The Rise of the Network Society*. 2nd ed. Wiley-Blackwell.
- Duygan M., Fischer M., Pärli R., Ingold K. (2022). Where do smart cities grow? The spatial and socio-economic configurations of smart city development. *Sustain. Sustainable Cities and Society*, 77, 103578. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.scs.2021.103578>
- Filippova T.A., Frolova G.S. (2015). The role of small and medium business in the development of the city. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya=Humanities Scientific Researches*, 9. Available at: <https://human.snauka.ru/2015/09/12647> (in Russian).

- Florida R. (2003). The rise of the creative class: And how it's transforming work, leisure, community and everyday life. *Canadian Public Policy*, 29(3). DOI: 10.2307/3552294
- Geels F.W. (2018). Disruption and low-carbon system transformation: Progress and new challenges in socio-technical transitions research and the multi-level perspective. *Energy Research & Social Science*, 37, 224–231.
- Gottmann J. (1964). Megalopolis: The urbanized northeastern seaboard of the United States. *The Twentieth Century Fund*. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/4537.001.0001>. Available at: <https://direct.mit.edu/books/oa-monograph/5083/MegalopolisThe-Urbanized-Northeastern-Seaboard-of>
- Holcombe R.G. (2018). *Political Capitalism. How Economic and Political Power is Made and Maintained*. Cambridge University Press.
- Kivarina M.V., Eldieva T.M. (2023). Corporate social responsibility as a regional development paradigm. *Vestnik Evraziiskoi nauki=The Eurasian Scientific Journal*, 15(5). Available at: <https://esj.today/PDF/18ECVN523.pdf> (in Russian).
- Kotler P., Haider D.H., Rein I. (1993). *Marketing Places: Attracting Investment, Industry, and Tourism to Cities, States, and Nations*. The Free Press. Available at: https://books.google.ru/books/about/Marketing_Places.html?id=luTtAAAAMAAJ&redir_esc=y
- Latour B. (2005). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford University Press. Available at: <https://www.uni-weimar.de/kunst-und-gestaltung/wiki/images/Latour-introduction-to-ant-theory.pdf>
- Liu R., Dong X., Wang X., Zhang P., Liu M., Zhang Y. (2021). Study on the relationship among the urbanization process, ecosystem services and human well-being in an arid region in the context of carbon flow: Taking the Manas river basin as an example. *Ecological Indicators*, 132. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ecolind.2021.108248>
- Majumder S., Roy S., Bose A., Chowdhury I.R. (2023). Multiscale GIS based-model to assess urban social vulnerability and associated risk: Evidence from 146 urban centers of Eastern India. *Sustainable Cities and Society*, 96. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.scs.2023.104692>.
- Mansfield E. (1961). Technical change and the rate of imitation. *Econometrica*, 29(4), 741–766.
- Marshall A. (1920). *Principles of Economics*. 8th edition. London: Macmillan. Available at: <https://www.scirp.org/reference/referencespapers?referenceid=1629173>
- Mitrofanova I.V., Pyankova S.G., Ergunova O.T. (2020). Digitalization of the municipal economy: Global trends and practice of Russian municipalities. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 10(87). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-munitsipalnoy-ekonomiki-globalnye-trendy-i-praktika-rossiyskih-munitsipalitetov> (in Russian).
- Mumford L. (1961). *The City in History: Its Origins, its Transformations, and its Prospects*. Harcourt, Brace & World. Available at: https://www.researchgate.net/publication/337306873_Lewis_Mumford_1961_The_City_in_History_its_origins_its_transformations_and_its_prospect_Harcourt_Brace_WorldNew_York
- Nasibullin R.R. (2023). Small business and its impact on socio-spatial development of urban areas: A holistic perspective. *Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta MFYuA*, 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/malyy-biznes-i-ego-vozdeystvie-na-sotsialno-prostranstvennoe-razvitie-gorodskih-territoriy-tselostnaya-perspektiva> (in Russian).
- North D.C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press. Available at: <https://www.scirp.org/reference/referencespapers?referenceid=2247051>
- Pyankova S.G. (2012). City criteria for single-industry territory. *Sibirskaya finansovaya shkola*, 3, 14–21 (in Russian).
- Pyankova S.G. (2014). Conceptual model of leveling institutional gaps of multiprofile territories. *Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie*, 2, 18–29 (in Russian).

- Rekers J.V. (2012). We're number two! Beta cities and the cultural economy. *Environment and Planning*, 44 (8), 1912–1929. Available at: <https://doi.org/10.1068/a44511>
- Rodrigues M., Franco M., Filipova H. et al. (2024). Is creativity a reality in Bulgaria cities? An empirical study in the pre-pandemic period. *City Territory and Architecture*, 11, 19. Available at: <https://doi.org/10.1186/s40410-024-00240-w>
- Romanelli M. (2021). Cities rethinking smart-oriented pathways for urban sustainability. *Handbook of Quality of Life and Sustainability*. Springer International Publishing, 451–467. DOI: 10.1007/978-3-030-50540-0_23
- Samuelson P.A., Nordhaus W.D. (2009). *Economics*. McGraw-Hill/Irwin. Available at: <https://philpapers.org/rec/SAME>
- Sapozhnikova A.G. (2017). Regional development in Russia as a factor and result of large business operation. *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 4(52). Available at: <https://eee-region.ru/article/5217> (in Russian).
- Sharma A.K., Jain S. (2020). Urban transformation and applied planning initiatives in Indian Cities. *Social Transformations*, 243–258. DOI: 10.1007/978-981-15-9616-2_15
- Smith G., Archer R., Nandwani D., Li J. (2018). Impacts of urbanization: Diversity and the symbiotic relationships of rural, urban, and spaces in-between. *International Journal of Sustainable Development and World Ecology*, 25 (3), 276–289.
- Winter S.G., Nelson R.R. (1982). *An Evolutionary Theory of Economic Change*. Belknap Press. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1496211

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana G. Pyankova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Associate Professor, Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta / Narodnoy Voly Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: silen_06@list.ru)

Olga T. Ergunova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Higher School of Production Management, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29, Politechnicheskaya Street, Saint Petersburg, 195251, Russian Federation; e-mail: ergunova-olga@yandex.ru)

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2025.1.135.6

УДК 332.1 | ББК 65.04

© Шабунова А.А., Соколова Т.И.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МУЗЕЕВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИХ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

АЛЕКСАНДРА АНАТОЛЬЕВНА ШАБУНОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: aas@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0002-3467-0921; ResearcherID: E-5968-2012

ТАТЬЯНА ИГОРЕВНА СОКОЛОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: tisokolova1983@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5995-7614

В современных условиях роль культуры, в самом широком ее понимании, становится все более значимой. В решении важнейших задач по сохранению единства культурного пространства страны, воспитанию и укреплению традиционных российских ценностей особое значение приобретают музейные учреждения, эффективное функционирование которых во многом определяется уровнем их финансового обеспечения. Исследование посвящено анализу финансирования музеев. В работе описана динамика финансовых показателей по России в целом и Северо-Западному федеральному округу. Акцент сделан на учреждениях Вологодской области, источниках их финансирования, структуре расходов за период 2018–2023 гг. Целью работы является оценка уровня государственного финансирования музеев региона с учетом всех источников финансирования и структуры расходов учреждений. В качестве информационной базы использовались сведения автоматизированной информационной системы «Статистическая отчетность отрасли» и данные экспертного целевого опроса «О развитии деятельности музейных

Для цитирования: Шабунова А.А., Соколова Т.И. (2025). Функционирование музеев Вологодской области через призму их финансового обеспечения // Проблемы развития территории. Т. 29. № 1. С. 73–88. DOI: 10.15838/ptd.2025.1.135.6

For citation: Shabunova A.A., Sokolova T.I. (2025). The functioning of museums in the Vologda Region through the prism of their financial support. *Problems of Territory's Development*, 29 (1), 73–88. DOI: 10.15838/ptd.2025.1.135.6

учреждений региона», проведенного по разработанному авторскому инструментарию в октябре 2024 года. Обработка и интерпретация собранных данных осуществлялась с помощью системного, сравнительного, статистического и социологического анализа. Установлено, что выделяемых бюджетных средств недостаточно для решения проблем, связанных с текущей деятельностью и развитием музеев региона. Ввиду концептуальной значимости вопросов воспитания молодого поколения для будущего развития страны важно сохранять и увеличивать приоритетную долю государственного финансирования.

Культура, сфера культуры, музеи, регион, государственная услуга, формирование мировоззрения, государственное финансирование, внебюджетное финансирование.

Введение

В современных реалиях вопросы сферы культуры в стране приобретают новое звучание. В числе национальных приоритетов актуализируются задачи воспитания молодого поколения, развития и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей, патриотизма, мировоззрения, сохранения исторической памяти. Существенную помощь в решении этих стратегически важных задач оказывают музеи, для эффективной деятельности и развития которых необходима активная финансовая поддержка.

В рамках настоящего исследования финансовые вопросы музейных учреждений, подведомственных Министерству культуры Российской Федерации, рассматриваются на уровне страны, Северо-Западного федерального округа и Вологодской области. Акцент сделан на музеях региона, которые описываются с позиции учета всех источников финансирования и специфики структуры затрат. Новизна исследования заключается в анализе особенностей финансирования музеев, который базируется на данных последних лет, включая 2023 год, представленных в автоматизированной информационной системе «Статистическая отчетность отрасли». Целью работы является оценка уровня государственного финансирования музеев Вологодской области. За одну из ключевых гипотез принято положение о том, что государственного финансирования недостаточно для реализации текущей деятельности и дальнейшего развития музейных учреждений региона с учетом имеющегося передового опыта.

Результаты исследования опираются на статистические и эмпирические данные. Финансовые показатели рассматриваются за период 2018–2023 гг. в сопоставимых целях, за базовый при расчетах взят 2023 год.

Обзор литературы

Проблема сохранения и укрепления культуры в России особенно актуальна в последние десятилетия. Культура является важнейшим фактором общественного развития (Харрисон, Хантингтон, 2002), признается одной из ключевых сфер социальной системы, которая способна создавать ценность и смысл существования (Горшков и др., 2022), внутреннюю мотивацию людей, определять их идентичность, обуславливать изменения в государстве (Горшков, Комиссаров, 2019). Исследователи отмечают значимость культурного наследия, обладающего исторической, образовательной, эстетической, научной и социальной ценностью (Музычук, 2022), подчеркивают, что для России культура является государствообразующей ценностью (Горшков и др., 2022).

Согласно «Основам государственной культурной политики» культура относится к числу национальных приоритетов, способствующих росту качества жизни, гармонизации общественных отношений, социально-экономическому развитию, сохранению единства культурного пространства, территориальной целостности страны¹. Актуальными являются вопросы культурного потенциала (Косыгина, 2024).

¹ Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения 17.11.2024).

Несмотря на неоспоримое признание значимости культурных ценностей, в данной сфере длительный период времени существуют определенные проблемы и противоречия. Так, в научном дискурсе активно обсуждаются финансовые аспекты сферы культуры (Музычук, Хаунина, 2015; Богомазов, Давыдова, 2017; Музычук, 2018; Музычук, 2019). В статье д-ра экон. наук В.Ю. Музычук отражена специфика финансирования культуры и кинематографии, отмечены низкий приоритет культуры в политике государства и сохранение остаточного принципа финансирования указанной сферы с превалированием прямого бюджетного финансирования; доля внебюджетных источников представлена доходами от основной уставной деятельности (Музычук, 2019). При этом, в частности, для музеев она составляет 20%, включая спонсорские и благотворительные средства (Музычук, 2021).

В результате реформы конца 1990-х гг. изменилась концепция финансирования бюджетного сектора, основой которого стал тезис о необходимости повышения эффективности использования бюджетных средств, нацеливании их на конкретные результаты. Учреждения сферы культуры оказались в сегменте государственных (муниципальных) услуг, и вместо приоритетных задач по приобщению населения к культурным благам и ценностям некоммерческие по своей сути организации стали вынуждены заниматься увеличением дохода, зарабатывать деньги (Музычук, 2017; Музычук, 2021).

Вместе с тем реализация общественных интересов относительно производства, сохранения, потребления культурных благ напрямую зависит от целенаправленной государственной поддержки (Рубинштейн, 2005). Динамика бюджетных ассигнований сферы культуры в последние десятилетия отражает недостаточность финансирования, принципы которого сменяются от «остаточного» к «низкой приоритетности» (Музычук, 2017).

Такая ситуация обусловлена наличием управленческого провала относительно использования Министерством финансов России компетенций Министерства культуры (Рубинштейн, Городецкий, 2017; Музычук, 2019). В подобных случаях ограничиваются законные возможности других субъектов, повышается риск невыполнения целей, поставленных государством (Рубинштейн, Городецкий, 2017).

Следствием бюджетной реформы 90-х гг. XX века стало изменение установок общества по отношению ко всем учреждениям культуры: появилось потребительское восприятие сферы культуры, отношение к ней как к услуге, просветительские функции сменились на развлекательные (Музычук, 2018). Кроме того, в последние годы наблюдается активная пропаганда, направленная против российских ценностей и на реформирование русской культуры к сближению с западной (Верников, Курышева, 2024).

В условиях специальной военной операции, введения санкций против России, когда традиционные российские духовно-нравственные ценности, культура и историческая память становятся важнейшими национальными приоритетами², значимость сферы культуры должна быть переосмыслена. В общем перечне культурных учреждений особое место занимают музеи. Исследователи говорят о многофункциональности музейных учреждений: участию в производстве общественных и частных благ, появлении экстерналий (Тросби, 2013). Однако при этом главное назначение музея состоит в воспитании молодых поколений, формировании мировоззрения и идеологии, привитии патриотизма, духовно-нравственных ценностей на основе передачи и сохранения знаний об истории страны. Особенно значимо воспитание и укрепление патриотизма, который является основой национальной безопасности, способствует эффективному и гармонич-

² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения 17.11.2024).

ному развитию общества в условиях влияния современных негативных внешних факторов (Синютин, 2024). Эти же положения отмечаются в обновленной «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года». Согласно документу, к числу приоритетных направлений реализации Стратегии относится «осуществление просветительской, патриотической и военно-патриотической работы среди молодежи, в том числе на базе музеев»⁵.

В связи с этим вызывает тревогу равнодушное отношение значимой доли молодых россиян к истории, о чем свидетельствуют социологические опросы. По данным ВЦИОМ за 2024 год, 10% всех респондентов никогда не были в музее. Доля молодых людей до 32 лет, которые ни разу не посещали музейные учреждения, составляет 17%, не имеют желания ходить в музеи 30%⁴. Таким образом, интерес молодого поколения к историческим ценностям на протяжении последних лет невысок. Согласно исследованиям ФНИСЦ РАН 2020 года, 19% молодых людей в возрасте 18–30 лет не интересуются историей. Эксперты акцентируют внимание на том, что снижение уровня исторических знаний и культурного кругозора молодежи значительно влияет на ее мировоззрение (Горшков, 2022).

Современные условия, положение России в мире, отношение недружественных стран к российским ценностям требуют присталь-

ного внимания и целенаправленной работы по формированию мировоззрения, патриотизма, в том числе силами музейных учреждений. В последние годы меры государственной поддержки ощутимы как на федеральном, так и на региональном уровне. К наиболее значимым относится реализация национального проекта «Культура», начатого в 2018 году. Проект направлен на повышение ключевых показателей: рост посещаемости, использование цифровых ресурсов, обеспечение условий для творческой реализации⁵. По итогам Послания Президента РФ Федеральному Собранию от 21 апреля 2021 года выделено дополнительное финансирование на реконструкцию и капитальный ремонт муниципальных музеев⁶. На уровне региона (Вологодской области) поддержано федеральное финансирование проекта по реконструкции Вологодского кремля⁷. К 80-летию Победы в рамках программы губернатора «Музеи Вологодчины: наша Победа. Связь поколений» музеям Вологодской области выделены средства на создание тематических экспозиций в размере 1 млн руб.⁸ Уже в ноябре 2024 года открыто 30 музеев в школах региона⁹. В рамках проекта «Вологда строится» волонтеры знакомятся с новыми объектами в сферах образования, культуры, в том числе с музеями¹⁰. Вологодская область присоединилась к национальному туристскому проекту «Императорский маршрут», связанному

⁵ О Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2024 г. № 2501-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410284259> (дата обращения 17.11.2024).

⁴ Пошли в музей? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/poshli-v-muzei> (дата обращения 10.08.2024).

⁵ Паспорт национального проекта «Культура». URL: <http://static.government.ru/media/files/KwyvgvPq1PWAajAmsABFTSPUvVtEjHrO.pdf> (дата обращения 17.11.2024).

⁶ Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/65524> (дата обращения 17.11.2024).

⁷ На реставрацию Вологодского кремля выделяют федеральное финансирование. URL: <https://cultinfo.ru/news/2024/4/na-restavratsiyu-vologodskogo-kremlya-vydelyat-fed> (дата обращения 27.10.2024).

⁸ К 80-летию Победы музеи Вологодчины получают по миллиону рублей на создание тематических экспозиций. URL: <https://cultinfo.ru/news/2024/3/k-80-letiyu-pobedy-muzei-vologodchiny-poluchat-mln> (дата обращения 10.09.2024).

⁹ В вологодских школах открыли 30 музеев, посвященных 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. URL: <https://onlinevologda.ru/news/society/v-vologodskih-shkolah-otkryli-30-muzeev-posvjaschennyh-80-letiju-pobedy-v-velikoj-otechestvennoj-vojne> (дата обращения 15.11.2024).

¹⁰ Бесплатные экскурсии для волонтеров пройдут на следующей неделе. URL: https://vk.com/wall-69630905_73801 (дата обращения 20.03.2024).

с деятельностью членов императорской семьи. Проект будет способствовать усилению туристской привлекательности региона¹¹.

Не отрицая важности дополнительных мер поддержки музейных учреждений, следует учитывать, что основой их работы является базовое бюджетное финансирование. Однако бюджетного финансирования недостаточно для текущей деятельности и системного развития музеев. В связи с этим важным представляется увеличение именно государственного финансирования, поскольку вопросы воспитания молодых поколений, формирования идеологии, мировоззрения и патриотизма являются концептуальными для будущего развития страны.

Материалы и методы

Результаты исследования основываются на данных автоматизированной информационной системы «Статистическая отчетность отрасли»¹², которая содержит обширную информацию по ключевым показателям, включая финансирование музейных учреждений, их количество и посещаемость населением, как для России в целом, так и для ее регионов. В рамках проведенного анализа были выбраны показатели по России, Северо-Западному федеральному округу и Вологодской области за 2018–2023 гг., период обусловлен началом реализации национального проекта «Культура». Финансовые показатели функционирования музеев рассчитаны в сопоставимых ценах, за базовый при расчетах взят 2023 год.

Кроме статистической информации, в эмпирическую базу вошли данные экспертного целевого опроса «О развитии деятельности музейных учреждений региона», проведенного по разработанному авторскому

инструментарии в октябре 2024 года. Метод опроса – анкетирование. В качестве экспертов выступили представители (сотрудники) музейных учреждений Вологодской области. В опросе приняли участие 20 респондентов из головных учреждений, а также филиалов музеев городов Вологды и Череповца, Кириллова, Вытегры, Устюжны, Харовска, а также сел Шуйское и Тарногский Городок. Инструментарий опроса состоял из нескольких блоков. Вопросы анкеты касались популярности музеев, видов их деятельности и категорий посетителей, отдельно акцент сделан на финансировании, инфраструктуре и кадровой обеспеченности. Наиболее активная обратная связь получена от муниципальных музеев (65%) и федеральных учреждений (25%). По статусу экспертов, принявших участие в опросе: 60% ответов поступило от административно-управленческого персонала, 40% – от научных сотрудников. Средний возраст экспертов составил 45 лет, стаж работы в музеях у 50% из них превышает 15 лет.

Обработка и интерпретация собранных данных проводились с помощью системного, сравнительного, статистического и социологического анализа.

Результаты

Анализ бюджетного финансирования

Согласно статистическим данным за 2023 год, общее число музеев (включая филиалы), подведомственных Министерству культуры Российской Федерации, в целом по стране составило 2944, по Северо-Западному федеральному округу – 299, в Вологодской области – 46, из них 28 музеев и 18 филиалов. Область имеет три историко-архитектурных и художественных музея-заповедника, три музейных объединения,

¹¹ Вологодская область присоединилась к национальному туристскому проекту «Императорский маршрут». URL: <https://cultinfo.ru/news/2024/6/vologodskaya-oblast-prisoedinilas-k-natsionalnomu> (дата обращения 30.06.2024).

¹² Главный информационно-вычислительный центр Министерства культуры Российской Федерации. АИС «Статистическая отчетность отрасли». Автоматизированная информационная система предназначена для обеспечения процедуры сбора сведений по формам федерального статистического наблюдения и ведомственной отчетности, формированию базы данных об организациях культуры и их деятельности, обработке накопленной информации и подготовке выходной информации о сфере культуры в виде сводных таблиц и справочников. URL: <https://givc.ru/solution/information-system/ais>

две картинных галереи, два музея народной культуры. Значительную долю составляют краеведческие и исторические музеи (18 единиц). В регионе функционируют музеи всех уровней власти. Среди них один федеральный музей, четыре областных и 23 муниципальных. В сфере музейной деятельности в Вологодской области занято 923 тыс. работников. Музеям принадлежит 270 строений, из которых 86 являются объектами культурного наследия федерального значения, 22 – регионального¹³.

Вопросы финансового обеспечения музейных учреждений являются наиболее острыми. По мнению экспертов, доля расходов на культуру в ВВП официально составляет примерно 0,6%¹⁴. В то же время на уровне страны в целом отмечается доминирование государственного финансирования с незначительной долей привлечения внебюджетных средств.

Приоритет доли бюджетных ассигнований наблюдается и в Вологодской области. Согласно данным АИС «Статистическая отчетность отрасли», в 2018 году данный показатель составил 80,0%, поступления от основных видов уставной деятельности – 17,7%. Минимальные значения (в пределах 1% и менее) имеют финансирование от благотворительных и спонсорских вкладов, иной приносящей доход деятельности, сдачи имущества в аренду. Для 2022 года ха-

рактерно существенное изменение соотношения между бюджетными поступлениями и средствами от основных видов уставной деятельности. По сравнению с 2018 годом бюджетное финансирование увеличилось на 7,8%, поступления от уставной деятельности снизились на 9,7%, доля средств от благотворительных и спонсорских вкладов возросла на 0,5%, от иной приносящей доход деятельности – на 1,6% (табл. 1).

В 2023 году структура финансовых поступлений близка к показателям 2018 года. Доля бюджетных ассигнований учредителя вместе с финансированием из бюджетов других уровней составила 81,8%, поступления от основных видов уставной деятельности снизились на 2,2%, доля финансирования от благотворительных и спонсорских вкладов составила 1,6% (рис.). Таким образом, доля бюджетного финансирования преобладает на протяжении всего рассматриваемого периода.

В стране в целом и в СЗФО за весь рассматриваемый период отмечается тенденция к снижению общего уровня финансовых поступлений примерно на 3% (табл. 2). В Вологодской области, напротив, прирост составил 60%. В 2020 году поступления на всех уровнях по отношению к 2019 году существенно снизились и составили 87,7% по России, 77,9% в округе, 92,7% в регионе.

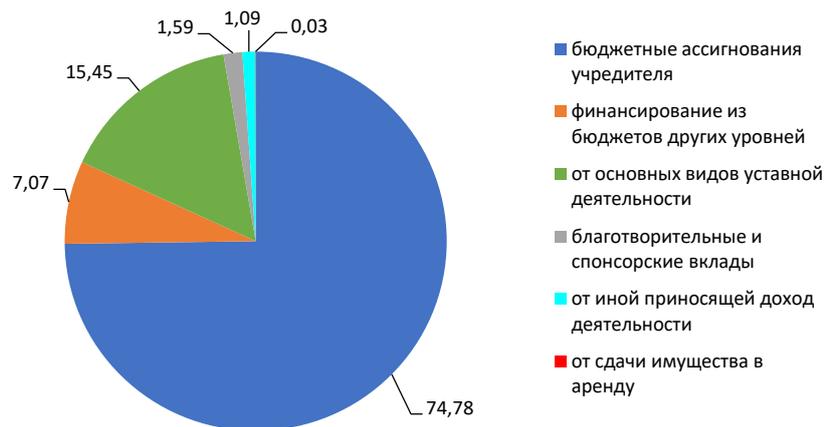
Таблица 1. Структура финансового обеспечения музеев Вологодской области в 2018–2023 гг., % к итогу

Год	Бюджетные ассигнования учредителя	Финансирование из бюджетов других уровней	Доходы от основных видов уставной деятельности	Благотворительные и спонсорские вклады	Иная приносящая доход деятельность	Сдача имущества в аренду
2018	79,94	0,05	17,68	1,35	0,79	0,19
2019	79,51	2,59	15,83	1,63	0,40	0,03
2020	89,56	0,05	8,29	1,60	0,47	0,02
2021	85,11	4,51	8,98	0,69	0,70	0,01
2022	85,96	1,83	7,99	1,86	2,35	0,01
2023	74,78	7,07	15,45	1,59	1,09	0,03

Рассчитано по: данные АИС «Статистическая отчетность отрасли». URL: <https://stat.mkrf.ru/indicators> (дата обращения 04.11.2024).

¹³ АИС «Статистическая отчетность отрасли». URL: <https://stat.mkrf.ru/indicators> (дата обращения 04.11.2024).

¹⁴ Соколова Н. Экономика культуры вернулась на допандемийный уровень. URL: <https://rg.ru/2024/01/25/zritel-i-prosiai-ognia.html>. (дата обращения 27.11.2024).

Рис. Структура финансового обеспечения музеев Вологодской области в 2023 году, %
 Источник: данные АИС «Статистическая отчетность отрасли». URL: <https://stat.mkrf.ru/indicators> (дата обращения 04.11.2024).

Таблица 2. Финансирование музеев в 2018–2023 гг., в сопоставимых ценах 2023 года, млн руб.

Территория	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год	2023 год к 2018 году, %
РФ	120970,0	124588,0	109316,2	109496,3	118931,4	118211,4	97,7
СЗФО	33777,3	36191,5	28176,1	27961,0	34580,8	32863,1	97,3
Вологодская обл.	829,5	1060,7	983,4	1413,8	1598,4	1332,3	160,6

Рассчитано по: данные АИС «Статистическая отчетность отрасли». URL: <https://stat.mkrf.ru/indicators> (дата обращения 04.11.2024).

Таблица 3. Структура финансирования музеев Вологодской области, в сопоставимых ценах 2023 года, млн руб.

Год	Бюджетные ассигнования	Финансирование из бюджетов других уровней	Основные виды уставной деятельности	Благотворительные и спонсорские вклады	Иная приносящая доход деятельность	Сдача имущества в аренду
2018	664,1	0,4	146,9	11,2	6,6	1,6
2019	843,6	27,5	168,0	17,3	4,3	0,3
2020	880,9	0,5	81,5	15,8	4,7	0,2
2021	1203,2	63,7	127,0	9,7	9,9	0,2
2022	1373,9	29,2	127,8	29,8	37,5	0,2
2023	996,4	94,2	205,8	21,2	14,5	0,4
Темп роста, %	150	23550	140	189	221	23

Рассчитано по: данные АИС «Статистическая отчетность отрасли». URL: <https://stat.mkrf.ru/indicators> (дата обращения 04.11.2024).

Структура финансирования музеев региона характеризуется планомерным увеличением бюджетных ассигнований учредителя (темп роста 2023 к 2018 году – 150%; табл. 3). Вместе с тем следует отметить их суще-

ственное снижение (темп роста – 72,5%) по отношению к 2022 году. Отмечается также резкое повышение финансирования из бюджетов других уровней. Еще одной особенностью является увеличение доходов

от основных видов уставной деятельности в период 2022–2023 гг. Характеризуя данный вид доходов, можно отметить провал 2020–2022 гг., обусловленный ограничениями пандемии и последующим восстановлением, а также существенное нарастание в 2023 году (темп роста 2018–2023 гг. – 140%), что может быть связано с популяризацией внутреннего туризма и ростом посещаемости музейных учреждений. Так, в 2023 году музеи Вологодчины посетили 1513 тыс. человек, что на 10% больше, чем в 2022 году. Согласно данным экспертного целевого опроса «О развитии деятельности музейных учреждений региона» увеличение потока посетителей в музеях региона за последние пять лет отмечают 85% работников музеев¹⁵.

Анализ доходов от основных видов уставной деятельности и иных внебюджетных доходов музеев

Заметное влияние на динамику финансовых поступлений от основной уставной деятельности оказала пандемия. Основная уставная деятельность включает организацию выставок, культурно-массовых мероприятий, экскурсионное обслуживание и т. п. Значительное снижение такого рода поступлений произошло в 2020 году, что объясняется запретом и строгим ограничением мероприятий, связанных со скоплением людей.

Положительная динамика наблюдается по поступлениям от благотворительных, спонсорских вкладов и иной приносящей доход деятельности. Темпы роста по первому показателю к 2018 году составили 189%. При этом по сравнению с данными 2022 года, когда поступления от благотворительных и спонсорских вкладов были максимальными за весь рассматриваемый период (29,8 млн руб.), в 2023 году значение снизилось и составило 21,2 млн руб. Средства от

иной приносящей доход деятельности возросли по отношению к 2018 году (темп роста 2018–2023 гг. – 221%), однако по сравнению с 2022 годом также наблюдается снижение. Следует отметить, что при уменьшении финансирования музеи вынуждены осваивать новые виды деятельности, обращаясь к широкому спектру платных услуг (Цинченко, Орлова, 2019). Так, в зависимости от устава музея в перечень видов иной приносящей доход деятельности могут быть включены проведение презентаций, музейных мастерских, театрализованных представлений; реализация печатной, книжной и сувенирной продукции; услуги по копированию, сканированию; организация общественного питания; организация свадебных церемоний; фото- и видеосъемка; катание на лошадях и др.

О недостаточном финансировании говорят и сами работники музеев, например, старший научный сотрудник отдела природы Национального музея Республики Марий Эл Ирина Бушкова: «Музеи в настоящее время заняты выживанием, поскольку государственная поддержка заметно уменьшилась. Если раньше государство выделяло деньги на коммунальные расходы, налоги и зарплату, то теперь все это приходится оплачивать, исходя из приносящей доход деятельности»¹⁶.

Это же подтверждают данные экспертного целевого опроса «О развитии деятельности музейных учреждений региона»: 80% респондентов оценивают уровень бюджетного финансирования музея, в котором они работают, как недостаточный. При этом 75% опрошенных считают, что средств недостаточно даже для осуществления текущей музейной деятельности, относительно нехватки финансирования для дальнейшего развития музея высказались 80% респондентов¹⁷.

¹⁵ Данные экспертного целевого опроса «О развитии деятельности музейных учреждений региона», октябрь 2024 года.

¹⁶ Макаренков Максим. Российские музеи – развитие или выживание (2023) // Солидарность. 5 октября. URL: <https://www.solidarism.org/articles/rossiyskie-muzei-razvitie-ili-vyzhivanie.html>

¹⁷ Данные экспертного целевого опроса «О развитии деятельности музейных учреждений региона», октябрь 2024 года.

Снижение доли бюджетных средств в 2023 году побуждает музеи активизировать работу по привлечению дополнительных поступлений не только от основных видов уставной деятельности, но и иной приносящей доход деятельности, участия спонсоров и благотворителей. На протяжении периода 2018–2022 гг. отмечается рост прочих поступлений, что свидетельствует о востребованности усилий как для выполнения дополнительных задач, так и пополнения финансовых возможностей музеев.

Самыми нестабильными и мало доходными являются финансовые поступления от сдачи имущества в аренду, по которым за весь период наблюдается «рваная» динамика. В некоторой степени данная статья доходов позволяет компенсировать недостаток государственного финансирования.

Анализ расходов музеев

Сопоставление структур финансирования и расходов музейных учреждений Вологодской области также позволяет говорить о недостаточности бюджетных ассигнований. Основные расходы музеев направлены на оплату труда, капитальный

ремонт (реставрацию), приобретение (замену) оборудования, пополнение фондов, организацию и проведение выставок, реставрацию предметов фондов, информатизацию деятельности музеев, обеспечение безопасности.

Расширенный анализ показал, что значительная доля расходов музеев в регионе приходится на оплату труда (темп роста за весь период – 116%). Начиная с 2021 года, в результате исполнения поручений Президента РФ (по итогам Послания Федеральному Собранию от 21 апреля 2021 года)¹⁸, увеличиваются расходы на капитальный ремонт и реставрацию (темп роста 2018–2021 гг. – 5312%). В 2022 году рост еще продолжался, однако уже в 2023 году в сравнении с предшествующим годом по данному показателю наблюдается снижение затрат (табл. 4).

Расходы на информатизацию музейной деятельности значительно выросли в 2020 году (2020 к 2018 году – 211,5%). Это, вероятно, может быть связано с длительной изоляцией населения в пандемию и расширением спектра предоставляемых онлайн-услуг, что объ-

Таблица 4. Динамика расходов музейных учреждений Вологодской области, в сопоставимых ценах 2023 года, млн руб.

Год	Расходы на оплату труда	Расходы на капитальный ремонт и реставрацию	Расходы на приобретение (замену) оборудования	Расходы на пополнение фонда музея	Расходы на организацию и проведение выставок	Расходы на реставрацию предметов фондов	Расходы на информатизацию музейной деятельности	Расходы на обеспечение безопасности
2018	521,7	10,7	9,4	2,5	6,9	4,5	2,6	34,7
2019	580,7	53,5	39,2	2,6	19,1	8,7	4,2	59,9
2020	593,1	13,4	43,7	3,3	12,7	3,9	5,5	37,7
2021	575,3	569,2	17,3	5,0	10,0	3,1	2,8	34,6
2022	598,9	625,0	62,0	4,6	25,4	3,4	3,3	41,3
2023	605,0	214,3	83,1	8,0	20,8	3,0	3,1	43,5
Темп роста, 2023 год к 2018 году, %	116	1999	887	316	302	66	117	125

Рассчитано по: данные АИС «Статистическая отчетность отрасли». URL: <https://stat.mkrf.ru/indicators> (дата обращения 04.11.2024).

¹⁸ Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/65524> (дата обращения 17.07.2024).

ясняет снижение затрат в этом направлении в последние два года. В целом за рассматриваемый период наблюдается положительная динамика по всем показателям. Исключение составили значения затрат на реставрацию предметов фондов (темп роста 2018–2023 гг. – 66%). Относительно 2022 года в 2023 году происходит снижение расходов на организацию и проведение выставок (82%).

В общей структуре расходов максимальные значения имеют расходы на оплату труда: в 2018 году – 88,0%, в 2019 году отмечается снижение до 75,6%, в 2020 году – рост до 83,1%, в 2021 и 2022 гг. за счет увеличения расходов на капитальный ремонт и реставрацию наблюдается существенное снижение – до 47,3 и 43,9% соответственно, в 2023 году доля затрат на труд вновь возрастает – до 61,7%. Таким образом, основная доля затрат в период 2018–2023 гг. приходилась на оплату труда (в среднем за период 66,6%) и капитальный ремонт, реставрацию (в среднем за период 20,8%). На другие статьи расходов в среднем за период приходилось 5% и менее. Самые минимальные значения имеют показатели, отражающие наиболее важные аспекты развития музеев. Так, на пополнение фондов музеев ежегодно расходуется менее 1%. Доля затрат на реставрацию предметов основного и научно-вспомогательного фондов лишь в 2020 году составляла 1,1%, далее наблюдалось ее снижение. Практически аналогичная ситуация с долей расходов на информатизацию музейной деятельности, максимальное значение было достигнуто в 2020 году (0,8%). Доли затрат на приобретение (замену) оборудования и на обеспечение безопасности экспозиции, фондохранилищ, посетителей в среднем за 2018–2023 гг. составили почти 5%. Статистические данные подтверждаются результатами социологических опросов¹⁹. Так, на вопрос «Если бы музей, в котором Вы работаете, получил дополнительное финансирование, на какие аспекты деятельности,

на Ваш взгляд, следовало бы его направить в первую очередь? (выберите не более трех ответов)» ответы в равной степени распределились по следующим статьям расходов: оплата труда (45%), капитальный ремонт и реставрация (45%), реставрация предметов основного и научно-вспомогательного фондов (45%). При этом максимальная доля ответов (60%) пришлась на приобретение (замену) оборудования.

Данные АИС «Статистическая отчетность отрасли» позволяют проанализировать структуру расходов музейных учреждений Вологодской области с точки зрения соотношения государственного финансирования и средств, полученных от предпринимательской деятельности и сдачи имущества в аренду²⁰. Статистические данные фиксируют значения израсходованных финансовых средств в целом и значения затрат за счет средств, полученных от предпринимательской деятельности и сдачи имущества в аренду. Исходя из этих сведений, а также с учетом доминирования бюджетных ассигнований в структуре финансирования музеев, можно сопоставить расходы государства и самих музеев на поддержание и развитие важнейших аспектов музейной деятельности (табл. 5).

Доля государственного финансирования является приоритетной в следующих направлениях расходов: оплата труда (88,6% в среднем за весь период), капитальный ремонт и реставрация (92,8%), пополнение фонда музея (91%), реставрация предметов фондов (87,8%), обеспечение безопасности (93,8%). Отметим, что даже эти важнейшие показатели не обеспечиваются в полной мере финансированием со стороны государства, музеи привлекают дополнительные средства. Доля средств от предпринимательской деятельности, сдачи имущества в аренду по указанным направлениям в среднем за период составляет 10,7; 8,1; 9,0; 12,2; 6,2% соответственно.

¹⁹ Данные экспертного целевого опроса «О развитии деятельности музейных учреждений региона», октябрь 2024 года.

²⁰ АИС «Статистическая отчетность отрасли». URL: <https://stat.mkrf.ru/indicators> (дата обращения 04.11.2024).

Таблица 5. Соотношение бюджетных ассигнований и средств от предпринимательской деятельности в расходах музеев Вологодской области, в сопоставимых ценах 2023 года, % (млн руб.)

Год	Оплата труда		Капитальный ремонт и реставрация		Пополнение фонда музея		Реставрация предметов фондов		Обеспечение безопасности	
	Средства от предпринимательской деятельности, сдачи имущества в аренду	Бюджетные ассигнования	Средства от предпринимательской деятельности, сдачи имущества в аренду	Бюджетные ассигнования	Средства от предпринимательской деятельности, сдачи имущества в аренду	Бюджетные ассигнования	Средства от предпринимательской деятельности, сдачи имущества в аренду	Бюджетные ассигнования	Средства от предпринимательской деятельности, сдачи имущества в аренду	Бюджетные ассигнования
2018	12,4 (64,8)	87,6 (456,9)	0,3 (0,03)	99,7 (10,7)	5,7 (0,1)	94,3 (2,4)	1,9 (0,1)	98,1 (4,4)	9,3 (3,2)	90,7 (31,5)
2019	11,7 (68,2)	88,3 (512,5)	37,4 (20,0)	62,6 (33,5)	16,2 (0,4)	83,8 (2,1)	14,8 (1,3)	85,2 (7,4)	7,0 (4,2)	93,0 (55,7)
2020	7,5 (44,6)	92,5 (548,5)	2,1 (0,3)	97,9 (13,2)	6,4 (0,2)	93,6 (3,1)	11,9 (0,5)	88,1 (3,4)	4,7 (1,8)	95,3 (35,9)
2021	9,9 (57,1)	90,1 (518,3)	0,4 (2,4)	99,6 (566,7)	9,5 (0,5)	90,5 (4,5)	15,0 (0,5)	85,0 (2,6)	3,6 (1,2)	96,4 (33,4)
2022	12,0 (72,0)	88,0 (526,9)	0,5 (3,1)	99,5 (621,9)	7,0 (0,3)	93,0 (4,2)	17,3 (0,6)	82,7 (2,8)	6,1 (2,5)	93,9 (38,8)
2023	14,8 (89,5)	85,2 (515,5)	2,6 (5,5)	97,4 (208,8)	41,1 (3,3)	58,9 (4,7)	12,7 (0,4)	87,3 (2,6)	6,6 (2,9)	93,4 (40,6)
Среднее значение	10,7 (66,0)	88,6 (513,1)	8,1 (5,2)	92,8 (242,5)	9,0 (0,8)	91,0 (3,5)	12,2 (0,5)	87,8 (3,9)	6,2 (2,6)	93,8 (39,3)

Рассчитано по: данные АИС «Статистическая отчетность отрасли». URL: <https://stat.mkrf.ru/indicators> (дата обращения 04.11.2024).

По прочим направлениям затрат преобладание государственного финансирования сохраняется, однако более весомой становится часть средств, вырученных от предпринимательской деятельности и аренды. Особенно показательными становятся значения затрат на приобретение (замену) оборудования, организацию и проведение выставок, информатизацию музейной деятельности (табл. 6).

В среднем за весь рассматриваемый период доля государственных затрат на оборудование составила 68,6% от общего числа поступлений (33,1 млн руб.). При этом в 2018 году доля средств от предпринимательской деятельности, сдачи имущества в аренду даже превышала бюджетные ассигнования

(56,9 против 43,1%). Довольно высокие показатели отмечаются и в 2021 году (40,3 и 59,7%). Такой важный аспект музейной деятельности, как организация и проведение выставок, реализуется с привлечением дополнительных средств в размере 38,3%, что говорит о явной нехватке государственного финансирования. Преобладание собственных средств музеев отмечается в 2019 (52,3 против 47,7%) и 2022 (55,7 против 44,3%) гг. Информатизация музейной деятельности также нуждается в дополнительном финансировании. В среднем за период 2018–2023 гг. доля средств, заработанных музеями, составила 33,8%, или 1,3 млн руб. Пик значений пришелся на 2020 год (50,1%, или 2,8 млн руб.).

Таблица 6. Соотношение бюджетных ассигнований и средств от предпринимательской деятельности в расходах музеев Вологодской области, в сопоставимых ценах 2023 года, % (млн руб.)

Год	Приобретение (замена) оборудования		Организация и проведение выставок		Информатизация музейной деятельности	
	Средства от предпринимательской деятельности, сдачи имущества в аренду	Бюджетные ассигнования	Средства от предпринимательской деятельности, сдачи имущества в аренду	Бюджетные ассигнования	Средства от предпринимательской деятельности, сдачи имущества в аренду	Бюджетные ассигнования
2018	56,9 (5,3)	43,1 (4,0)	35,2 (2,4)	64,8 (4,5)	43,9 (1,1)	56,1 (1,5)
2019	30,5 (119,6)	69,5 (27,3)	52,3 (10,0)	47,7 (9,1)	28,5 (1,2)	71,5 (3,0)
2020	10,3 (4,5)	89,7 (39,2)	27,1 (3,4)	72,9 (9,3)	50,1 (2,8)	49,9 (2,7)
2021	40,3 (7,0)	59,7 (10,3)	21,0 (2,1)	79,0 (7,9)	20,7 (0,6)	79,3 (2,2)
2022	18,9 (11,7)	81,1 (50,3)	55,7 (14,2)	44,3 (11,2)	33,0 (1,1)	67,0 (2,2)
2023	18,4 (15,3)	81,6 (67,8)	25,8 (5,4)	74,2 (15,5)	26,8 (0,8)	73,2 (2,2)
Среднее значение	31,4 (9,3)	68,6 (33,1)	38,3 (6,2)	61,7 (9,6)	33,8 (1,3)	66,2 (2,3)

Рассчитано по: данные АИС «Статистическая отчетность отрасли». URL: <https://stat.mkrf.ru/indicators> (дата обращения 04.11.2024).

Таким образом, несмотря на положительную динамику доли финансовых поступлений от государства в течение всего периода, отмечается явная нехватка этих средств. Привлечение иных источников для покрытия важнейших статей расходов свидетельствует о необходимости увеличения государственного финансирования.

Выводы

Значимость культуры в Российской Федерации подчеркивается как в научном, так и в общественно-политическом дискурсе. Являясь одним из важнейших национальных приоритетов, культура способствует сохранению единства культурного пространства страны, воспитанию и укреплению духовно-нравственных ценностей. Музейные учреждения играют особую роль в решении этой задачи, помогают развитию патриотизма, мировоззрения новых поколений. В современных условиях необходимо переосмысление значимости и роли

музеев по формированию идеологии, что, несомненно, повлечет усиление их финансовой поддержки.

Анализ финансирования и расходов музеев Вологодской области за 2018–2023 гг. показал общую положительную динамику. Темпы роста бюджетного финансирования за указанный период составили 150%. Вместе с тем статистические сведения о расходах музейных учреждений, а также данные экспертного целевого опроса «О развитии деятельности музейных учреждений региона» свидетельствуют о недостаточности финансирования, в результате чего музеи вынуждены самостоятельно зарабатывать средства, отвлекаясь от приоритетной задачи приобщения населения к культурным ценностям. Доля привлечения музеями дополнительных источников дохода в зависимости от специфики статей расходов варьируется от 6,2 до 38,3%.

Анализ финансовых поступлений позволяет говорить, с одной стороны, о недостаточности бюджетного финансирования, с другой – о развитии музеев и активизации их работы с потребителями, расширении спектра культурных услуг. Сопоставление финансирования и расходов музеев региона свидетельствует о важности государственного финансирования. Необходимо сохранить приоритет бюджетных ассигнований, при этом не снижая финансирование, а увеличивая его, предоставляя тем самым музеям возможность сосредоточиться на выполнении их главной функции – способствовать воспитанию и укреплению идеологии,

мировоззрения, традиционных ценностей молодежи на благо дальнейшего развития страны. Только в этом случае у большинства российских музеев появится реальная возможность сделать уверенный шаг вперед. Не менее важно обратить внимание на статус музейных учреждений, исключив их из сферы услуг и вернув им доминанту просветительских функций. В числе возможных инструментов увеличения финансирования видятся введение целевых программ, в том числе на конкурсной основе, более активное привлечение средств фондов, проекты которых нацелены на развитие музейной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- Богомазов Г.Г., Давыдова Д.А. (2017). Сфера культуры как объект изучения экономической науки // Вестник СПбГУ. Экономика. Т. 33. Вып. 3. С. 415–432.
- Верников А.В., Курышева А.А. (2024). Правда ли, что национальные экономические традиции тормозят развитие? (институциональный подход) // Экономическое возрождение России. № 2 (80). С. 122–140. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-122-140
- Горшков М.К. (2022). Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / под ред. М.К. Горшкова. Москва: Весь Мир. 248 с.
- Горшков М.К., Комиссаров С.Н. (2019). Ревальвация культуры и задачи социологии // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 17 / отв. ред. М.К. Горшков. Москва: Новый Хронограф. С. 17–47. DOI: 10.19181/ezheg.2019.1
- Горшков М.К., Комиссаров С.Н., Карпухин О.И. (2022). На переломе веков: социодинамика российской культуры. Москва: ФНИСЦ РАН. 703 с.
- Косыгина К.Е. (2024). Культурный потенциал современного российского региона: инфраструктура и потребление услуг населением (на примере Вологодской области) // Социологическая наука и социальная практика. № 2. С. 55–77.
- Музычук В.Ю. (2017). Государственный патернализм в сфере культуры: анализ динамики бюджетного финансирования в России // Федерализм. № 2 (86). С. 97–116.
- Музычук В.Ю. (2018). Сфера культуры и результаты культурной деятельности в контексте политэкономического подхода // Вопросы политической экономии. № 4. С. 91–103.
- Музычук В.Ю. (2019). Финансирование культуры в России: шаг вперед и два назад... // Журнал НЭА. № 1 (41). С. 208–215.
- Музычук В.Ю. (2021). Культурная повестка в формировании качества народонаселения России // Уровень жизни населения регионов России. Т. 17. № 2. С. 178–191. DOI: 10.19181/lspr.2021.17.2.2
- Музычук В.Ю. (2022). Экономика культурного наследия в России: особенности и противоречия // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 6. С. 7–33. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_7_33
- Музычук В.Ю., Хаунина Е.А. (2015). Механизмы поддержки музеев в условиях экономического кризиса (на примере крупнейших музеев Европы и России) // Журнал НЭА. № 1 (25). С. 132–161.
- Рубинштейн А.Я. (2005). Экономика культуры / отв. ред. А.Я. Рубинштейн. Москва: Слово. 436 с.

- Рубинштейн А.Я., Городецкий А.Е. (2017). Некоторые аспекты экономической теории государства: науч. доклад. Москва. 58 с.
- Синютин А.А. (2024). Проблемы формирования патриотизма как средства укрепления духовного суверенитета в современном российском обществе // Гуманитарий Юга России. Т. 13. № 3 (67). С. 88–99. DOI: 10.18522/2227-8656.2024.3.7
- Тросби Д. (2013). Экономика и культура / пер с англ. И. Кушнаревой. Москва: ИД ВШЭ. 256 с.
- Харрисон Л., Хантингтон С. (2002). Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Антология. Москва: Московская школа полит. исследований. 316 с.
- Цинченко Г.М., Орлова И.С. (2019). Проблемы реализации и перспективы развития государственной политики в сфере музейной деятельности на федеральном и региональном уровне // Управленческое консультирование. № 12. С. 46–58.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александра Анатольевна Шабунова – доктор экономических наук, доцент, директор, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

Татьяна Игоревна Соколова – кандидат филологических наук, ученый секретарь, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tisokolova1983@mail.ru)

Shabunova A.A., Sokolova T.I.

THE FUNCTIONING OF MUSEUMS IN THE VOLOGDA REGION THROUGH THE PRISM OF THEIR FINANCIAL SUPPORT

In modern conditions, the role of culture, in its broadest sense, is becoming increasingly important. Museum institutions are of particular importance in addressing the major tasks of preserving the unity of the country's cultural space, disseminating and strengthening traditional Russian values. The effective functioning of museums is largely determined by the level of their financial support. The study is devoted to the analysis of museum financing. The paper describes the dynamics of financial indicators for Russia as a whole and the Northwestern Federal District. We focus on the institutions of the Vologda Region, the sources of their financing, and the structure of expenditures for 2018–2023. The aim of the work is to assess the level of public financing for the region's museums, taking into account all sources of financing and the structure of the institutions' expenditures. The data from the automated information system "Statistical reporting of the sector" and the data from the expert targeted survey "On the development of the activities of museum institutions in the region", conducted using our own tools in October 2024, were used as an information base. The processing and interpretation of the collected data was carried out using systems, comparative, statistical and sociological analysis. It has been established that the allocated budget funds are insufficient to solve problems related to the current activities and development of museums in the region. Due to the conceptual importance of the issues of educating the younger generation for the future development of the country, it is important to maintain and increase the priority share of public financing and its increase.

Culture, cultural sphere, museums, region, public service, worldview formation, public financing, extra-budgetary financing.

REFERENCES

- Bogomazov G.G., Davydova D.A. (2017). The sphere of culture as an object of economic science study. *Vestnik SPbGU. Ekonomika*, 33(3), 415–432 (in Russian).
- Gorshkov M.K. (2022). *Istoricheskoe soznanie rossiyan: otsenki proshlogo, pamyat', simvol'y (opyt sotsiologicheskogo izmereniya)* [Historical Consciousness of Russians: Assessments of the Past, Memory, Symbols (Experience of Sociological Measurement)]. Moscow: Ves' Mir.
- Gorshkov M.K., Komissarov S.N. (2019). Revaluation of culture and challenges to sociological sciences. *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik*, 17, 17–47. DOI: 10.19181/ezheg.2019.1 (in Russian).
- Gorshkov M.K., Komissarov S.N., Karpukhin O.I. (2022). *Na perelome vekov: sotsiodinamika rossiiskoi kul'tury* [At the Turn of the Century: Sociodynamics of Russian Culture]. Moscow: FNISTs RAN.
- Harrison L., Huntington S. (2002). *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu. Antologiya* [Culture Matters: How Values Shape Human Progress. Anthology]. Moscow: Moskovskaya shkola polit. issledovaniy.
- Kosygina K.E. (2024). The cultural potential of the modern Russian region: infrastructure and consumption of services by the population (on the example of the Vologda region. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 2, 55–77 (in Russian).
- Muzychuk V.Yu. (2017). State paternalism in the sphere of culture: Analysis of the dynamics of budget financing in Russia. *Federalizm*, 2(86), 97–116 (in Russian).
- Muzychuk V.Yu. (2018). The sphere of culture and the results of cultural activity in the context of a political economy approach. *Voprosy politicheskoi ekonomii*, 4, 91–103 (in Russian).
- Muzychuk V.Yu. (2019). Financing of the arts and culture in Russia: A step forward and two back... *Zhurnal NEA=Journal of the New Economic Association*, 1(41), 208–215 (in Russian).
- Muzychuk V.Yu. (2021). Cultural agenda in formation of population quality in Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, 17(2), 178–191. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.2.2 (in Russian).
- Muzychuk V.Yu. (2022). Economics of cultural heritage in Russia: Features and contradictions. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*, 6, 7–33. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_7_33 (in Russian).
- Muzychuk V.Yu., Khaunina E.A. (2015). Support mechanisms for museums in the economic crisis (the example of major museums of Europe and Russia). *Zhurnal NEA=Journal of the New Economic Association*, 1(25), 132–161 (in Russian).
- Rubinshtein A.Ya. (2005). *Ekonomika kul'tury* [Economics of Culture]. Moscow: Slovo.
- Rubinshtein A.Ya., Gorodetskii A.E. (2017). *Nekotorye aspekty ekonomicheskoi teorii gosudarstva: nauch. доклад* [Some Aspects of the Economic Theory of the State: Scientific Report]. Moscow.
- Sinyutin A.A. (2024). Problems of the formation of patriotism as a means of strengthening spiritual sovereignty in modern Russian society. *Gumanitarii Yuga Rossii*, 13(3)(67), 88–99. DOI: 10.18522/2227-8656.2024.3.7 (in Russian).
- Throsby D. (2013). *Ekonomika i kul'tura* [Economics and Culture]. Moscow: ID VShE.
- Tsinchenko G.M., Orlova I.S. (2019). Implementation problems and prospects for the development of public policy in the field of museum activities at the federal and regional level. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie=Administrative Consulting*, 12, 46–58 (in Russian).
- Vernikov A.V., Kurysheva A.A. (2024). Is it true that national economic traditions slow down development? (institutional approach). *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii=Economic Revival of Russia*, 2(80), 122–140. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-122-140 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksandra A. Shabunova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

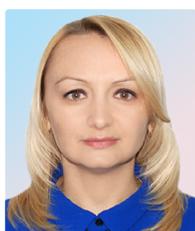
Tatyana I. Sokolova – Candidate of Sciences (Philology), Academic Secretary, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tisokolova1983@mail.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2025.1.135.7

УДК 332.122 | ББК 65.04

© Манаева И.В.

ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКА В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ: ПАРАМЕТРЫ И ЗАВИСИМОСТИ

ИННА ВЛАДИМИРОВНА МАНАЕВА

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Российская Федерация

e-mail: in.manaeva@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4517-7032; ResearcherID: E-5025-2017

Здоровье населения – это неотъемлемая часть общества и экономической деятельности. Без физически и психологически здорового населения экономика теряет способность развивать конкурентоспособную производительность, что в результате препятствует экономическому росту. Цель исследования – оценка взаимосвязи индикаторов здоровья населения и экономики в регионах РФ. Для проведения исследования определен результирующий показатель – ВРП на душу населения в регионах России; факторные показатели: продолжительность жизни; индекс заболеваемости в регионе; коэффициент умерших в трудоспособном возрасте для трехлетнего лага. Информационную базу составили данные Федеральной службы государственной статистики. Объект исследования – регионы России в границах федеральных округов. Период исследования: 2000–2022 гг. За 2000–2022 гг. продолжительность жизни населения в регионах РФ значительно увеличилась. Лидерами по данному индикатору здоровья являются Москва, республики Дагестан и Ингушетия. Графическим путем для регионов РФ (исключение – Северо-Кавказский федеральный округ) выявлено, что показатель «продолжительность жизни» имеет прямую корреляцию с ВРП на душу населения в регионах РФ. С помощью расчетов определено положительное влияние параметра «продолжительности жизни» на экономику субъекта с разной степенью значимости. Значимое отрицательное влияние индекса заболеваемости в регионе обнаружено для субъектов Центрального, Южного, Приволжского и Сибирского федеральных округов. Негативное влияние коэффициента умерших в трудоспособном возрасте для трехлетнего лага получено для Центрального, Северо-Кавказского и Приволжского федеральных округов. Проведенное исследование

Для цитирования: Манаева И.В. (2025). Здоровье населения и экономика в российских регионах: параметры и зависимости // Проблемы развития территории. Т. 29. № 1. С. 89–106. DOI: 10.15838/ptd.2025.1.135.7

For citation: Manaeva I.V. (2025). Population health and the economy in Russian regions: Parameters and relations. *Problems of Territory's Development*, 29 (1), 89–106. DOI: 10.15838/ptd.2025.1.135.7

дополняет цикл работ в области теории, эмпирики и анализа взаимосвязи здоровья и экономического развития.

Регион, экономический рост, ВРП, здоровье населения, продолжительность жизни, индекс заболеваемости, коэффициент смертности в трудоспособном возрасте, качество жизни.

Введение

Здоровье населения – это неотъемлемая часть общества и экономической деятельности. Без физически и психологически здорового населения экономика теряет способность развивать конкурентоспособную производительность, что в свою очередь препятствует экономическому росту. Потери государства из-за временной нетрудоспособности населения составляют 0,3% ВВП, в результате преждевременной смерти – 17% ВВП (Окрепилов, 2012).

Пандемия COVID-19 вызвала рост научного интереса экономистов к вопросам тенденций и зависимостей состояния здоровья населения и экономического развития. Перед учеными встали концептуальные и методологические проблемы, связанные с измерением неоднородного воздействия состояния здоровья населения на сферу экономики в разных странах и регионах с точки зрения размера и направленности.

Исследование особенностей зависимости состояния здоровья населения и экономики в регионах России значимо и актуально по ряду причин. Во-первых, Российская Федерация – уникальная по природно-географическим и климатическим параметрам страна, что в целом определяет особенности жизнедеятельности, состояние здоровья и качество жизни населения. Во-вторых, субъекты РФ дифференцированы по социально-экономическим параметрам. Так, разница между максимальным (Ненецкий автономный округ) и минимальным (Республика Ингушетия) значением ВРП на душу населения в 2021 году составляла 61,5 раза; максимальным (Республика Ингушетия) и минимальным (Чукотский автономный округ) значением средней продолжительности жизни в 2022

году – 1,2 раза; максимальным (Чукотский автономный округ) и минимальным (Республика Ингушетия) значением смертности в трудоспособном возрасте в 2022 году – 6 раз¹.

Существующие структурные различия в регионах России и уровень качества жизни вызывают предположение о пространственной неравномерности влияния состояния здоровья населения на экономическое развитие. Таким образом, целью данного исследования выступает оценка роли здоровья населения в стимулировании экономического развития российских регионов.

Теоретическая гипотеза предполагает, что эффекты состояния здоровья населения оказывают влияние на экономическое развитие, степень данного влияния в российских регионах дифференцирована.

Теоретическая и методологическая база исследования: работы отечественных и зарубежных ученых в области теории, эмпирики и анализа тенденций и зависимости состояния здоровья населения и экономической сферы. В работе используются методы, обеспечивающие сопоставимость наших оценок с результатами, полученными в трудах зарубежных ученых.

Литературный обзор

Теоретико-методологические исследования по вопросам оценки роли здоровья населения в экономическом развитии являются значимыми и актуальными в современной отечественной и зарубежной научной литературе. В ряде работ проводится анализ влияния первоначального уровня состояния здоровья на экономический рост с применением перекрестной выборки стран (Barro, 1991; Durlauf et al., 2005); состояние

¹ Рассчитано по: данные Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 19.11.2024).

здоровья оценивается через показатель «продолжительность жизни» (Sachs, Warner, 1997; Bloom et al., 2004; Suri et al., 2011).

Р. Барро впервые включил параметры состояния здоровья населения в модель экономического роста и пришел к выводу, что здоровье является драйвером экономического развития (Barro, Sala-i-Martin, 1995). Полученные выводы вызвали волну эмпирических исследований (Bloom et al., 2004; Lorentzen et al., 2008; Zhang, Zhang, 2005), по результатам которых определена прямая корреляция продолжительности жизни и различных показателей ВВП и его роста, в отдельных трудах (Bhargava et al., 2001) выявлена взаимосвязь в виде параболы, ветви которой направлены вниз.

Влияние здоровья населения на экономический рост происходит через несколько механизмов, оказывая прямой или косвенный эффект:

- прямой эффект – здоровое население обладает большей производительностью труда;

- косвенные эффекты: а) здоровое население заинтересовано в повышении уровня образования, что впоследствии стимулирует экономический рост и развитие национальной экономики в целом; б) здоровое стареющее население откладывает доходы на пенсию, увеличивая инвестиционный и физический капитал (Weil, 2007).

В работах Г. Шастри и Д. Вейла выявлена положительная корреляция состояния здоровья населения и совокупной производительности труда, величина этого влияния в разных странах находится в диапазоне от 10% (межстрановые различия в совокупном доходе) (Weil, 2007) до 1/3 (Shastri, Weil, 2003).

Д. Асемоглу и С. Джонсон опровергают гипотезу о том, что здоровье является причиной экономического роста. По мнению ученых, глобальные мероприятия в области здравоохранения и внедрение новых лекарственных препаратов привели к снижению смертности практически во всех странах, независимо от экономического положения. Улучшение состояния

здоровья оказывает негативное причинно-следственное воздействие на экономический рост. Данные выводы базируются на применении неоклассической модели роста, в которой рождаемость остается постоянной при снижении смертности и, как следствие, увеличиваются темпы прироста населения (Acemoglu, Johnson, 2007). Этот результат согласуется с выводом коллектива авторов под руководством А. Бхаргавы о том, что первоначально положительная взаимосвязь продолжительности жизни и роста ВВП становится отрицательной при высоких уровнях продолжительности жизни (Bhargava et al., 2001).

К. Хансен не подтвердил значимого влияния уровня продолжительности жизни на ВВП на душу населения в США (Hansen, 2014). В последующих работах, применяя трехточечную шкалу на международных данных за 1900, 1940 и 1980 гг. с учетом первоначальных данных состояния здоровья населения, К. Хансен и Л. Ленstrup (Hansen, Lönstrup, 2015) заключили, что увеличение продолжительности жизни негативно влияет на ВВП в расчете на душу населения.

М. Сервеллати и У. Сунде вносят ясность в данные выводы путем включения в исследование параметра «демографический переход». Разделив выборку стран на «до и после переходного периода» с применением методологии Д. Асемоглу и С. Джонсон (Acemoglu, Johnson, 2007), ученые заключили, что до переходного периода увеличение продолжительности жизни негативно сказывается на экономическом развитии; с наступлением переходного периода показатели «продолжительность жизни» и «ВВП на душу населения» коррелируют (Cervellati, Sunde, 2011). Данный эффект вызван различным влиянием продолжительности жизни на рождаемость и уровнем развития системы образования в разных странах (Cervellati, Sunde, 2015).

Отдельно необходимо выделить работы, в которых оценивается непосредственное влияние болезней населения (сердечно-сосудистая система, онкология, эпидемии и т. д.) на экономическое развитие. М. Сурке

и Д. Урбан выявили негативное влияние сердечно-сосудистых заболеваний на экономику высокоразвитых стран в 1960–2000 гг. (Suhrcke, Urban, 2010). Позднее данный вывод был подтвержден Т. Хиклак для временного периода 2000–2012 гг. (Hyclak et al., 2016). К. Гартуэйт утверждает, что ограниченный доступ к инновационным обезболивающим фармацевтическим средствам сокращает предложение рабочей силы в США (Garthwaite, 2012). Эти выводы указывают на значительное положительное макроэкономическое воздействие здравоохранения и медико-санитарной помощи в конкретных областях, связанных с заболеваниями.

В методологии анализа влияния системы здравоохранения на экономическое развитие применяются различные подходы:

- «увеличение продолжительности жизни либо снижение смертности в рамках производственных функций здоровья» (Auster et al., 1969; Thornton, 2002);
- снижение последствий эпидемий (Gallup, Sachs, 2001; Dixon et al., 2002);
- «увеличение затрат на здравоохранение для повышения качества человеческого капитала» (Аганбегян, 2017).

В отечественной литературе существует значимый задел исследований в части изучения взаимосвязи здоровья населения и экономического развития территорий.

Для оценки потерь здоровья населения широко применяется показатель потерянных годов потенциальной жизни (ППЖ; Potential Years of Life Lost, PYLL). Потерянные годы жизни рассчитываются как сумма произведений абсолютного числа умерших на недожитые годы в каждой возрастной группе²:

$$PYLL = \sum D_i \times a_i, \quad (1)$$

где:

D_i – абсолютное число умерших в возрастном интервале i ;

a_i – недожитые годы.

В отдельных исследованиях влияние здоровья населения на экономическое развитие анализируется через человеческий капитал. Н.В. Акиндинова с соавторами подчеркивают, что включение параметров здоровья в индекс человеческого капитала позволяет более точно обосновать человеческий капитал фактором экономического роста (Акиндинова и др., 2017).

Д.А. Авдеева, учитывая фактор здоровья как составляющую человеческого капитала, приходит к выводу, что «здоровье населения в рабочих возрастах устойчиво улучшалось с 2004 по 2019 гг. Положительной динамике здоровья способствовали возросшие уровни образования населения. Основной положительный вклад человеческого капитала в рост российской экономики пришелся на 2006–2017 гг.» (Авдеева, 2024).

Н.С. Горчакова утверждает, что здоровье – это основа человеческого капитала, которая оказывает прямое влияние на экономическое состояние общества, регионов и страны в целом (Горчакова, 2021).

Коллектив ученых под руководством О.А. Демидовой с применением пространственно-эконометрической модели Дарбина провел оценку влияния роста расходов в сфере здравоохранения и спорта на экономику регионов РФ. По результатам полученных расчетов ученые пришли к выводу, что «средняя оптимальная доля расходов на здравоохранение и спорт в ВРП с учетом пространственных эффектов должна составлять 5,9%, а без их учета – 7,6%» (Демидова и др., 2021). М.А. Канева, оценивая роль «капитала здоровья» в региональной экономике РФ с включением затрат на науку, заключила, что «рост государственных расходов на здравоохранение как доли ВРП на 1 п. п. приводит к увеличению темпа прироста ВРП на душу населения на 1,34 п. п.» (Канева, 2019).

Методический подход, предложенный Д.И. Шмаковым, позволяет оценить экономический ущерб от потерь здоровья населения. В методику включены следующие

² Демография для практических работников: методические рекомендации для специалистов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (2014) / под ред. Л.Л. Рыбаковского. Москва.

компоненты: заболеваемость, смертность и инвалидность с дифференциацией по признакам (возраст, пол, вид заболеваемости, группа инвалидности) (Шмаков, 2004). А.П. Егоршин и Н.А. Полина представили авторскую методику для оценки экономического эффекта от снижения уровня заболеваемости и инвалидности населения. Ученые утверждают, что «экономический ущерб, обусловленный временной утратой трудоспособности, складывается из четырех основных компонентов: новопроизведенный ВРП, суммарный объем выплат в связи с временной нетрудоспособностью, затраты на стационарное лечение, затраты на амбулаторное лечение» (Егоршин, Полина, 2015). Л.Н. Фахрадова и О.Н. Калачикова проводят оценку времени болезни в регионе путем расчета величины новопроизведенного ВРП с использованием следующих показателей: «величина ВРП в основных ценах на одного занятого в экономике, средняя продолжительность временной утраты трудоспособности в рабочих днях на одного занятого, число дней временной утраты трудоспособности, фонд рабочего времени в регионе» (Фахрадова, Калачикова, 2016).

Д.А. Кирьянов с соавторами экономические потери, связанные с заболеваемостью и смертностью населения, рассчитывают как потери, обусловленные недопроизводством валового внутреннего продукта (ВВП) по следующей формуле (Кирьянов и др., 2021):

$$\Delta P = \Delta Y \times \delta \times V \frac{L}{365}, \quad (2)$$

где:

ΔP – вероятный экономический ущерб, связанный с нарушениями здоровья, руб.;

ΔY – абсолютное число случаев нарушений здоровья;

δ – доля случаев нарушений здоровья, сопровождающихся выбытием человека из трудовой деятельности;

V – экономические потери, обусловленные недопроизводством валового продукта из-за выбытия человека из трудовой деятельности на 1 год, руб. на 1 занятого в экономике;

L – средняя длительность 1 случая нарушения здоровья, сопровождающегося выбытием человека из трудовой деятельности, дней.

Б.А. Ревич и В.Н. Сидоренко утверждают, что «стоимость инвалидности может оцениваться по величине пенсионного обеспечения, затратами на проведение врачебно-трудовой (медико-социальной) экспертизы, затратами, связанными с трудоустройством и профессиональным обучением инвалидов, затратами на протезирование и протезостроение, а также затратами, связанными с содержанием в домах-интернатах для престарелых и инвалидов» (Ревич, Сидоренко, 2006). В методике Э.Я. Немсцверидзе определены наиболее значимые издержки в связи с выходом на инвалидность трудоспособного населения: «затраты на финансирование амбулаторно-поликлинических учреждений; затраты на стационарное лечение больных с хроническими формами заболевания; затраты на дополнительные методы исследования и профилактические осмотры; затраты на социальное обеспечение инвалидов и пособия по стойкой утрате трудоспособности; ущерб, обусловленный недопроизведенным общественным продуктом в связи с утратой трудоспособности» (Немсцверидзе, 2012).

Пандемия COVID-19 определила необходимость оценки влияния заболеваемости и смертности населения, а также введенных ограничительных мер в связи с распространением коронавирусной инфекции как на экономику отдельных регионов, отраслей, так и страны в целом. А.В. Топилин и О.Д. Воробьева рассмотрели процессы трансформации рынка труда, региональные особенности провалов рынка и его восстанавливаемости в условиях пандемии COVID-19 (Топилин, Воробьева, 2023). А.А. Песоцкий разделил регионы РФ на три кластера по степени урона от экономического шока, вызванного пандемией коронавируса: «пострадавшие в большей степени, промежуточная группа, пострадавшие в меньшей степени» (Песоцкий, 2022). При анализе полученных данных использовался

метод главных компонентов и инструменты *R-statistics* языка программирования *R* (Песоцкий, 2022). Эмпирический анализ факторов сокращения экономической активности позволил Е.А. Коломак прийти к выводу, что «малый бизнес оказался фактором, который сыграл позитивную роль в поддержании производства регионов России, благодаря гибкости и предпринимательской инициативе» (Коломак, 2020). Значимость факторов определялась на основе регрессионного анализа. Анализируя недополученную выручку российских предприятий за период «карантинных каблуков», Е.В. Лисова отмечает взаимосвязь действий властей регионального уровня и возможных последствий COVID-19. По мнению ученого, «существует значимая дифференциация убытков от последствий пандемии в зависимости от сферы деятельности. Так, среди анализируемых девяти сфер больше всего недополучили предприятия оптовой торговли непродовольственными товарами (504 млрд руб.), а меньше всего – гостиницы и общепит (18 млрд руб.)» (Лисова, 2020).

Данные и методы

Цель работы может быть достигнута путем построения системы моделей оценки влияния состояния здоровья населения на экономическое развитие регионов.

Литературный обзор исследований по заявленной проблематике позволяет сформировать систему имманентных индикаторов здоровья населения в регионе:

а) продолжительность жизни – наиболее распространенная мера состояния здоровья, показатель является информативным комплексным индикатором, характеризующим состояние здоровья населения; динамика параметра объективно отражает изменения здоровья населения (Sachs, Warner, 1997; Bhargava et al., 2001, Bloom et al., 2004; Suri et al., 2011);

б) индекс заболеваемости в регионе – статистика заболеваемости является значимым индикатором оценки здоровья населения; его включение в модель основано на

гипотезе о том, что сокращение заболеваемости в регионе увеличивает производительность труда, повышает эффективность инвестиций и в целом способствует экономическому росту субъекта (Bleakley, 2010; Garthwaite, 2012; Шмаков, 2004);

в) коэффициент умерших в трудоспособном возрасте включен в методику, т. к. является критерием состояния здоровья именно работающего населения, т. е. населения, непосредственно участвующего в формировании валового регионального продукта; следовательно, сокращение числа умерших в трудоспособном возрасте, по аналогии со снижением заболеваемости, способствует экономическому росту региона (Boucekkine et al., 2002; Bloom et al., 2003; Шмаков; 2004, Окрепилов, 2012).

Коэффициент умерших в регионе целесообразно оценивать для трехлетнего лага, потому что данный фактор оказывает влияние на экономическое развитие будущих периодов, а не на текущий год.

Результирующим показателем определен ВРП на душу населения, так как данный критерий является важнейшей характеристикой экономического развития субъекта и в целом определяется результатами хозяйственной деятельности на территории.

Ввиду того что показатели выражаются в финансовых или натуральных эквивалентах, возьмем их значения по натуральному логарифму:

$$\ln GRP_{it} = const + \beta_1 \ln Lif_{it} + \beta_2 \ln Mor_{it} + \beta_3 \ln WorkAge_{it\_lag_3} + \varepsilon, \quad (3)$$

где:

GRP_{it} – валовой региональный продукт на душу населения в регионе i в период времени t ;

Lif_{it} – продолжительность жизни в регионе i в период времени t ;

Mor_{it} – индекс заболеваемости в регионе i в период времени t ;

$WorkAge_{it\_lag_3}$ – коэффициент умерших в трудоспособном возрасте в регионе i в период времени t для трехлетнего лага;

$const$ – константа;

ε – ошибка модели.

Для построения системы моделей используем панельные данные 83 субъектов РФ за период 2000–2022 гг. Республика Крым и Севастополь исключены по причине недостаточности статистических данных. Данные по Архангельской и Тюменской областям принимались отдельно, без включения автономных округов. Автономные округа учитывались как отдельные субъекты Федерации. Расчеты проведены методом наименьших квадратов для регионов в разрезе федеральных округов. Целесообразность оценки регионов в границах федеральных округов определена рядом причин: 1) субъекты РФ расположены в различных природно-географических условиях, определяющих их приоритеты и угрозы состоянию здоровья населения; 2) регионы РФ находятся на разных фазах демографического перехода: в Северо-Кавказском федеральном округе (самый бедный субъект, низкий уровень урбанизации) наблюдается высокий естественный прирост населения (6–7%); эмпирическим путем подтверждено, что параметры здоровья оказывают различное влияние на экономику субъекта в зависимости от фазы демографического перехода (Acemoglu, Johnson, 2007). Модели

для каждого федерального округа будут построены с одинаковым набором переменных.

Информационная база – данные Федеральной службы государственной статистики.

Результаты исследования

Для того чтобы дать общее представление о состоянии здоровья населения и экономики в регионах РФ и страны в целом, на рис. 1 представлена динамика показателей здоровья населения и экономического развития в РФ.

Таким образом, можно говорить о значимой положительной динамике индикатора экономического развития «ВРП на душу населения», при этом инвестиции в основной капитал в расчете на душу населения также растут. Необходимо отметить положительную тенденцию в состоянии здоровья населения за анализируемый период: на фоне снижения смертности населения в трудоспособном возрасте происходит увеличение средней продолжительности жизни.

В рамках исследования целесообразно рассмотреть динамику показателя «продолжительность жизни» в регионах РФ (рис. 2).

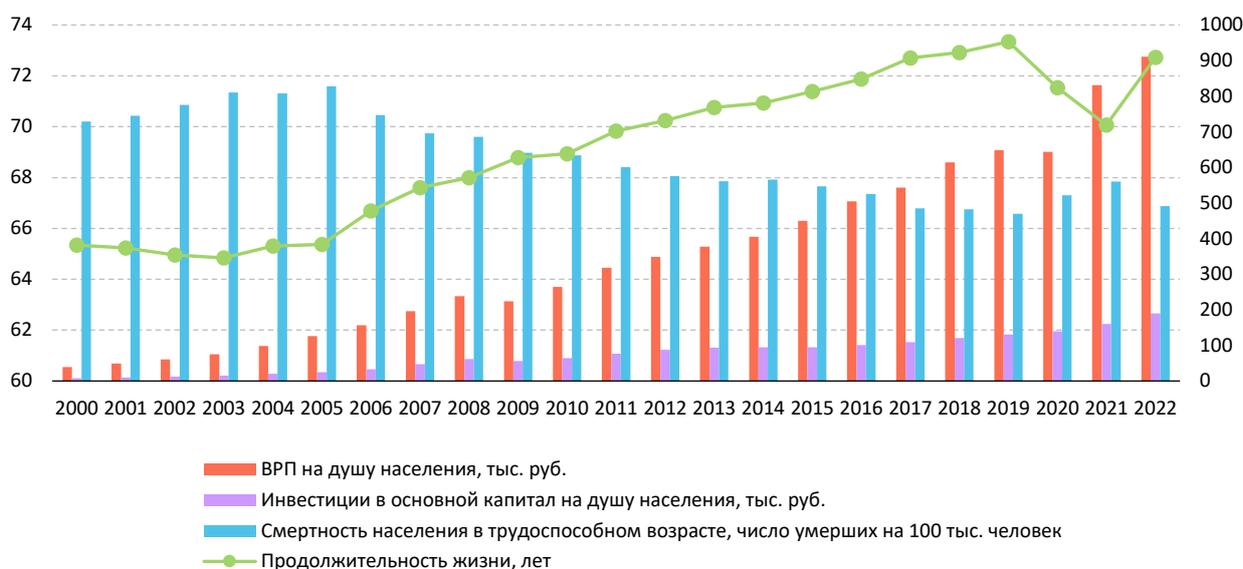
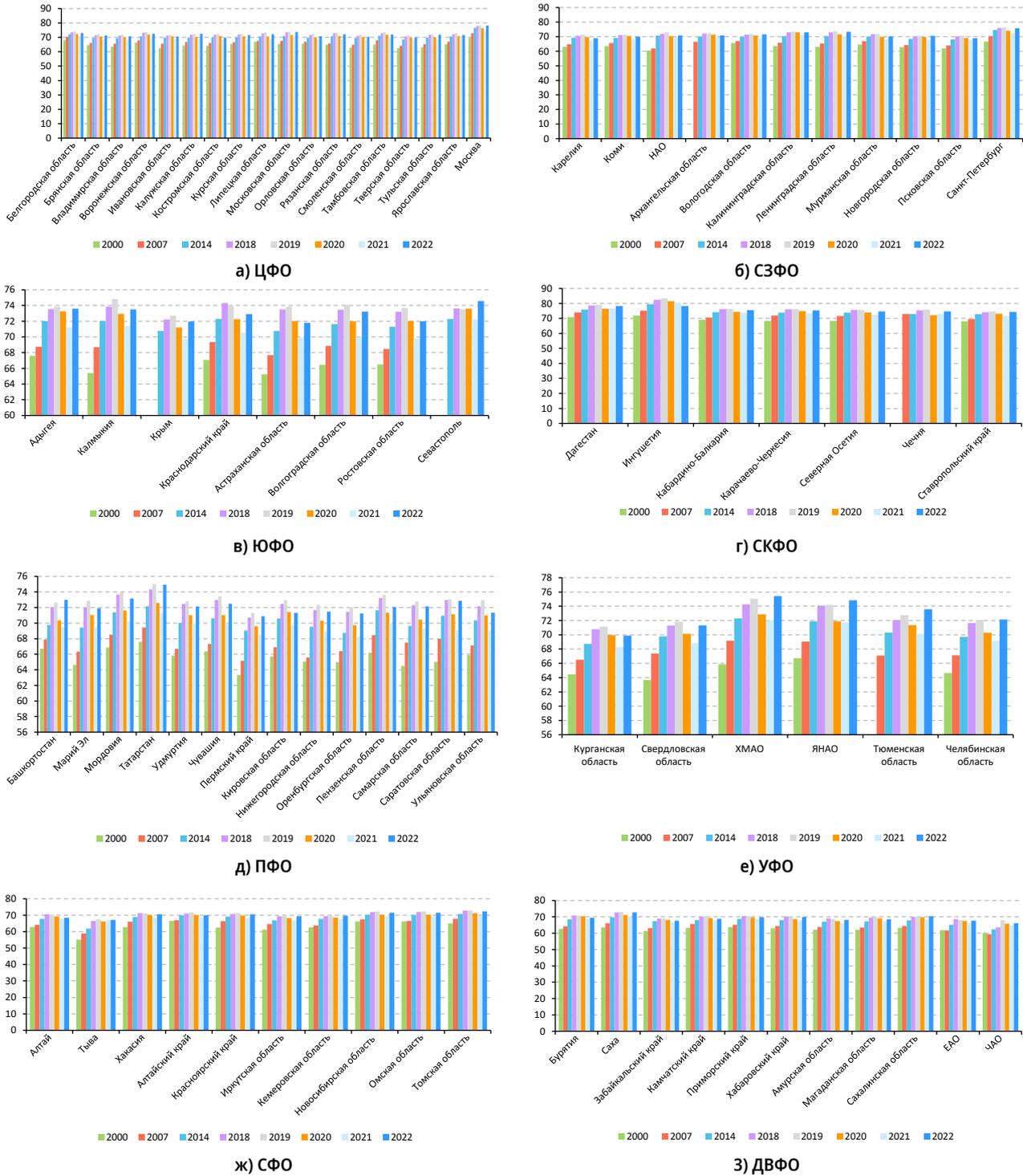

Рис. 1. Динамика показателей здоровья населения и экономического развития в Российской Федерации в 2000–2022 гг.*

* ВРП на душу населения рассчитан с учетом индекса дефлятора.

Рассчитано по: данные Федеральной службы государственной статистики.

URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 17.10.2024).

Рис. 2. Динамика продолжительности жизни в регионах Российской Федерации в 2000–2022 гг., лет

Расчитано по: данные Федеральной службы государственной статистики.
 URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 22.03.2024).

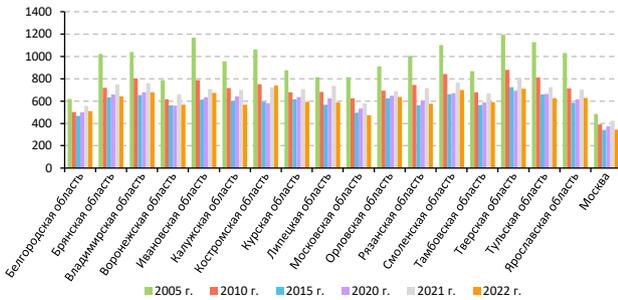
Следует подчеркнуть, что значение показателя «продолжительность жизни» и его динамика за период 2000–2022 гг. в субъектах РФ дифференцированы. Лидерами по про-

должительности жизни на конец анализируемого периода являются Москва (78,7 года), республика Дагестан (78,22), Ингушетия (78,34). Минимальные значения продолжи-

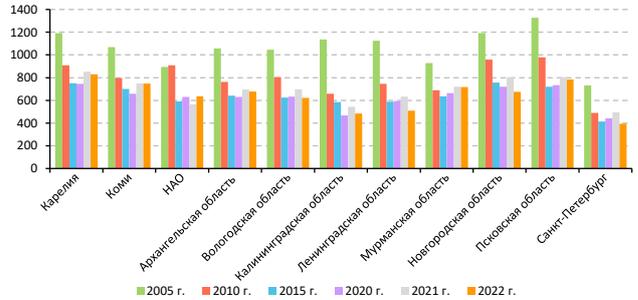
тельности жизни в 2022 году зафиксированы в Чукотском автономном округе (66,2 года), Еврейской автономной области (67,7), Республике Тыва (67,11). Максимальный рост показателя в 2022 году по отношению к 2000 году наблюдается в Ненецком автономном округе (16,8%), Ленинградской

области (16,3%), Республике Тыва (21,7%). Аутсайдерами по темпу роста продолжительности жизни являются Архангельская область (6,7%) и Алтайский край (5,1%).

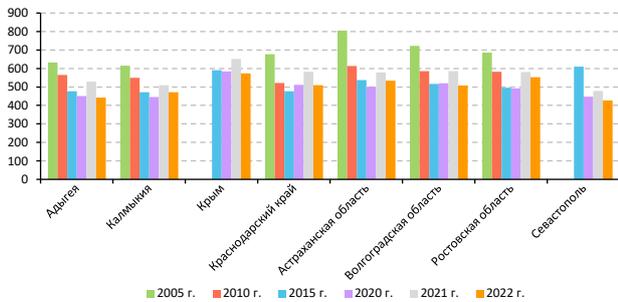
На рис. 3 представлена динамика смертности населения в трудоспособном возрасте в регионах РФ.

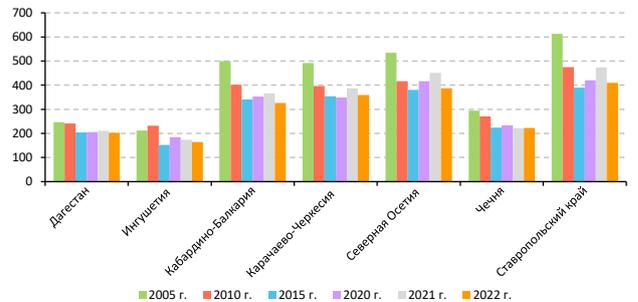
а) ЦФО

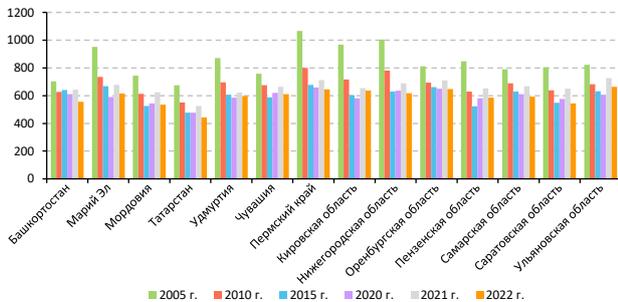
б) СЗФО

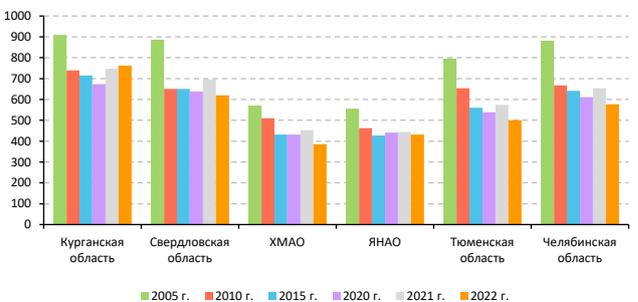
в) ЮФО

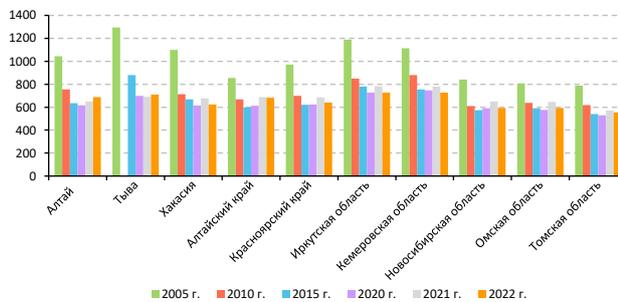
г) СФО

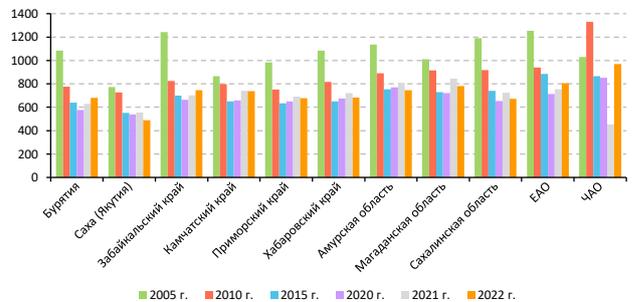
д) ПФО

е) УФО

ж) СФО

з) ДВФО

Рис. 3. Динамика смертности населения в трудоспособном возрасте в регионах Российской Федерации, 2005–2022 гг., число умерших на 100 тыс. чел.

Рассчитано по: данные Федеральной службы государственной статистики.
URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 10.10.2024).

Данные, полученные в результате анализа динамики смертности населения в трудоспособном возрасте в субъектах РФ в 2005–2022 гг., позволяют сделать вывод о ее значимом снижении. Наиболее благоприятная ситуация по анализируемому показателю наблюдается в Москве, Белгородской и Московской областях, Санкт-Петербурге, регионах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. Наиболее значимые положительные изменения за анализируемый период зафиксированы в Калининградской и Ленинградской областях и Санкт-Петербурге. Существенной динамики показателя не наблюдается в Курганской области, Камчатском крае, Чукотском автономном округе.

Проводя сравнительный анализ смертности населения в трудоспособном возрасте в регионах РФ, целесообразно ранжировать субъекты РФ по данному критерию (табл. 1).

Таким образом, наблюдаются значимые положительные изменения анализируемого показателя. Так, в 2005 году очень высокий уровень смертности населения был зафиксирован в 32 регионах, при этом с 2015 года в РФ отсутствуют регионы с высокими значениями данного показателя. Подчеркнем, что низкий уровень смертности населения в трудоспособном возрасте стабильно фиксируется в трех субъектах.

Индекс заболеваемости в регионах России в 2022 году представлен на рис. 4.

Таблица 1. Ранжирование регионов России по уровню смертности населения в трудоспособном возрасте в 2005–2022 гг.

Уровень смертности населения в трудоспособном возрасте	Количество субъектов					
	2005 год	2010 год	2015 год	2020 год	2021 год	2022 год
Очень высокий (выше 1000 умерших на 100 тыс. чел. трудоспособного возраста)	32	2	–	–	–	–
Высокий (от 750 до 1000 умерших на 100 тыс. чел. трудоспособного возраста)	31	27	7	2	11	6
Средний (от 550 до 750 умерших на 100 тыс. чел. трудоспособного возраста)	13	41	54	57	57	53
Ниже среднего (от 300 до 550 умерших на 100 тыс. чел. трудоспособного возраста)	4	11	21	23	14	23
Низкий (менее 300 умерших на 100 тыс. чел. трудоспособного возраста)	3	3	3	3	3	3

Рассчитано по: данные Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 10.10.2024).

Рис. 4. Индекс заболеваемости в регионах России в 2022 году

Рассчитано по: данные Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 22.03.2024).

В территориальном пространстве России индекс заболеваемости увеличивается с юга на север и с запада на восток. Максимальное значение показателя в 2022 году зафиксировано в Республике Карелии (1658,7), Ямало-Ненецком автономном округе (1509,6) и Ненецком автономном округе (1443,2).

Наиболее благоприятная ситуация по данному параметру отмечается в Чеченской (450,1) и Кабардино-Балкарской (471,2) республиках.

Результаты авторской оценки влияния продолжительности жизни на ВРП на душу населения в регионах РФ отражены на рис. 5.

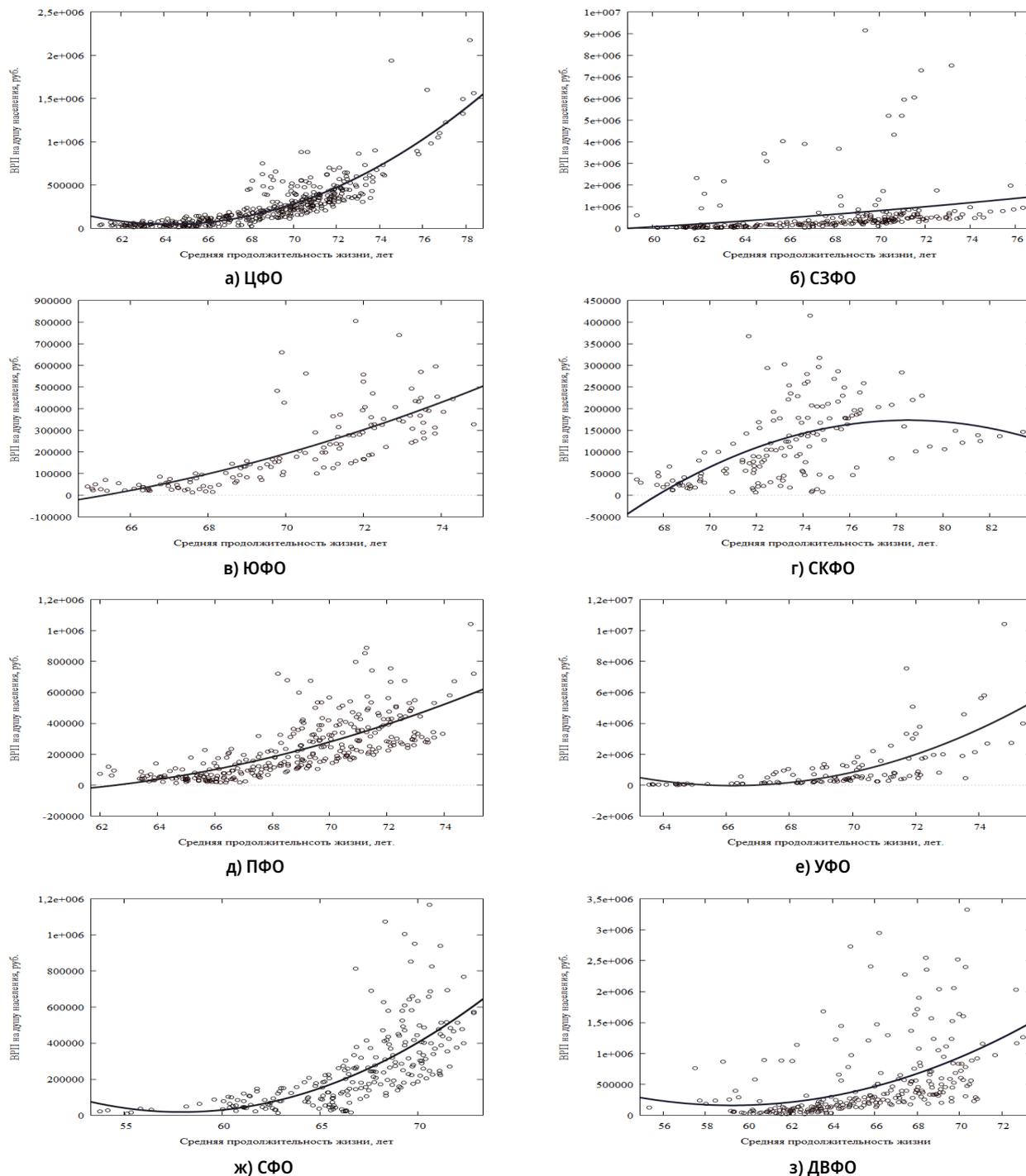

Рис. 5. Оценка влияния продолжительности жизни на ВРП на душу населения в регионах РФ в 2000–2022 гг.

Рассчитано по: данные Федеральной службы государственной статистики.
 URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 22.03.2024).

Графические данные позволяют заключить, что в регионах РФ, за исключением субъектов Северного Кавказа, наблюдается схожая картина: продолжительность жизни населения оказывает прямое положительное влияние на ВРП на душу населения. В субъектах Северо-Кавказского федерального округа (рис. 5г) фиксируется нелинейный характер зависимости анализируемых показателей. Можем предположить, что параметр «продолжительность жизни» оказывает положительное влияние на ВРП на душу населения до определенного уровня, после прохождения точки экстремум увеличение продолжительности жизни населения сопровождается снижением ВРП на душу населения. Подобные выводы согласуются с результатами, полученными в работах зарубежных коллег (Bhargava et al., 2001; Cervellati, Sunde, 2011).

Для регионов всех федеральных округов (исключение представляет Уральский

федеральный округ) расчетным путем выявлено положительное влияние параметра «продолжительность жизни» на экономику субъекта с разной степенью значимости (табл. 2). Существенное отрицательное влияние индекса заболеваемости в регионе обнаружено для субъектов Центрального, Южного, Приволжского и Сибирского федеральных округов. Негативное влияние коэффициента умерших в трудоспособном возрасте для трехлетнего лага получено для Центрального, Северо-Кавказского и Приволжского федеральных округов.

Обсуждение результатов

Вопросы, связанные с оценкой влияния состояния здоровья населения на экономическое развитие, формируют популярное научное направление. Результаты, представленные в нашей работе, сопоставимы с данными, которые были получены рос-

Таблица 2. Результаты оценки влияния факторов здоровья на экономическое развитие в регионах РФ в 2000–2022 гг.

Переменная	ЦФО (модель 1)	СЗФО (модель 2)	ЮФО (модель 3)	СКФО (модель 4)
<i>Const</i>	-22 (3,8)***	-5,3 (1)***	-25,9 (9,5)***	-4,5 (5,8)***
<i>Ln_Lif</i>	9,4 (0,6)***	4,7 (2,4)*	8,1 (2,1)**	2,9 (1,5)*
<i>Ln_Mor_lag</i>	-0,32 (0,3)***	0,46 (0,1)	-0,79 (0,1)**	0,9 (0,1)
<i>Ln_WorkAge_lag₃</i>	-1,1 (0,2)***	-0,6 (0,4)	0,02 (0,3)	0,5 (0,2)**
<i>Кол-во наблюдений</i>	342	155	120	136
<i>R²</i>	0,82	0,2	0,84	0,82
<i>Стат. ошибка модели</i>	0,34	0,7	0,33	0,3
	ПФО (модель 5)	УФО (модель 6)	СФО (модель 7)	ДВФО (модель 8)
<i>Const</i>	-35,3 (3,9)***	19,4 (1,2)***	-14,1 (2,1)***	-46,6 (1,4)***
<i>Ln_Lif</i>	10,1 (1)***	3,2 (1,6)	6,3 (0,6)***	12,4 (3,5)***
<i>Ln_Mor_lag</i>	-1,7 (0,5)***	0,9 (0,2)	-0,5 (0,2)***	2,6 (0,6)
<i>Ln_WorkAge_lag₃</i>	-1,03 (0,4)***	-4,1 (0,7)	0,7 (0,1)	-0,09 (0,5)
<i>Кол-во наблюдений</i>	266	104	219	208
<i>R²</i>	0,66	0,7	0,8	0,55
<i>Стат. ошибка модели</i>	0,4	0,4	0,4	0,6

* Уровень значимости ошибки 10%.
 ** Уровень значимости ошибки 5%.
 *** Уровень значимости ошибки 1%.
 Рассчитано по: данные Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 18.11.2024).

сийскими и зарубежными авторами при исследовании связи показателей здоровья и экономического развития территорий. Путем оценки динамики индикатора здоровья «продолжительность жизни» на фоне снижения смертности населения в трудоспособном возрасте и выявления стабильной положительной тенденции подтвержден полученный ранее вывод Д.А. Авдеевой об улучшении состояния здоровья населения (Авдеева, 2024). В субъектах Северо-Кавказского федерального округа наблюдается нелинейный характер зависимости продолжительности жизни и ВРП на душу населения. Считаем, что такой результат вызван особенностями демографического перехода. Подобные выводы получены зарубежными коллегами (Bhargava et al., 2001; Cervellati, Sunde, 2011). По аналогии с зарубежными исследованиями сделан вывод о положительном влиянии параметра «продолжительность жизни» на экономику территории (Bhargava et al., 2001). Подчеркнем, что отсутствие значимого влияния продолжительности жизни на ВРП на душу населения в Уральском федеральном округе согласуется с эмпирическими результатами К. Хансена (Hansen, 2014).

Представленный методический инструментарий имеет потенциал дальнейшего развития. Дополнение методики показателями смертности от конкретных заболеваний (сердечно-сосудистые, онкологические, инфекционные и др.) позволит оценить непосредственное влияние болезни на экономическое развитие территорий. Корреляция показателей здоровья населения и экономического развития регионов в разрезе климатических поясов РФ и выявление роли климата в рамках этой взаимосвязи станут темами отдельных будущих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеева Д.А. (2024) Вклад человеческого капитала в рост российской экономики // Экономический журнал ВШЭ. № 28 (1). С. 9–43. DOI: 10.17323/1813-8691-2024-28-1-9-43
- Аганбегян А.Г. (2017). Человеческий капитал и его главная составляющая – сфера «экономики знаний» как основной источник социально-экономического роста // Экономические стратегии. № 19 (3). С. 66–79.

Заключение

Результаты, полученные в ходе оценки влияния здоровья населения на экономику регионов, отражают сложившиеся тенденции развития российских субъектов на современном этапе. За период 2000–2022 гг. в субъектах РФ продолжительность жизни населения значительно увеличилась. Максимальный рост данного индикатора здоровья в 2022 году по отношению к 2000 году наблюдается в Ненецком автономном округе (16,8%), Ленинградской области (16,3%), Республике Тыва (21,7%). Лидерами по продолжительности жизни населения выступают Москва, республики Дагестан и Ингушетия. Заболеваемость населения в России увеличивается с юга на север и с запада на восток. Графическим путем для регионов РФ (исключение – Северо-Кавказский федеральный округ) определено, что показатель «продолжительность жизни» имеет прямую корреляцию с ВРП на душу населения в регионах РФ.

Научная гипотеза, предполагающая, что эффекты состояния здоровья населения оказывают влияние на экономическое развитие, но степень влияния в российских регионах дифференцирована, эмпирически подтверждена.

В региональном и национальном масштабах необходима политическая база по смягчению рисков, связанных со здоровьем населения, для экономики регионов. Достижение синергетического взаимовлияния здоровья населения и экономического развития имеет решающее значение для обеспечения устойчивости на местном и глобальном уровнях.

Проведенное исследование дополняет цикл работ в области теории, эмпирики и анализа взаимосвязи здоровья населения и экономического развития.

- Акиндинова Н.В., Чекина К.С., Яркин А.М. (2017). Экономический рост в России с учетом демографических изменений и вклада человеческого капитала // *Экономический журнал ВШЭ*. № 21 (4). С. 533–561.
- Горчакова Н.С. (2021). Здоровье как индикатор роли человеческого капитала в процессе экономического роста // *Инновационная деятельность*. № 2 (57). С. 17–26.
- Демидова О.А., Каяшева Е.В., Демьяненко А.В. (2021). Государственные расходы на здравоохранение и экономический рост в России: региональный аспект // *Пространственная экономика*. № 17 (1). С. 97–122. DOI: 10.14530/se.2021.1.097-122
- Егоршин А.П., Полина Н.А. (2015). Об экономическом эффекте снижения уровня заболеваемости и инвалидности населения // *Здравоохранение Российской Федерации*. № 1. С. 22–29.
- Канева М.А. (2019). Влияние капитала здоровья населения на экономический рост регионов РФ // *Регион: экономика и социология*. № 1 (101). С. 47–70.
- Кирьянов Д.А., Цинкер М.Ю., Голева О.И. (2021). Управление риском для здоровья населения в системе экономической безопасности страны и региона // *Экономическая безопасность*. № 4 (4). С. 1195–1222. DOI: 10.18334/ecsec.4.4.113405
- Коломак Е.А. (2020). Экономические последствия COVID-19 для регионов России // *ЭКО*. № 12. С. 143–153. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-12-143-153
- Лисова Е.В. (2020). Воздействие COVID-19 на социально-экономическую деятельность регионов // *Путеводитель предпринимателя*. № 13 (2). С. 119–125.
- Немсцверидзе Э.Я. (2012). Методические подходы к оценке экономического ущерба вследствие инвалидности трудоспособного населения в Московском регионе // *Социальные аспекты здоровья населения*. № 3 (25). С. 3.
- Окрепилов В.В. (2012). Развитие экономики здоровья для повышения качества жизни // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. № 5. С. 33–47.
- Песочкий А.А. (2022). Оценка влияния пандемии COVID-19 на экономику российских регионов: теоретические и практические аспекты // *Вестник образования и развития науки Российской академии естественных наук*. № 3. С. 76–83.
- Ревич Б.А., Сидоренко В.Н. (2006). Методика оценки экономического ущерба здоровью населения от загрязнения атмосферного воздуха: пособие по региональной экологической политике. Москва: Акрополь, ЦЭПР. 42 с.
- Топилин А.В., Воробьева О.Д. (2023). Динамика и региональные особенности восстановления рынка труда в период COVID-19 // *Экономика региона*. № 19 (1). С. 85–98. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-1-7
- Фахрадова Л.Н., Калачикова О.Н. (2016). Оценка бремени болезней в регионе // *Проблемы развития территорий*. № 4 (84). С. 109–120.
- Шмаков Д.И. (2004). Разработка методики оценки потерь капитала здоровья // *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН / гл. ред. А.Г. Коровкин*. Москва: МАКС Пресс. С. 527–539.
- Acemoglu D., Johnson S. (2007). Disease and development: The effect of life expectancy on economic growth. *Journal of Political Economy*, 115, 925–985.
- Auster R.D., Leveson I., Sarachek D. (1969). The production of health: An exploratory study. *Journal of Human Resources*, 4, 411–436.
- Barro R.J., Sala-i-Martin X. (1995). *Economic Growth*. New York, McGraw-Hill.
- Barro R.J. (1991). Economic growth in a cross section of countries. *The Quarterly Journal of Economics*, 106 (2), 407–443. DOI: 10.2307/2937943
- Bhargava A., Jamison D.T., Lau L.J., Murray C.J.L. (2001). Modeling the effects of health on economic growth. *Journal of Health Economics*, 20, 423–440.

- Bleakley H. (2010). Malaria eradication in the Americas: A retrospective analysis of childhood exposure. *American Economic Journal: Applied Economics*, 2, 1–45.
- Bloom D.E., Canning D., Sevilla J. (2004). The effect of health on economic growth: A production function approach. *World Development*, 32, 1–13.
- Bloom D.E., Canning D., Jaypee S. (2004). The effect of health on economic growth: A production function approach. *World Development*, 32 (1), 1–13. DOI: 10.1016/j.worlddev.2003.07.002
- Bloom D.E., Canning D., Graham B. (2003). Longevity and life-cycle savings. *Scandinavian Journal of Economics*, 105, 319–338.
- Boucekkine R., de la Croix D., Licandro O. (2002). Vintage human capital, demographic trends, and endogenous growth. *Journal of Economic Theory*, 104, 340–375.
- Cervellati M., Sunde U. (2015). The effect of life expectancy on education and population dynamics. *Empirical Economics*, 48, 1445–1478.
- Cervellati M., Sunde U. (2011). Life expectancy and economic growth: The role of the demographic transition. *Journal of Economic Growth*, 14, 1–35.
- Dixon S., McDonald S., Roberts J. (2002). The impact of HIV and AIDS on Africa's economic development. *BMJ*, 324, 232–234.
- Durlauf S.N., Johnson P.A., Temple J.R.W. (2005). Growth econometrics. In: *Handbook of Econom Growth*, 1A, 555–677. DOI: 10.1016/S1574-0684(05)01008-7
- Gallup J.L., Sachs J. (2001). The economic burden of malaria. *American Journal of Tropical Medicine and Hygiene*, 64 (1), 85–96.
- Garthwaite C.L. (2012). The economic benefits of pharmaceutical innovations: The case of Cox-2 inhibitors. *American Economic Journal: Applied Economics*, 4, 116–137. DOI: 10.1257/app.4.3.116
- Hansen C.W. (2014). Cause of death and development in the US. *Journal of Development Economics*, 109, 143–153. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2014.03.013
- Hansen C.W., Lönstrup L. (2015). The rise in life expectancy and economic growth in the 20th century. *Economic Journal*, 125, 838–852. DOI: 10.1111/eoj.12261
- Hyclak T.J., Skeels C.L., Taylor L.W. (2016). The cardiovascular revolution and economic performance in the OECD countries. *Journal of Macroeconomics*, 50, 114–125. DOI: 10.1016/j.jmacro.2016.09.005
- Lorentzen P., McMillan J., Wacziarg R. (2008). Death and development. *Journal of Economic Growth*, 13, 81–124.
- Preston S.H. (1975). The changing relation between mortality and level of economic development. *Population Studies*, 29, 231–248.
- Sachs J.D., Warner A.M. (1997). Fundamental sources of long-run growth. *American Economic Review*, 87 (2), 184–188.
- Shastri G.K., Weil D.N. (2003). How much of cross-country income variation is explained by health? *Journal of the European Economic Association*, 1, 387–396.
- Suhrcke M., Urban D. (2010). Are cardiovascular diseases bad for economic growth? *Health Economics*, 19, 1478–1496. DOI: 10.1002/hec.1565
- Suri T., Booser M.A., Ranis G., Stewart F. (2011). Paths to success: The relationship between human development and economic growth. *World Development*, 39 (4), 506–522. DOI: 10.1016/j.worlddev.2010.08.020
- Thornton J. (2002). Estimating a health production function in the US: Some new evidence. *Applied Economics*, 34 (1), 59–62.
- Weil D.N. (2007). Accounting for the effect of health on economic growth. *The Quarterly Journal of Economics*, 122 (3), 1265–1306. DOI: 10.1162/qjec.122.3.1265
- Zhang J., Zhang J. (2005). The effect of life expectancy on fertility, saving, schooling and economic growth: Theory and evidence. *Scandinavian Journal of Economics*, 107, 45–66. DOI: 10.1111/j.1467-9442.2005.00394.x

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Инна Владимировна Манаева – доктор экономических наук, доцент, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Российская Федерация, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85; e-mail: in.manaeva@yandex.ru)

Manaeva I.V.

POPULATION HEALTH AND THE ECONOMY IN RUSSIAN REGIONS: PARAMETERS AND RELATIONS

Population health is an integral part of society and economic activity. Without a physically and mentally healthy population, the economy loses its ability to develop competitive productivity, which hinders economic growth as a result. The aim of the study is to assess the relationship between indicators of population health and the economy in the regions of the Russian Federation. To conduct the study, the independent variable was determined – per capita gross regional product in the regions of Russia; dependent variables: life expectancy; morbidity index in the region; mortality rate of the working age population for the three-year lag. The information base includes the data of the Federal State Statistics Service. The object of the study is the regions of Russia within the borders of federal districts. Study period: 2000–2022. Over 2000–2022, life expectancy of the population in the regions of the Russian Federation has increased significantly. The leaders in terms of this indicator of health are Moscow, the Republic of Dagestan and the Republic of Ingushetia. Graphically, for the regions of the Russian Federation (the exception is the North Caucasus Federal District), it has been revealed that the indicator “life expectancy” has a direct relation with per capita gross regional product in the regions of the Russian Federation. A positive impact of the “life expectancy” parameter on the economy of a constituent entity was calculated with varying degrees of significance. A significant negative effect of the morbidity index in the region was revealed for the constituent entities of the Central, Southern, Volga and Siberian federal districts. A negative impact of the mortality rate of the working age population for the three-year lag was obtained for the Central, North Caucasus and Volga federal districts. The conducted study supplements the existing works that use theoretical, empirical and analytical approaches to considering the relationship between health and economic development.

Region, economic growth, gross regional product, population health, life expectancy, morbidity index, mortality rate of the working age population, quality of life.

REFERENCES

- Acemoglu D., Johnson S. (2007). Disease and development: The effect of life expectancy on economic growth. *Journal of Political Economy*, 115, 925–985.
- Aganbegyan A.G. (2017). Human capital and its main component – The “knowledge economy” sphere as the main source of socio-economic growth. *Ekonomicheskie strategii=Economic Strategies*, 19(3), 66–79 (in Russian).
- Akindinova N.V., Chekina K.S., Yarkin A.M. (2017). Measuring the contribution of demographic change and human capital to economic growth in Russia. *Ekonomicheskii zhurnal VSHE=HSE Economic Journal*, 21(4), 533–561 (in Russian).
- Auster R.D., Leveson I., Sarachek D. (1969). The production of health: An exploratory study. *Journal of Human Resources*, 4, 411–436.
- Avdeeva D.A. (2024). The contribution of human capital to economic growth in Russia. *Ekonomicheskii zhurnal VSHE=HSE Economic Journal*, 28(1), 9–43. DOI: 10.17323/1813-8691-2024-28-1-9-43 (in Russian).
- Barro R.J. (1991). Economic growth in a cross section of countries. *The Quarterly Journal of Economics*, 106(2), 407–443. DOI: 10.2307/2937943

- Barro R.J., Sala-i-Martin X. (1995). *Economic Growth*. New York, McGraw-Hill.
- Bhargava A., Jamison D.T., Lau L.J., Murray C.J.L. (2001). Modeling the effects of health on economic growth. *Journal of Health Economics*, 20, 423–440.
- Bleakley H. (2010). Malaria eradication in the Americas: A retrospective analysis of childhood exposure. *American Economic Journal: Applied Economics*, 2, 1–45.
- Bloom D.E., Canning D., Graham B. (2003). Longevity and life-cycle savings. *Scandinavian Journal of Economics*, 105, 319–338.
- Bloom D.E., Canning D., Jaypee S. (2004). The effect of health on economic growth: A production function approach. *World Development*, 32(1), 1–13. DOI: 10.1016/j.worlddev.2003.07.002
- Bloom D.E., Canning D., Sevilla J. (2004). The effect of health on economic growth: A production function approach. *World Development*, 32, 1–13.
- Boucekkine R., de la Croix D., Licandro O. (2002). Vintage human capital, demographic trends, and endogenous growth. *Journal of Economic Theory*, 104, 340–375.
- Cervellati M., Sunde U. (2011). Life expectancy and economic growth: The role of the demographic transition. *Journal of Economic Growth*, 14, 1–35.
- Cervellati M., Sunde U. (2015). The effect of life expectancy on education and population dynamics. *Empirical Economics*, 48, 1445–1478.
- Demidova O.A., Kayasheva E.V., Demyanenko A.V. (2021). Government spending on healthcare and economic growth in Russia: A regional aspect. *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economics*, 17(1), 97–122. DOI: 10.14530/se.2021.1.097-122 (in Russian).
- Dixon S., McDonald S., Roberts J. (2002). The impact of HIV and AIDS on Africa's economic development. *BMJ*, 324, 232–234.
- Durlauf S.N., Johnson P.A., Temple J.R.W. (2005). Growth econometrics. In: *Handbook of Econom Growth*, 1A, 555–677. DOI: 10.1016/S1574-0684(05)01008-7
- Egorshin A.P., Polina N.A. (2015). About economic effect of decreasing of level of morbidity and disability of population. *Zdravookhranenie Rossiiskoi Federatsii=Health Care of the Russian Federation*, 1, 22–29 (in Russian).
- Fakhradova L.N., Kalachikova O.N. (2016). Assessment of the disease burden in the region. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 4(84), 109–120 (in Russian).
- Gallup J.L., Sachs J. (2001). The economic burden of malaria. *American Journal of Tropical Medicine and Hygiene*, 64(1), 85–96.
- Garthwaite C.L. (2012). The economic benefits of pharmaceutical innovations: The case of Cox-2 inhibitors. *American Economic Journal: Applied Economics*, 4, 116–137. DOI: 10.1257/app.4.3.116
- Gorchakova N.S. (2021). Health as an indicator of the role of human capital in the processes of economic growth. *Innovatsionnaya deyatel'nost'=Innovation Activity*, 2(57), 17–26 (in Russian).
- Hansen C.W. (2014). Cause of death and development in the US. *Journal of Development Economics*, 109, 143–153. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2014.03.013
- Hansen C.W., Lönstrup L. (2015). The rise in life expectancy and economic growth in the 20th century. *Economic Journal*, 125, 838–852. DOI: 10.1111/eoj.12261
- Hyclak T.J., Skeels C.L., Taylor L.W. (2016). The cardiovascular revolution and economic performance in the OECD countries. *Journal of Macroeconomics*, 50, 114–125. DOI: 10.1016/j.jmacro.2016.09.005
- Kaneva M.A. (2019). Effect of health capital on the economic growth in Russian regions. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya=Region: Economics and Sociology*, 1(101), 47–70 (in Russian).
- Kiryanov D.A., Tsinker M.Yu., Goleva O.I. (2021). Population health risk management in the economy security system of the country and region. *Ekonomicheskaya bezopasnost'=Economic Security*, 4(4), 1195–1222. DOI: 10.18334/ecsec.4.4.113405 (in Russian).

- Kolomak E.A. (2020). Economic consequences of COVID19 for Russia's regions. *EKO=ECO*, 12, 143–153. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-12-143-153 (in Russian).
- Lisova E.V. (2020). Impact of COVID-19 on socio-economic activity of regions. *Putevoditel' predprinimatel'ya=Entrepreneur's Guide*, 13(2), 119–125 (in Russian).
- Lorentzen P., McMillan J., Wacziarg R. (2008). Death and development. *Journal of Economic Growth*, 13, 81–124.
- Nemstsveridze E.Ya. (2012). Methodological approaches for the assessment of economic loss due to disability of working population in Moscow region. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya=Social Aspects of Population Health*, 3(25), 3 (in Russian).
- Okrepilov V.V. (2012). Development of health economics for improving the quality of life. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 5, 33–47 (in Russian).
- Pesotskiy A.A. (2022). Assessing the impact of COVID-19 pandemic on economy of Russian regions: Theoretical and practical aspects. *Vestnik obrazovaniya i razvitiya nauki Rossiiskoi akademii estestvennykh nauk=Herald of Education and Science Development of the Russian Academy of Natural Sciences*, 3, 76–83 (in Russian).
- Preston S.H. (1975). The changing relation between mortality and level of economic development. *Population Studies*, 29, 231–248.
- Revich B.A., Sidorenko V.N. (2006). *Metodika otsenki ekonomicheskogo ushcherba zdorov'yu naseleniya ot zagryazneniya atmosfernogo vozdukh: posobie po regional'noi ekologicheskoi politike* [Methodology for Assessing the Economic Damage to Public Health from Atmospheric Air Pollution: A Guide to Regional Environmental Policy]. Moscow: Akropol', Center for Russian Environmental Policy.
- Sachs J.D., Warner A.M. (1997). Fundamental sources of long-run growth. *American Economic Review*, 87(2), 184–188.
- Shastry G.K., Weil D.N. (2003). How much of cross-country income variation is explained by health? *Journal of the European Economic Association*, 1, 387–396.
- Shmakov D.I. (2004). Development of a methodology for assessing health capital losses. In: Korovkin A.G. (Ed.). *Nauchnye trudy: In-t narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN* [Scientific Articles – Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences]. Moscow: MAKS Press.
- Suhrcke M., Urban D. (2010). Are cardiovascular diseases bad for economic growth? *Health Economics*, 19, 1478–1496. DOI: 10.1002/hec.1565
- Suri T., Boozer M.A., Ranis G., Stewart F. (2011). Paths to success: The relationship between human development and economic growth. *World Development*, 39(4), 506–522. DOI: 10.1016/j.worlddev.2010.08.020
- Thornton J. (2002). Estimating a health production function in the US: Some new evidence. *Applied Economics*, 34(1), 59–62.
- Topilin A.V., Vorob'eva O.D. (2023). Dynamics and regional features of labor market recovery during COVID-19. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 19(1), 85–98. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-1-7 (in Russian).
- Weil D.N. (2007). Accounting for the effect of health on economic growth. *The Quarterly Journal of Economics*, 122(3), 1265–1306. DOI: 10.1162/qjec.122.3.1265
- Zhang J., Zhang J. (2005). The effect of life expectancy on fertility, saving, schooling and economic growth: Theory and evidence. *Scandinavian Journal of Economics*, 107, 45–66. DOI: 10.1111/j.1467-9442.2005.00394.x

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Inna V. Manaeva – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Professor, Belgorod State University (85, Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russian Federation; e-mail: in.manaeva@yandex.ru)

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИКИ: НОЯБРЬ 2024 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2025.1.135.8 • УДК 330.342(470.12) • ББК 65.050.22(2Рос-4Вол)

ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» продолжает знакомить читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики России и СЗФО.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Материалы подготовлены в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2025-0012 «Структурно-технологическая трансформация региональной экономики в условиях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: мониторинг, регулирование и прогноз».

По предварительным данным Росстата, ВВП России в III квартале 2024 года продемонстрировал прирост на 3,1% (годом ранее отмечалось увеличение на 5,5%; *рис. 1*). Согласно оценке Минэкономразвития, в январе – ноябре 2024 года¹ увеличение показателя составило 4%.

📈 Динамика предпринимательских ожиданий в отраслях экономики страны демонстрирует разнонаправленные тенденции.

Так, в обрабатывающей промышленности ожидания бизнеса улучшились: в декабре 2024 года индекс предпринимательской уверенности в этой отрасли увеличился с 5 до 6,9 (*рис. 2*). В сфере услуг в IV квартале 2024 года значение индикатора выросло с -4 до -3.

📉 При этом в добыче полезных ископаемых индекс предпринимательской уверенности снизился с 2,6 до -0,3, в строительстве – остался на уровне -14.

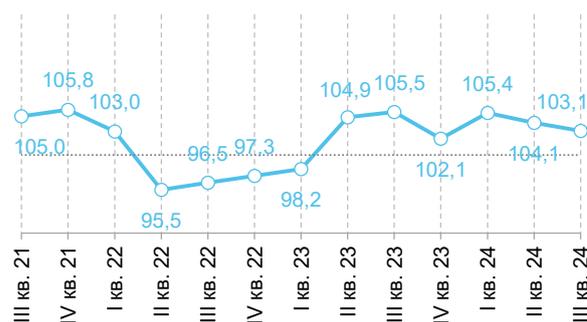

Рис. 1. Динамика производства валового внутреннего продукта, % к соответствующему кварталу предыдущего года

Для цитирования: Сидоров М.А. (2025). Мониторинг экономики: ноябрь 2024 года // Проблемы развития территории. Т. 29. № 1. С. 107–121. DOI: 10.15838/ptd.2025.1.135.8

For citation: Sidorov M.A. (2025). Monitoring of the economy in November 2024. *Problems of Territory's Development*, 29 (1), 107–121. DOI: 10.15838/ptd.2025.1.135.8

¹ Здесь и далее по тексту (если не оговорено иное) январь – ноябрь 2024 года сопоставляется с январем – ноябрем 2023 года.

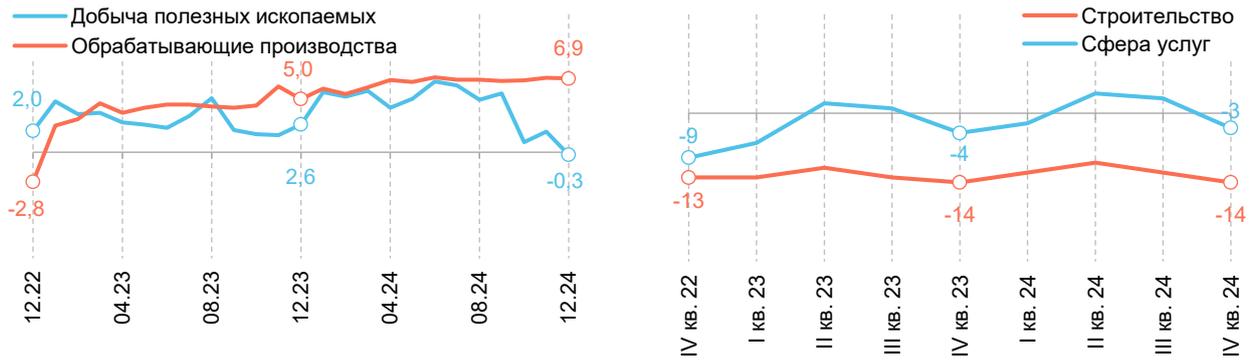

Рис. 2. Индекс предпринимательской уверенности, %

Рис. 3. Прирост выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности* в январе – ноябре 2024 года по федеральным округам и регионам СЗФО, % к январю – ноябрю 2023 года

* В состав базовых видов экономической деятельности входят растениеводство, животноводство, охота и предоставление услуг в этих областях; добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений; строительство; торговля оптовая, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; торговля розничная, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; транспорт.

Примечание: в скобках указано изменение показателя в январе – ноябре 2023 года, % к январю – ноябрю 2022 года.

1. Производство валового продукта

Прирост выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности отмечен во всех федеральных округах, при этом СЗФО продемонстрировал наибольшее увеличение выпуска, перекрывшее спад предыдущего года (на 10,1 и 1,2% соответственно; рис. 3). Динамика выпуска товаров и услуг была позитивной в большинстве регионов округа, за исключением Ненецкого автономного округа, Республики Карелии и Вологодской области, в которых значение индикатора снизилось на 3,8; 3,2 и 0,1% соответственно.

⬆️ **Промышленность** РФ и СЗФО ускорила прирост производства продукции до 4,3 и 5,9% соответственно (годом ранее – на 4,2

и 4,7% соответственно; табл. 1). Это изменение происходило преимущественно под влиянием динамики обрабатывающей индустрии, увеличение выпуска продукции которой в целом по стране и в СЗФО составило 8,0 и 8,4% соответственно. Наибольшие успехи в увеличении выпуска этой отрасли в макрорегионе продемонстрировали Санкт-Петербург, Ненецкий автономный округ и Ленинградская область – их индекс производства продукции обрабатывающей промышленности составил 114,5; 112,8 и 109,2% соответственно.

📌 В то же время в ряде регионов выпуск промышленной продукции снизился, в наибольшей степени – в Ненецком автономном округе (на 2,8%).

Таблица 1. Динамика промышленного производства, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	11 мес. 2022 г.	11 мес. 2023 г.	11 мес. 2024 г.	Р*
Промышленность в целом				
Российская Федерация	101,0	104,2	104,3	-
Северо-Западный ФО	101,3	104,7	105,9	3
Санкт-Петербург	107,0	111,2	112,7	9
Ленинградская область	97,6	108,5	109,2	14
Псковская область	100,3	116,4	108,6	16
Новгородская область	92,9	101,8	107,2	21
Калининградская область	78,2	95,2	102,9	53
Архангельская область	101,1	101,8	100,8	61
Республика Коми	105,1	100,1	99,7	66
Вологодская область	96,5	106,2	99,7	66
Республика Карелия	93,5	99,5	99,5	69
Мурманская область	96,9	94,9	99,3	72
Ненецкий авт. округ	113,0	93,5	97,2	74
Обрабатывающие производства				
Российская Федерация	100,7	108,9	108,0	-
Северо-Западный ФО	100,8	107,8	108,4	3
Санкт-Петербург	109,1	113,0	114,5	10
Ненецкий авт. округ	107,2	111,9	112,8	13
Ленинградская область	97,4	112,0	109,2	21
Псковская область	103,0	114,6	108,7	22
Новгородская область	92,0	102,4	108,0	25
Калининградская область	76,7	95,5	103,1	56
Архангельская область	100,4	103,1	101,6	60
Мурманская область	99,3	89,8	101,1	62
Вологодская область	95,7	106,1	100,0	69
Республика Карелия	91,9	97,9	97,3	76
Республика Коми	95,6	103,0	96,7	78
Добыча полезных ископаемых				
Российская Федерация	101,9	98,7	99,2	-
Северо-Западный ФО	105,5	97,4	99,0	5
Ленинградская область	97,0	108,9	112,3	6
Санкт-Петербург	41,7	84,4	111,0	9
Псковская область	97,4	96,0	107,3	15
Республика Карелия	95,2	101,1	101,3	28
Республика Коми	108,5	99,4	100,5	35
Калининградская область	85,2	95,6	98,4	42
Архангельская область	108,7	95,4	98,1	44
Ненецкий авт. округ	113,1	93,3	97,1	52
Мурманская область	90,0	104,7	94,7	61
Вологодская область	106,3	85,8	92,1	67
Новгородская область	98,4	90,4	86,8	77

* Здесь и далее показан ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в январе – ноябре 2024 года (если не оговорено иное), без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

❏ Добыча полезных ископаемых в целом по стране и в СЗФО продолжила сокращаться – на 0,8 и 1% соответственно (годом ранее спад составил 1,3 и 2,6% соответственно).

Значимое влияние на динамику показателя по макрорегиону оказало снижение выпуска добывающей промышленности в Мурманской области и Ненецком автономном округе (их доля в добыче полезных ископаемых по СЗФО в 2023 году составила 47%) – на 5,3 и 2,9% соответственно.

⬆ В то же время положительное влияние на значение показателя по СЗФО оказало увеличение добычи полезных ископаемых предприятиями Ленинградской области, Санкт-Петербурга и Псковской области на 12,3; 11,0 и 7,3% соответственно.

Отсутствие данных по добыче нефти и газа² усложняет понимание ситуации в отрасли, однако по суммарному индексу добычи (доля нефти и газа в общем объеме добычи СЗФО составляет порядка 60%) можно предположить, что их производство в целом осталось на уровне прошлого года. Добыча угля увеличилась на 4,7% после спада на 21% годом ранее (рис. 4). В то же время отмечено сокращение добычи металлических руд на 2%.

Обрабатывающая промышленность СЗФО ускорила рост производства продукции.

⬆ Отрасли **сектора обрабатывающей промышленности промежуточного спроса** СЗФО продемонстрировали разнонаправленную динамику выпуска. Так, в деревообрабатывающей индустрии производство продукции выросло на 5%, в химической – на 6,6%.

❏ В то же время значение показателя в металлургии сократилось на 3,6%. Одним из факторов снижения выпуска продукции этого вида деятельности стал ремонт крупнейшей доменной печи на Череповецком металлургическом комбинате. О завершении запланированных работ было объявлено в начале октября 2024 года³. Отметим, что в январе – сентябре спад металлургического производства составлял 3,2%. Увеличение

² Росстат перестал публиковать данные по добыче нефти. URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/04/2023/64492a769a794789b8b0f6ec> (дата обращения 19.11.2024).

³ Северсталь запустила после ремонта крупнейшую доменную печь в Европе. URL: <https://vo.rbc.ru/vo/09/10/2024/670679549a7947d38abfe107> (дата обращения 19.11.2024).

Рис. 4. Прирост объемов промышленного производства СЗФО в январе – ноябре 2024 года, % к январю – ноябрю 2023 года

Примечание: в скобках указано изменение показателя в январе – ноябре 2023 года, % к январю – ноябрю 2022 года.

отставания от уровня прошлого года может быть связано с тем, что в конце 2023 года предприятие наращивало остатки готовой продукции перед плановым ремонтом.

❖ Ряд отраслей **сектора обрабатывающей промышленности конечного спроса** СЗФО показал снижение выпуска после высокого прироста в предыдущем году. Существенно сократилось производство продукции ряда отраслей легкой промышленности, таких как производство кожи и изделий из кожи – на 32,8%, текстильной промышленности – на 6,3%. Также заметно снизился выпуск мебели, прочих готовых изделий (на 27,8 и 8,4% соответственно).

⬆ В то же время в РФ и СЗФО увеличилось производство напитков и пищевых продуктов – на 18,8 и 8,3% соответственно. Также продолжился прирост выпуска одежды и готовых металлических изделий (на 21,2 и

2% соответственно, годом ранее увеличение показателя составило 52,1 и 21,5% соответственно).

Голландский производитель кофе JDE Peet's (Jacobs) завершил крупную инвестпрограмму по расширению мощностей своего завода под Петербургом стоимостью до 10 млрд руб. Запланированное еще в 2021 году расширение производства предполагало ввод в эксплуатацию дополнительных мощностей по выпуску около 7 тыс. т растворимого кофе. Запуск новой линии не потребует усилий по размещению новых объемов на рынке – компания сможет теперь обеспечивать уже имеющиеся заказы не импортным, а местным продуктом⁴.

⁴ Голландские высоты в Горелово. Jacobs добавит России кофе. URL: <https://www.fontanka.ru/2025/01/17/74993486> (дата обращения 20.01.2025).

«ВЕРТЕКС» реализовал проект по созданию нового цеха для выпуска гормональных лекарств в инновационно-производственном комплексе. Площадь цеха почти в 4 раза превышает имеющееся производство гормональных препаратов компании и располагается на 1700 кв. м. По плану, инвестиции в проект превысят 870 млн руб. Средства направлены на строительномонтажные работы, создание инженерных сетей, организацию «чистых» помещений и участков упаковки. С учетом этого расширения общая площадь производства компании составила порядка 14 тыс. кв. м⁵.

В большинстве отраслей сектора обрабатывающей промышленности инвестиционного спроса СЗФО увеличилось производство продукции. Позитивным явлением стал восстановительный прирост выпуска автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов (на 58,6% после снижения почти на 60% годом ранее). Также в макрорегионе существенно увеличилось производство компьютеров, электронных и оптических изделий; электрооборудования; транспортных средств и оборудования – на 51; 20,9 и 17,8% соответственно. Помимо машиностроения выросло производство неметаллической минеральной продукции на 10,9%, что может быть связано с активизацией строительства (см. табл. 7).

На производственной площадке «СКТ ГРУПП» в Пскове промышленный многоотраслевой холдинг полного цикла «Акрон Холдинг» перезапустил мощности завода «Севкабель». Помимо остальных производственных линий в новом комплексе развернуто производство ПВХ пластикатов и пожаробезопасных полимерных композиций. Мощность площадки – 1200 т готовой продукции в месяц. В кластер в общей сложности инвестировано порядка 5 млрд руб.⁶

⁵ Фармацевтическая компания «ВЕРТЕКС» запустила новый цех гормональных лекарств. URL: <https://t.me/vertexspbru/309> (дата обращения 13.01.2025).

⁶ «Севкабель» запустил новое производство в Псковской области. URL: <https://pskov.ru/novosti/26.10.24/161413> (дата обращения 13.01.2025).

Компания «Петерпайп» открыла на территории ТОСЭР в городе Боровичи Новгородской области три цеха по производству электросварных фитингов и спигот. Они используются в газораспределительных системах «Газпрома». Инвестиции превысили около 400 млн руб. Из них 180 млн руб. предоставил федеральный Фонд развития промышленности (ФРП), а 20 млн руб. – ФРП Новгородской области. Эти средства компания получила по федерально-региональной программе «Проекты развития». Предприятие выпускает три типа фитингов: электросварные с электронагревательным элементом для более надежного соединения; седловые для присоединения дополнительных элементов и литые фитинги⁷.

В технопарке «Гагарин» вблизи Великого Новгорода состоялось открытие нового цеха АО «Аэродроммаш», одного из предприятий научно-производственного концерна «Компенз». С открытием цеха выпуск продукции аэродромного обеспечения увеличится в два раза. Здесь предусмотрен полный цикл: от разработки изделий до их испытаний и внедрения в серийное производство. В составе концерна «Компенз» трудится почти тысяча человек⁸.

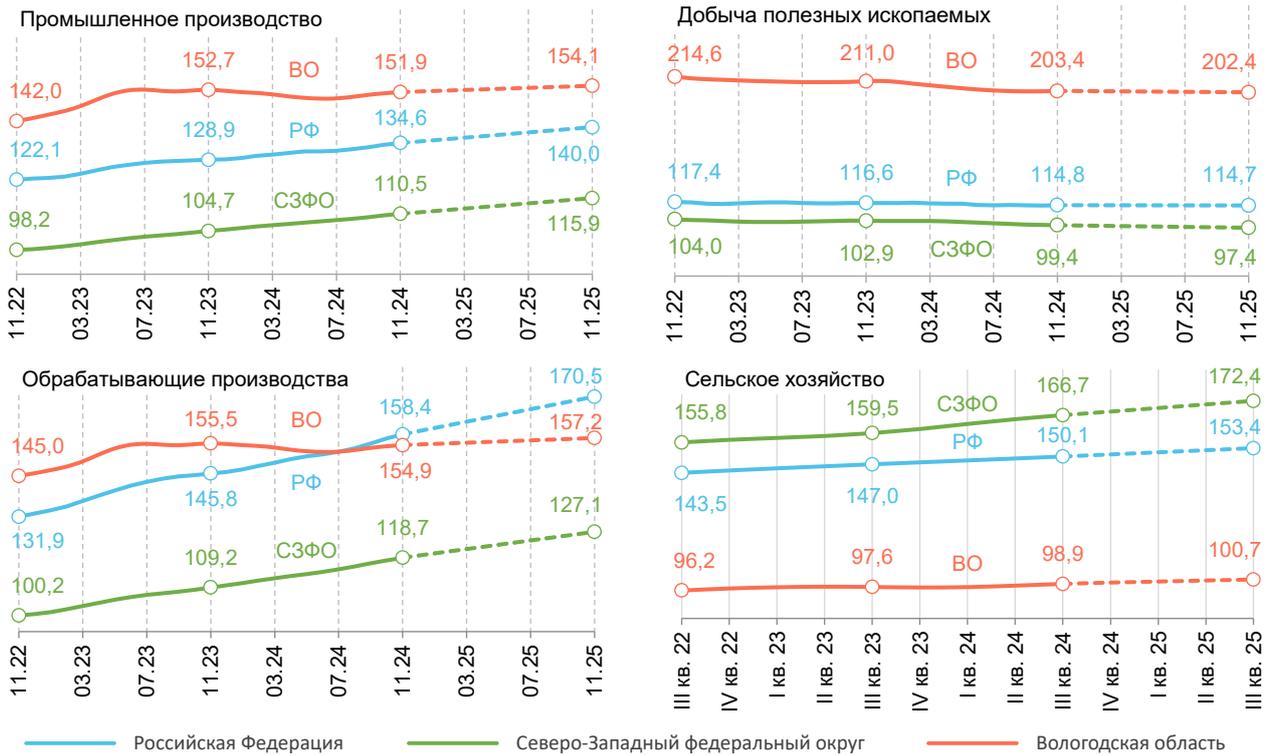
Новое производство по ремонту комплектующих для нефтегазовой отрасли запустили в поселке Харьягинский Ненецкого автономного округа (НАО). Компания вложила в проект 300 млн руб. и оформляет статус резидента Арктической зоны РФ. Открытие такого производства позволит также снизить операционные затраты для компаний нефтегазовой отрасли НАО и увеличить срок службы оборудования⁹.

⁷ В Новгородской области благодаря ФРП запустили производство импортозамещающих фитингов для «Газпрома». URL: <https://frprf.ru/press-tsentr/novosti/v-novgorodskoy-oblasti-blagodarya-frp-zapustili-proizvodstvo-importozameshchayushchikh-fitingov-dlya> (дата обращения 13.01.2025).

⁸ Новгородский «Компенз» открыл новый цех. URL: <http://www.novafisha.ru/news/96013.html> (дата обращения 13.01.2025).

⁹ В НАО запустили производство по ремонту комплектующих для нефтегазовой отрасли. URL: <https://tass.ru/ekonomika/22466113> (дата обращения 13.01.2025).

Тренды развития промышленного и с/х производства в 2022–2025 гг., % к уровню 2008 года

▼ **Сельское хозяйство** РФ в январе – сентябре 2024 года сократило выпуск продукции на 2,3% (табл. 2).

▲ В СЗФО отмечено увеличение значения этого индикатора на 5,7%, что стало самым высоким значением среди остальных федеральных округов. Этот прирост во многом обусловлен успехами специализирующейся на животноводстве Псковской области (вы-

пуск продукции сельского хозяйства в этом регионе увеличился на 30,2%, что также стало лучшим результатом в стране). Также среди регионов округа значимым был вклад сельского хозяйства Калининградской области, показавшего прирост выпуска на 7,4% (6 место по стране). В то же время в ряде регионов производство сельскохозяйственной продукции сократилось, наиболее существенным стало снижение выпуска отрасли в Республике Коми, Мурманской области и Республике Карелии (на 5,3; 4,5 и 3,4% соответственно).

Таблица 2. Динамика производства продукции сельского хозяйства, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	9 мес. 2022 г.	9 мес. 2023 г.	9 мес. 2024 г.	р*
Российская Федерация	111,7	102,5	97,7	-
Северо-Западный ФО	99,5	101,7	105,7	1
Псковская область	89,8	100,4	130,2	1
Калининградская область	98,7	102,2	107,4	6
Ненецкий авт. округ	97,3	102,0	105,3	8
Ленинградская область	103,9	101,9	101,2	24
Вологодская область	104,7	102,5	100,0	29
Новгородская область	94,3	102,3	99,0	40
Архангельская область	100,4	101,6	97,4	52
Республика Карелия	104,8	101,0	96,6	55
Мурманская область	89,8	104,2	95,5	61
Республика Коми	97,3	99,5	94,7	65

* Приведен ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в январе – сентябре 2024 года, без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

ООО «ПсковАгроИнвест» закончил реализацию Инвестиционного проекта «Животноводческий комплекс молочного направления роботизированного доения на 1920 голов коров и на 2086 голов молодняка крупного рогатого скота молочных» вблизи деревни Ажово Псковского района. Объем инвестиций составил 3,36 млрд руб. Производственная мощность проекта – 14,4 тыс. т молока в год. На ферме создано 59 новых рабочих мест¹⁰.

¹⁰ Открытие крупной фермы в 2023 г. позволило Псковской области выйти на самообеспеченность молоком. URL: <https://specagro.ru/news/202312/v-pskovskoy-oblasti-zarabotala-molochnaya-ferma-moschnostyu-144-tys-t-moloka-v-god> (дата обращения: 20.01.2024).

**Таблица 3. Динамика рынка труда,
% к соответствующему периоду
предыдущего года**

Территория	Сент. – ноябрь 2022 г.	Сент. – ноябрь 2023 г.	Сент. – ноябрь 2024 г.	р*
Уровень безработицы, % от численности занятых				
Российская Федерация	3,8	3,0	2,3	-
Северо-Западный ФО	3,5	2,5	2,1	3
Новгородская область	2,8	1,8	1,2	3
Санкт-Петербург	2,3	1,5	1,5	10
Вологодская область	3,8	2,6	1,9	27
Калининградская область	2,8	2,9	2,3	48
Псковская область	4,2	2,6	2,3	49
Мурманская область	4,5	2,7	2,5	60
Архангельская область	5,5	5,5	2,6	61
Ленинградская область	4,4	2,7	2,8	64
Республика Коми	5,9	4,3	3,3	70
Республика Карелия	5,4	5,2	3,5	72
Ненецкий авт. округ	7,6	6,0	4,6	76
Территория	9 мес. 2022 г.	9 мес. 2023 г.	9 мес. 2024 г.	р*
Потребность работодателей в работниках				
Российская Федерация	117,8	116,4	118,6	-
Северо-Западный ФО	115,2	117,0	115,3	7
Новгородская область	123,1	121,9	129,9	11
Ленинградская область	134,8	120,2	128,1	17
Вологодская область	114,8	114,3	126,7	24
Псковская область	102,1	108,6	119,4	47
Калининградская область	103,2	111,7	114,8	60
Архангельская область	102,9	114,3	113,7	62
Санкт-Петербург	116,2	121,7	112,9	65
Республика Карелия	125,4	112,0	112,0	69
Республика Коми	93,6	109,9	110,9	73
Ненецкий авт. округ	109,0	117,9	106,8	79
Мурманская область	115,6	102,7	102,7	83
* По индикатору «Уровень безработицы» приведен ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в сентябре – ноябре 2024 года, по индикатору «Потребность работодателей в работниках» – в январе – сентябре 2024 года без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.				

На **рынке труда** сохранились положительные тенденции.

↗ Уровень безработицы в сентябре – ноябре 2024 года в России и СЗФО продолжил снижение (до 2,3 и 2,1% соответственно; табл. 3). Обобщающая динамика значения индикатора по макрорегиону обусловлена позитивными изменениями в большинстве регионов округа. Показательным стало сни-

жение уровня безработицы более чем вдвое в Архангельской области (с 5,5 до 2,6%). Исключением стала Ленинградская область, значение индикатора в которой увеличилось на 0,1 п. п.

↗ Объем заявленной в службы занятости страны потребности работодателей в работниках вырос на 18,6%, в СЗФО – на 15,3%, при этом увеличение числа вакансий зафиксировано во всех регионах округа, в наибольшей степени – в Новгородской, Ленинградской и Вологодской областях (на 29,9; 28,1 и 26,7% соответственно).

2. Образование доходов

Увеличение производства сопровождалось разнонаправленными изменениями на этапе образования доходов.

↗ **Реальные денежные доходы** россиян в январе – сентябре 2024 года увеличились на 8,1%, в СЗФО реальные денежные доходы населения выросли на 9,1%, при этом улучшение отмечено во всех регионах округа (табл. 4). Драйверами динамики по СЗФО стали в первую очередь Ленинградская область и Санкт-Петербург (где прирост составил 10,9 и 10,6% соответственно), в остальных регионах доходы населения увеличились на 3,8–8,8%. Реальная начисленная заработная плата в целом по стране выросла на 9%. Заработная плата жителей СЗФО увеличилась на 6,6% (что, впрочем, стало худшим результатом в сравнении с остальными федеральными округами).

↘ **Сальдированный финансовый результат** организаций РФ в январе – октябре 2024 года продемонстрировал снижение на 21,6% в сопоставимых ценах после существенного увеличения годом ранее (на 26,1%; табл. 5). В СЗФО также отмечен спад показателя на 24,1% (в прошлом году – на 0,8%).

↗ При этом в ряде регионов округа предпринимательские доходы увеличились. Наибольший прирост продемонстрировали Калининградская область и Республика Карелия (на 87,2 и 50,5% соответственно).

Таблица 4. Динамика образования доходов населения, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	9 мес. 2022 г.	9 мес. 2023 г.	9 мес. 2024 г.	Р*
Реальные денежные доходы населения				
Российская Федерация	103,5	105,0	108,1	-
Северо-Западный ФО	104,3	104,6	109,1	-
Ленинградская область	102,0	107,2	110,9	-
Санкт-Петербург	107,5	105,3	110,6	-
Псковская область	99,7	104,4	109,6	-
Калининградская область	100,9	104,1	108,8	-
Новгородская область	102,3	103,3	108,8	-
Республика Коми	102,5	107,5	108,7	-
Республика Карелия	98,2	104,3	107,2	-
Архангельская область	118,5	101,7	105,7	-
Мурманская область	104,4	103,1	105,2	-
Ненецкий авт. округ	101,4	101,3	103,8	-
Вологодская область	100,0	101,1	103,8	-
Реальная начисленная заработная плата				
Российская Федерация	98,5	107,4	109,0	-
Северо-Западный ФО	98,1	106,5	106,6	8
Псковская область	96,8	108,0	113,2	6
Ленинградская область	98,4	107,8	112,2	17
Новгородская область	97,7	109,1	109,7	35
Вологодская область	101,0	104,1	109,1	41
Калининградская область	95,6	106,9	107,5	60
Республика Карелия	96,5	105,9	106,6	66
Мурманская область	99,0	104,5	106,3	70
Санкт-Петербург	97,3	106,4	105,3	77
Ненецкий авт. округ	96,7	102,5	105,2	78
Республика Коми	97,7	106,7	104,3	79
Архангельская область	94,4	105,9	103,6	83

* По индикатору «Реальная начисленная заработная плата» приведен ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в январе – сентябре 2024 года без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

↻ Реальные доходы консолидированного бюджета и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда

Российской Федерации показали увеличение на 2,2%. В СЗФО прирост поступлений в казну был выше (2,7%). Наибольший прирост показателя среди субъектов округа отмечен в Ненецком автономном округе, Калининградской области и Санкт-Петербурге (на 17; 10,8 и 7,8% соответственно). Поступление налогов на доходы физических лиц увеличилось в целом по стране на 15,9%, в макро-регионе – на 18,3%. Обратная динамика отмечена в доходах от предпринимательской деятельности: в РФ и СЗФО спад составил 13 и 16,4% соответственно.

Таблица 5. Динамика образования предпринимательских и государственных доходов, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	10 мес. 2022 г.	10 мес. 2023 г.	10 мес. 2024 г.	Р*
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций				
Российская Федерация	87,8	126,1	78,4	-
Северо-Западный ФО	84,0	99,2	75,9	7
Калининградская область	91,5	151,0	187,2	6
Республика Карелия	41,7	49,4	150,5	10
Ленинградская область	113,1	116,7	120,2	19
Псковская область	97,3	146,5	118,2	23
Архангельская область	1846,3	68,4	100,7	39
Республика Коми	78,8	95,9	79,5	56
Ненецкий авт. округ	578,5	26,7	65,8	65
Санкт-Петербург	75,4	99,7	61,4	66
Вологодская область	109,9	84,4	58,6	70
Мурманская область	68,6	99,0	15,6	80
Новгородская область	87,5	80,8	-	-
Территория	11 мес. 2022 г.	11 мес. 2023 г.	11 мес. 2024 г.	Р
Доходы консолидированного бюджета и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда				
Российская Федерация	101,7	103,3	102,2	-
Северо-Западный ФО	108,8	97,2	102,7	-
Ненецкий авт. округ	101,6	81,8	117,0	-
Калининградская область	89,9	90,8	110,8	-
Санкт-Петербург	123,9	92,8	107,8	-
Ленинградская область	105,5	120,1	101,9	-
Республика Коми	109,2	86,9	98,8	-
Архангельская область	104,4	92,8	97,3	-
Республика Карелия	95,9	98,5	96,1	-
Вологодская область	89,4	100,8	95,9	-
Псковская область	100,7	110,6	94,3	-
Мурманская область	80,0	108,6	89,4	-
Новгородская область	106,7	103,5	87,5	-
Территория	9 мес. 2022 г.	9 мес. 2023 г.	9 мес. 2024 г.	Р
Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет РФ				
Российская Федерация	108,6	99,3	111,8	-
Северо-Западный ФО	97,5	119,3	90,4	-
Калининградская область	60,4	67,5	143,5	-
Ненецкий авт. округ	182,7	37,6	127,6	-
Республика Карелия	83,5	100,7	119,0	-
Псковская область	102,3	124,1	108,6	-
Архангельская область	116,0	86,8	104,7	-
Санкт-Петербург	85,0	148,0	95,8	-
Ленинградская область	86,6	148,2	89,9	-
Вологодская область	104,4	135,5	83,2	-
Новгородская область	136,8	95,4	81,9	-
Республика Коми	150,5	82,6	55,4	-
Мурманская область	96,7	189,1	40,7	-

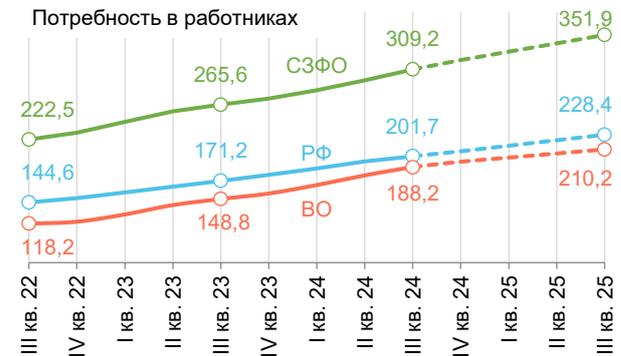
* Приведен ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в январе – октябре 2024 года без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

⬆️ **Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет** страны в целом по России в январе – сентябре 2024 года в реальном выражении увеличилось на 11,8% после снижения на 0,7% годом ранее.

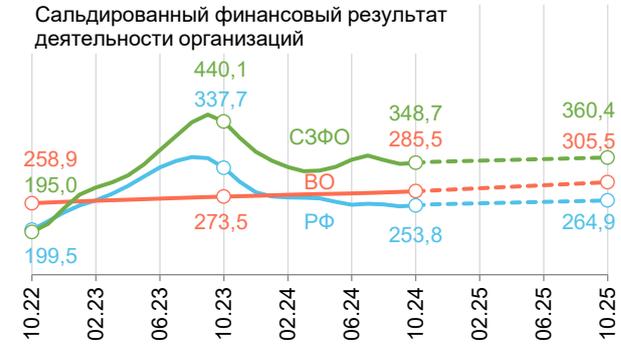
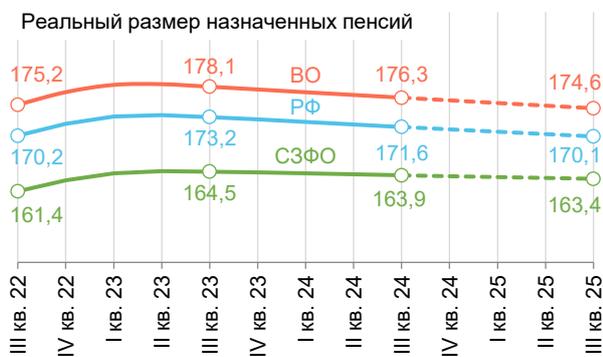
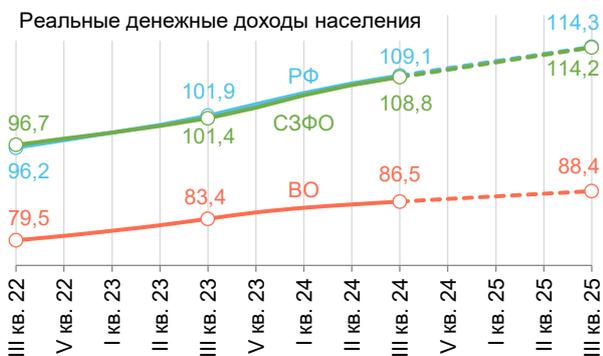
⬇️ В СЗФО поступления в консолидированный бюджет РФ сократились на 9,6% после прироста на 19,3% годом ранее, что во многом обусловлено снижением значения показателя в половине субъектов округа, в наи-

большей степени – в Мурманской области и Республике Коми (на 59,3 и 44,6% соответственно). В то же время в ряде регионов округа зафиксировано существенное увеличение поступлений средств в бюджет РФ, в частности в Калининградской области, Ненецком автономном округе и Республике Карелии (на 43,5; 27,6 и 19% соответственно). Добавим, что в первых двух из них продемонстрированные значения обусловлены отставанием в поступлении налогов годом ранее.

Тренды развития рынка труда в 2022–2025 гг., % к уровню 2008 года

Тренды образования доходов в экономике в 2022–2025 гг., % к уровню 2008 года

— Российская Федерация   — Северо-Западный федеральный округ   — Вологодская область

3. Конечное использование

В сфере *потребительского спроса* зафиксировано увеличение значений показателей.

↗ **Оборот розничной торговли** в целом по России и по СЗФО продемонстрировал прирост значений индикатора в размере 7,4 и 4,2% соответственно (табл. 6). Лидерами в макрорегионе по увеличению оборота розничной торговли стали Калининградская и Псковская области (на 10,6 и 10,1% соответственно). Рост значения показателя отмечен во всех регионах СЗФО за исключением Ненецкого автономного округа, где оборот розничной торговли снизился на 0,7%. В целом по РФ увеличение оборота розничной торговли непродовольственными товарами составило 8,5%, продовольственными – 6,2%. В СЗФО прирост оборота торговли непродовольственными товарами составил 4,6%, при этом в Калининградской и Псковской областях значение показателя увеличилось на 14,4 и 13,1% соответственно. Оборот торговли продовольственными товарами в СЗФО вырос на 3,8%, что обусловлено увеличением значения индикатора в большинстве субъектов округа (на 0,6–6,9%) за исключением Вологодской области, где зафиксирован спад розничного оборота продовольственных товаров на 0,5%.

↗ Объем оказанных населению страны **платных услуг** увеличился на 3,4%, в СЗФО – на 0,3%. Отметим, что этому изменению предшествовал существенный прирост годом ранее – на 6,6 и 10,4% соответственно. Наибольший прирост объема оказанных услуг зафиксирован в Калининградской и Ленинградской областях (на 7,4 и 5,7% соответственно). Наблюдается негативное влияние на обобщающий индикатор по макрорегиону снижения объема оказанных населению платных услуг в ряде субъектов округа, в частности в Республике Коми и Санкт-Петербурге (на 3,1 и 1,4% соответственно).

↘ **Потребительская инфляция** в России и СЗФО ускорилась и составила 8,1 и 7,6% соответственно (годом ранее потребительские цены в этих территориях выросли на 6,6 и

Таблица 6. Динамика развития потребительского рынка, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	11 мес. 2022 г.	11 мес. 2023 г.	11 мес. 2024 г.	Р
Оборот розничной торговли				
Российская Федерация	94,0	107,7	107,4	-
Северо-Западный ФО	94,3	112,8	104,2	8
Калининградская область	97,2	107,0	110,6	20
Псковская область	98,1	101,7	110,1	21
Новгородская область	98,3	102,6	106,1	56
Республика Карелия	90,1	111,7	104,7	64
Республика Коми	91,3	106,0	104,4	65
Санкт-Петербург	92,9	118,7	103,9	67
Вологодская область	91,6	102,7	103,6	70
Ленинградская область	97,6	113,9	103,5	72
Мурманская область	99,5	101,1	102,1	80
Архангельская область	93,1	102,9	100,1	83
Ненецкий авт. округ	100,2	103,5	99,3	84
Объем платных услуг населению				
Российская Федерация	106,0	106,6	103,4	-
Северо-Западный ФО	104,8	110,2	100,3	7
Калининградская область	104,0	107,2	107,4	5
Ленинградская область	108,7	110,0	105,7	12
Ненецкий авт. округ	111,8	91,3	103,4	29
Архангельская область	98,4	104,7	103,1	33
Республика Карелия	102,1	105,0	102,9	38
Псковская область	101,4	101,5	101,8	55
Новгородская область	102,3	100,2	100,2	68
Вологодская область	103,6	100,5	99,6	73
Мурманская область	101,0	101,4	99,5	75
Санкт-Петербург	106,1	115,6	98,6	80
Республика Коми	104,2	98,2	96,9	84
Индекс потребительских цен (к декабрю предыдущего года)				
Российская Федерация	111,1	106,6	108,1	-
Северо-Западный ФО	111,0	106,1	107,6	2
Калининградская область	111,0	107,0	108,5	68
Вологодская область	111,4	106,5	108,2	49
Республика Коми	110,2	106,7	108,1	46
Санкт-Петербург	110,9	105,7	107,6	30
Ленинградская область	110,1	105,5	107,5	27
Архангельская область	111,2	107,7	107,3	18
Новгородская область	109,9	105,9	107,3	18
Республика Карелия	110,9	107,2	107,2	16
Псковская область	110,8	105,1	107,1	13
Мурманская область	114,2	106,4	106,4	7
Ненецкий авт. округ	113,2	103,2	105,1	2
Индекс цен производителей промышленных товаров (к декабрю предыдущего года)				
Российская Федерация	97,5	123,0	107,4	-
Северо-Западный ФО	102,6	112,4	107,7	5
Республика Карелия	91,4	127,4	115,0	74
Ленинградская область	110,7	109,5	113,0	69
Псковская область	106,2	110,8	109,8	62
Архангельская область	102,7	105,5	109,7	60
Республика Коми	89,5	135,8	107,8	39
Мурманская область	117,8	100,3	107,4	34
Калининградская область	105,5	109,0	107,1	29
Санкт-Петербург	115,1	105,8	105,1	18
Новгородская область	101,8	107,4	104,7	16
Вологодская область	77,4	119,3	103,8	12
Ненецкий авт. округ	82,4	193,4	95,8	2

6,1% соответственно). Цены на продовольственные товары в целом по РФ и по федеральному округу также увеличились – на 8,2 и 7,3% соответственно. Цены на непродовольственные товары в целом по стране и по макрорегиону продемонстрировали прирост на 5,3 и 5,7% соответственно. Тарифы ЖКХ в РФ и СЗФО увеличивались существенно быстрее – на 10,7 и 9% соответственно.

❖ В целом по России **цены производителей промышленных товаров** росли немного медленнее, чем в СЗФО (на 7,4 и 7,7% соответственно). Наиболее существенным стало подорожание продукции промышленности Республики Карелии и Ленинградской области (на 15 и 13% соответственно).

⬆️ В то же время цены на продукцию промышленности Ненецкого автономного округа снизились на 4,2%.

⬆️ В **строительстве** России и СЗФО отмечено увеличение объема выполненных работ на 2 и 5,3% соответственно (табл. 7). Лидерами макрорегиона по росту показателя стали Республика Коми, Ленинградская и Калининградская области (на 32,4; 29 и 15,8% соответственно).

❖ Негативное влияние на динамику индикатора в целом по СЗФО оказало сокращение объема выполненных строительных работ в Республике Карелии и Архангельской области (на 37,8 и 32,1% соответственно).

⬆️ **Ввод жилья** в целом по РФ ускорился на 0,7%.

❖ В СЗФО отмечено снижение показателя (на 8,5%, годом ранее был прирост на 0,4%), при этом на динамику обобщающего значения по макрорегиону оказало влияние замедление ввода жилых домов в большинстве регионов. В частности, в Санкт-Петербурге этот индикатор сократился на 21,5%.

❖ **Объем выданных ипотечных кредитов** существенно сократился: в целом по стране на 39,2%, в СЗФО – на 35,9%. Замедление темпов ипотечного кредитования отмечено во всех субъектах округа. Данному явлению, как правило, предшествовал соразмерный прирост в предыдущем году. При этом, согласно данным Банка России, «около 75% выдач ипотечных жилищных кредитов

Таблица 7. Динамика строительства, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	11 мес. 2022 г.	11 мес. 2023 г.	11 мес. 2024 г.	Р
Объем работ по ВЭД «Строительство»				
Российская Федерация	107,1	107,8	102,0	-
Северо-Западный ФО	94,6	101,9	105,3	3
Республика Коми	82,1	62,1	132,4	6
Ленинградская область	95,4	110,4	129,0	10
Калининградская область	109,5	116,6	115,8	22
Новгородская область	110,8	129,4	107,4	29
Вологодская область	81,0	104,7	104,4	35
Санкт-Петербург	93,7	109,8	102,0	44
Мурманская область	101,7	54,0	100,2	47
Псковская область	121,6	103,5	96,7	51
Ненецкий авт. округ	93,6	72,2	94,9	54
Архангельская область	72,7	107,5	67,9	81
Республика Карелия	139,4	110,8	62,2	83
Ввод жилых домов				
Российская Федерация	114,9	100,0	100,7	-
Северо-Западный ФО	108,1	100,4	91,5	8
Ненецкий авт. округ	221,9	53,1	135,2	5
Мурманская область	361,9	27,7	128,1	11
Республика Коми	117,5	101,3	108,3	29
Вологодская область	118,3	101,6	101,4	42
Калининградская область	102,7	92,1	97,8	54
Ленинградская область	109,8	107,4	96,4	60
Псковская область	106,0	103,4	94,0	64
Архангельская область	103,5	104,6	93,0	67
Новгородская область	112,2	100,7	93,0	66
Республика Карелия	112,7	101,4	92,0	70
Санкт-Петербург	101,1	98,8	78,5	82
Объем выданных ипотечных кредитов				
Российская Федерация	73,3	159,4	60,8	-
Северо-Западный ФО	69,0	142,9	64,1	2
Архангельская область	69,1	139,7	82,6	3
Калининградская область	61,8	188,5	69,2	12
Санкт-Петербург	68,2	134,4	65,4	18
Мурманская область	76,4	143,0	63,1	26
Псковская область	71,1	161,8	62,6	29
Новгородская область	71,0	153,1	60,8	43
Ненецкий авт. округ	75,3	131,8	60,0	59
Вологодская область	68,4	161,0	58,5	55
Ленинградская область	73,7	145,7	58,0	64
Республика Карелия	64,9	164,7	54,6	74
Республика Коми	68,7	145,9	53,3	77

в ноябре приходилось на программы господдержки. В декабре ожидается сохранение текущего объема выдачи ипотеки с господдержкой»¹¹.

¹¹ Банк России: Обзор рынка ипотечного жилищного кредитования. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/Indicator_mortgage/1124 (дата обращения 20.01.2025).

↗ **Реальные расходы консолидированного бюджета и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда** увеличились как в целом по стране, так и в СЗФО (на 2,4 и 4,2% соответственно; табл. 8). Расходы на здравоохранение в РФ и СЗФО выросли на 7,2%. Бюджетные расходы на социальную политику также увеличились: в стране на 2,3%, в СЗФО – на 3%. В субъектах округа значение индикатора изменялось разнонаправленно, в частности, в Ленинградской, Вологодской и Мурманской областях расходы бюджета выросли более чем на 10%, в то же время в Республике Карелии значение показателя сократилось на 10,3%.

↗ **Инвестиции в основной капитал** страны в январе – сентябре 2024 года выросли на 8,6% (табл. 9). СЗФО продемонстрировал высокий индекс объема инвестиций, уступив среди остальных макрорегионов только ЮФО (114,1 и 118,7% соответственно). Существенное влияние на динамику показателя по макрорегиону оказал прирост инвестиций в Ленинградской и Вологодской областях, а также в Санкт-Петербурге (на 37,3; 34 и 19,3% соответственно).

↘ При этом в ряде регионов СЗФО произошло замедление инвестиционной активности, в наибольшей степени – в Калининградской, Архангельской и Мурманской областях (на 17; 16,8 и 14,8% соответственно).

Согласно данным Федеральной таможенной службы, в январе – октябре 2024 года общий объем **экспорта** России в стоимостном выражении вырос на 0,9%, **импорт** за то же время снизился на 2,7%. Экспорт в Европу продемонстрировал спад на 23,4%, в Азию – вырос на 6,9%, в Африку – на 14,9%. Импорт сократился по всем группам стран, в частности из Европы – на 6,3%, из Азии – на 0,5%.

Экспорт продовольственных товаров уменьшился на 2,4%, импорт этой группы товаров вырос на 4,9%. В то же время на 1,8% увеличился стоимостной объем экспорта минеральных продуктов (при этом их доля составила 61%), импорт минераль-

Таблица 8. Динамика государственных расходов, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	11 мес. 2022 г.	11 мес. 2023 г.	11 мес. 2024 г.	Р
Расходы консолидированного бюджета и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда				
Российская Федерация	104,7	103,0	102,6	-
Северо-Западный ФО	104,6	106,7	104,2	-
Ленинградская область	104,4	100,7	111,6	-
Вологодская область	101,0	104,8	111,3	-
Мурманская область	107,0	92,4	110,3	-
Санкт-Петербург	106,9	116,0	106,2	-
Республика Коми	101,5	96,7	101,9	-
Ненецкий авт. округ	95,1	94,9	97,0	-
Калининградская область	91,7	96,7	96,6	-
Архангельская область	104,8	102,4	95,7	-
Новгородская область	110,1	115,6	95,0	-
Псковская область	105,0	104,2	93,8	-
Республика Карелия	109,0	97,1	89,7	-

Таблица 9. Динамика инвестиций в основной капитал, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	9 мес. 2022 г.	9 мес. 2023 г.	9 мес. 2024 г.	Р*
Российская Федерация	107,0	110,5	108,6	-
Северо-Западный ФО	95,7	107,5	114,1	2
Ленинградская область	126,3	109,6	137,3	8
Вологодская область	78,0	77,6	134,0	9
Псковская область	70,2	99,9	124,4	17
Санкт-Петербург	89,8	114,3	119,3	25
Ненецкий авт. округ	95,8	95,9	113,9	39
Республика Коми	85,2	98,5	111,1	44
Республика Карелия	106,7	92,8	93,1	74
Новгородская область	97,2	137,0	88,4	76
Мурманская область	86,7	96,5	85,2	79
Архангельская область	87,4	101,0	83,2	80
Калининградская область	109,5	142,2	83,0	81

* Приведен ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в январе – сентябре 2024 года, без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

ных продуктов снизился на 22%. Экспорт машин и оборудования сократился на 3,3%, в то же время импорт этой категории товаров снизился на 1%, при этом их доля составила более половины от общего объема импорта.

↗ **Цены на мировых рынках** на природный газ снизились на 19,3%, на фосфорсодержащие удобрения – на 6,9%, на нефть – на 2,3% (табл. 10).

↘ В то же время металлопрокат подорожал на 2,6%.

Мировые цены на металлопродукцию демонстрируют снижение: на «плоский»

прокат – на 11,1–3,4%, на «длинный» прокат – на 23,8–17,5%. На внутреннем рынке цены снижались на горячекатаный лист (на 6,1%) и на «длинный» металлопрокат (на 20,7–2,7%; табл. 11, 12). Исключением стал холоднокатаный лист – цены на этот вид продукции выросли на 2,1%.

Таблица 10. Динамика мировых цен на товары, % к соответствующему периоду предыдущего года

Товар	11 мес. 2022 г.	11 мес. 2023 г.	11 мес. 2024 г.
Нефть	143,8	82,2	97,7
Газ	288,2	32,6	80,7
Металлопрокат (Мет.)	133,6	69,9	102,6
Фосфатные удобрения (ФУ)	98,5	78,9	93,1

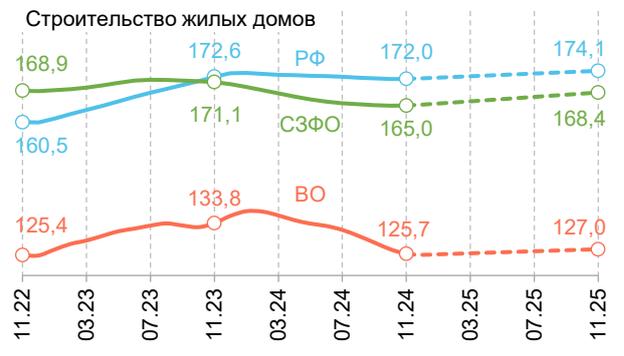
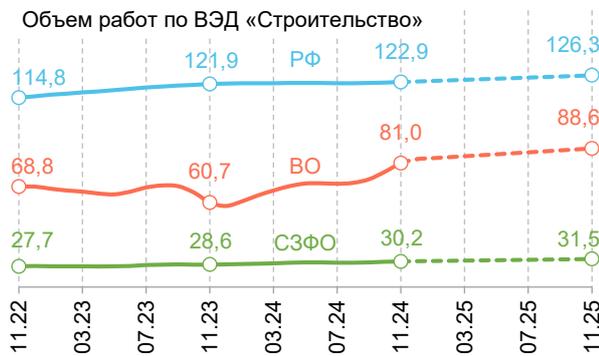
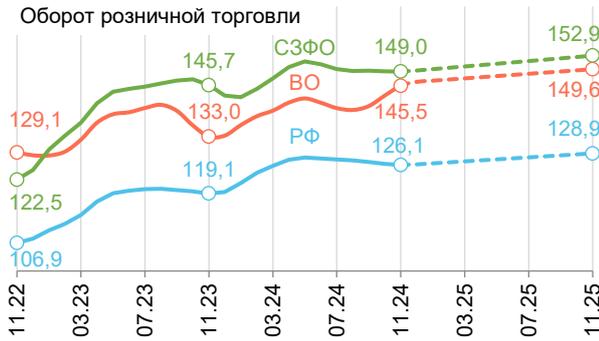
Таблица 11. Цены на металлопродукцию на мировом рынке (страны ЕС) за тонну (на середину декабря соответствующего года)

Вид металлопродукции	Единица измерения	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2024 г., % к	
					2023 г.	2022 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	долл. США	753	730	685	93,8	91,0
Лист оцинкованный	долл. США	813	820	793	96,6	97,5
Лист горячекатаный	долл. США	643	653	580	88,9	90,3
«Длинный» прокат						
Арматурная сталь	долл. США	840	743	613	82,5	72,9
Конструкционные профили	долл. США	930	915	698	76,2	75,0
Сортовой прокат	долл. США	918	860	698	81,1	76,0

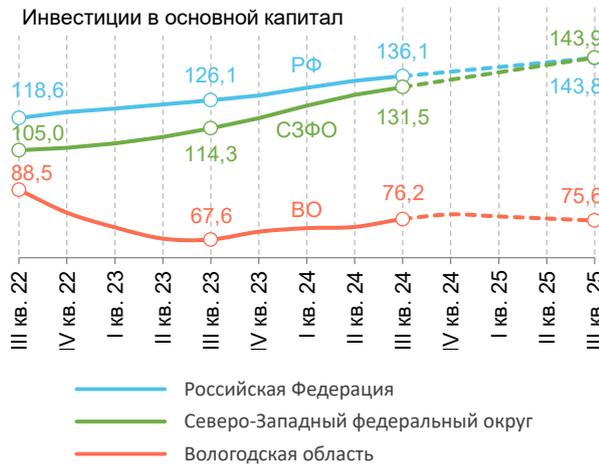
Таблица 12. Цены на металлопродукцию на российском рынке за тонну (на начало января соответствующего года)

Вид металлопродукции	Единица измерения	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2024 г., % к	
					2023 г.	2022 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	руб.	62083	83900	85650	102,1	138,0
Лист оцинкованный	руб.	77220	110378	110375	100,0	142,9
Лист горячекатаный	руб.	57071	67300	63225	93,9	110,8
«Длинный» прокат						
Арматура	руб.	45203	62975	56825	90,2	125,7
Балка и швеллер	руб.	68054	83049	82000	98,7	120,5
Круг	руб.	44000	59800	55967	93,6	127,2
Уголок	руб.	56314	67400	62033	92,0	110,2

Тренды развития потребительского рынка и строительства в 2022–2025 гг., % к уровню 2008 года

Тренды развития инвестиционной активности и внешней торговли в 2021–2025 гг., % к уровню 2008 года

Подводя итог, отметим, что в январе – ноябре 2024 года экономика как страны в целом, так и СЗФО продолжила развиваться, что сопровождалось наращиванием выпуска продукции ряда отраслей промышленности, включая инвестиционные. Продолжился рост доходов населения и государства, увеличился потребительский спрос. Вместе с тем обозначился ряд негативных изменений, таких как снижение доходов организаций, ускорение инфляции и масштабный спад ипотечного кредитования. В сложившихся условиях возрастает важность активизации усилий федеральных и региональных органов власти по стабилизации предпринимательского сектора, ускоренной модернизации обрабатывающей промышленности и развитию потребительского спроса.

В качестве примера уже реализованных мер можно привести расширение поддержки промышленных проектов¹² в том числе производителей электроники¹³, льготное кредитование аграриев¹⁴, а также финансирование туристических проектов¹⁵.

Источники: Росстат, Министерство экономического развития, Банк России, Федеральная таможенная служба, Правительство России, metalinfo.ru, metaltorg.ru, divercitytimes.com

Материал подготовил

М.А. Сидоров
*научный сотрудник
ФГБУН ВолНЦ РАН*

¹² Распоряжение Правительства РФ от 26 декабря 2024 г. № 1901 о вводе понижающего коэффициента на экологический сбор для компаний использующих вторсырье для производства товаров и упаковки для товаров; Распоряжение Правительства РФ от 11 декабря 2024 г. № 3689-р о снижении налоговой нагрузки на малые и средние предприятия, относящиеся к обрабатывающим производствам; Распоряжение Правительства РФ от 16 декабря 2024 г. № 3777-р о расширении поддержки компаний, приобретающих российское высокотехнологичное оборудование; Распоряжение Правительства РФ от 26 декабря 2024 г. № 4024-р о выделении 3,5 млрд руб. на поддержку промышленных предприятий.

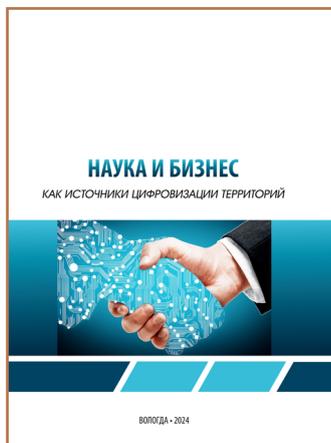
¹³ Распоряжение Правительства РФ от 21 ноября 2024 г. № 3367-р о стимулировании работы предприятий, выпускающих оборудование для создания электронной компонентной базы; Распоряжение Правительства РФ от 21 ноября 2024 г. № 3354-р о выделении 18,5 млрд руб. на поддержку программы льготного кредитования производителей электроники; Распоряжение Правительства РФ от 21 декабря 2024 г. № 1848 о снижении налоговой нагрузки на предприятия, выпускающие оборудование для создания электронной компонентной базы.

¹⁴ Распоряжение Правительства РФ от 28 ноября 2024 г. № 3457-р о направлении дополнительно более 57,5 млрд руб. на субсидирование программы льготного кредитования аграриев; Распоряжение Правительства РФ от 11 декабря 2024 г. № 3680-р о направлении дополнительно более 10 млрд руб. на субсидирование программы льготного кредитования аграриев.

¹⁵ Распоряжение Правительства РФ от 19 декабря 2024 г. № 3866-р о направлении свыше 1,8 млрд руб. на создание инфраструктуры для развития туристических кластеров; Распоряжение Правительства РФ от 23 декабря 2024 г. № 1871 о расширении мер поддержки регионов в рамках государственной программы «Развитие туризма».

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВОЛНЦ РАН

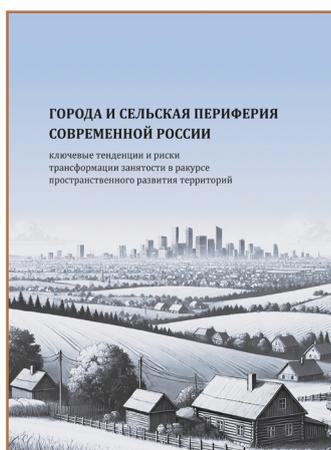

Теребова С.В., Устинова К.А., Усков В.С. [и др.] (2024). Наука и бизнес как источники цифровизации территорий: монография / Вологодский научный центр РАН. Вологда: ВолНЦ РАН. 171 с.

Главы 1, 2 и п. 3.1, 3.2, 3.3 монографии подготовлены в рамках государственного задания № FMGZ-2022-0002 «Методы и механизмы социально-экономического развития регионов России в условиях цифровизации и четвертой промышленной революции»; п. 3.4 подготовлен при финансовой поддержке РНФ (научный проект №22-28-01940) В монографии проведен анализ теоретико-методологических основ источников цифровой трансформации социально-экономического развития регионов. Выполнен анализ тенденций цифровой трансформации экономической деятельности в России, дана оценка влияния «цифрового разрыва» на развитие территорий.

Исследован научно-технологический потенциал как базис цифровизации регионов. Проанализирована взаимосвязь уровня цифровизации экономики региона и научно-технологического потенциала, разработана агентная модель региональной системы управления научно-технологическим потенциалом. Рассмотрена роль предпринимательства в развитии цифровой экономики в регионах, проведено исследование «источников» цифровизации для развития бизнес-платформ, а также направления импортозамещения в сфере цифровизации.

Полученные в результате исследования выводы могут быть полезны сотрудникам научных учреждений, преподавателям высших учебных заведений, представителям органов государственной и региональной власти.

Попов А.В., Соловьева Т.С., Короленко А.В., Груздева М.А. (2024). Города и сельская периферия современной России: ключевые тенденции и риски трансформации занятости в ракурсе пространственного развития территорий: монография / под ред. А.В. Попова; Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. 228 с.

Монография посвящена изучению тенденций и рисков трансформации занятости в контексте пространственного развития территорий. В первой главе обобщены теоретико-методологические основы исследования глобального процесса трансформации занятости и его проявления с учетом пространственного аспекта. Во второй главе представлены результаты исследования основных тенденций и условий трансформации занятости в России. Рассмотрены особенности протекания процесса трансформации занятости в РФ в сравнении со странами «большой семерки». Особое внимание уделено вопросам пространственной трансформации системы расселения и цифровизации в городах и сельской

местности. В третьей главе определены предпосылки трансформации занятости на примере Вологодской области как модельного региона. Проанализированы ключевые тренды социально-экономического развития и демографические проявления трансформации системы расселения территории, определены векторы развития регионального рынка труда. Четвертая глава посвящена специфике трансформации занятости в Вологодской области в ракурсе агломерационного подхода. Показаны особенности занятости населения в разрезе «центр–периферия», представлен анализ экспертных мнений специалистов отделений занятости населения и глав поселений о развитии сферы занятости. В пятой главе обозначены основные направления государственной политики в сфере регулирования занятости населения с учетом особенностей пространственного развития современной России.

Книга адресована научным работникам, преподавателям, студентам, представителям органов власти и всем интересующимся вопросами развития социально-трудовой сферы. Полученные в исследовании выводы и положения могут быть использованы в практике государственного управления для совершенствования политики занятости на федеральном, региональном и муниципальном уровне.

Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий: мат-лы IX Междунар. науч.-практ. интернет-конф. (г. Вологда, 13–15 мая 2024 г.) / Вологодский научный центр РАН. Вологда: ВолНЦ РАН. 481 с.

В сборнике представлены материалы IX Международной научно-практической интернет-конференции «Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий», проходившей в г. Вологде 13–15 мая 2024 года.

Участие в конференции приняли экономисты из научных учреждений и вузов регионов России и стран ближнего зарубежья. В представленных работах обсуждаются проблемы промышленного роста на основе проектов государственно-частного партнерства, проблемы экономического роста в отдельных регионах в условиях структурно-технологической перестройки, методологические проблемы оценки развития муниципалитетов с различными преференциальными режимами предпринимательской деятельности. Затрагиваются вопросы развития пространственной связанности России в контексте интеграционных проектов Большого евразийского партнерства, пространственного развития строительной отрасли северных регионов, инструменты управления социально-экономическим развитием формирующейся агломерации. Освещаются проблемы и актуальные вопросы развития финансовой системы страховых компаний в период цифровой трансформации, модификация финансовых инструментов с учетом ESG-повестки.

Сборник предназначен для научных работников, экономистов, преподавателей, студентов и аспирантов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности и всех интересующихся проблемами экономического роста России.

Ворошилов Н.В. (2024). Маркетинг территорий: учебное пособие / Вологодский научный центр РАН. Вологда: ВолНЦ РАН. 80 с.

В учебном пособии кратко рассмотрены основные темы, дающие представление о ключевых положениях маркетинга территорий. Раскрыты сущность, содержание данного управленческого подхода, описана специфика маркетинга стран, регионов и муниципальных образований; отражены особенности внедрения маркетингового подхода в управление развитием территорий. В конце каждой главы представлены задания для проведения семинарских (практических) занятий, а также тестовые задания для проверки и закрепления изученного материала.

Учебное пособие предназначено для обучающихся (бакалавров и магистрантов) по направлениям подготовки «Экономика», «Государственное и муниципальное управление», а также для аспирантов по специальности «Региональная и отраслевая экономика» при освоении учебных дисциплин (отдельных разделов учебных дисциплин) «Маркетинг территорий», «Территориальный маркетинг», «Региональная экономика».

Лукин Е.В., Леонидова Е.Г. (2024). Трансформация межрегиональных цепочек создания стоимости: учебное пособие / Вологодский научный центр РАН. Вологда: ВолНЦ РАН. 128 с.

В пособии обоснована необходимость развития межрегиональных цепочек создания стоимости в национальной экономике. Обобщены теоретико-методологические основы их трансформации. На основе анализа эмпирических данных оценены современная конфигурация, тенденции и проблемы развития российских цепочек создания стоимости, дана характеристика территориальной и отраслевой фрагментации производства в экономике страны и макрорегионов. Обоснованы перспективы трансформации межрегиональных цепочек создания стоимости в национальной экономике, предложены направления и механизмы их трансформации, оценены экономические эффекты от данных процессов для регионов.

Учебное пособие может быть рекомендовано студентам бакалавриата, магистратуры, аспирантам экономических специальностей, научным работникам, а также всем интересующимся вопросами государственного регулирования экономики.

ПРАВИЛА

приема статей, направляемых в редакцию научного журнала «Проблемы развития территории»

(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://pdt.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЛЕКТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес ptd@volnc.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию. Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

7. Требования к ключевым словам. К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц. В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS Word. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм. Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS Excel, для создания блок-схем – MS Word, MS Visio, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из интернета графических материалов.

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками. Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок. Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы. В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41318;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Грызлова Валерия Игоревна, тел.: 8(8172) 59-78-32, адрес электронной почты: ptd@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
В.М. Кузнецова

Дата выхода в свет 31.01.2025.
Формат 60 × 84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 14,82. Тираж 500 экз. Заказ № 2.
Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС 77-71360 от 17 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Телефон: +7(8172) 59-78-03, факс +7(8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru, ptd@volnc.ru